

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2026
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена Чимаманда Нгози Адичи (1977), нигерийская писательница.

Будущей писательнице дали имена Чимаманда и Нгози, что с языка народа игбо, к которому она принадлежит, переводится как «Мой Бог не ошибается (неисчерпаем)» и «Благословение». Она родилась в Энугу и была пятой в семье из шести детей в городе Нсукка на юге Нигерии, где в Университете Нигерии ее отец Джеймс Нвое Адичи работал профессором статистики и проректором. Мать Грейс Айфеома работала регистратором-секретарем в этом же учебном заведении и была первой женщиной на этом посту за всю его историю.

Еще школьницей Адичи слагала стихи и в 1997 году опубликовала поэтический сборник «Решения». С детства она слушала рассказы отца и матери о гражданской войне в Нигерии (1967–1970), во время которой те лишились всего своего имущества и потеряли родителей, и решила, что напишет об этом. В шестнадцать лет Чимаманда Нгози написала пьесу «За любовь к Биафре», вышедшую в свет в 1998 году. Решающее влияние на молодую писательницу оказали романы Чинуа Ачебе и Лей Камара «И пришло разрушение» и «Африканский ребенок». В результате она изменила тему произведений на африканскую и негритянскую.

Чимаманда полтора года изучала медицину и фармакологию в Университете Нигерии. Но осознав, что медицина — не ее призвание, в 1996 году уехала учиться в США. Прослушав курс лекций по коммуникации и политологии в Дрексельском университете в Филадельфии, она перевелась в Университет Восточного Коннектикута, чтобы жить поближе к сестре Айджеоми, у которой была медицинская практика в Ковентри. В 2001 году Чимаманда с отличием окончила этот вуз и получила степень бакалавра.

Вскоре она стала магистром в области литературы в университете Джонса Хопкинса, а также магистром искусств, специализируясь в африканистике в Йельском университете.

Четыре ее произведения — «Ты в Америке», «Дерево в бабушкином саду», «Этот утренний харматан» и «Американское посольство» — были отмечены различными престижными номинациями и премиями.

В Коннектикуте она приступила к своему первому роману «Пурпурный гибискус», в котором повествование ведется от имени главной героини — пятнадцатилетней Камбили Ачике, которая вместе с братом по имени Джаджа страдает от произвола отца-бизнесмена, самодура и католического святоши. Действие произведения развивается на фоне событий в постколониальной Нигерии. Семья

Ачике разваливается, но в итоге все заканчивается счастливо. Роман был издан в 2003 году и в течение следующих двух лет был удостоен двух литературных премий стран Содружества наций в категориях «Лучшая первая книга (Африка)» и «Лучший дебют (в целом)» и еще семи наград, включая номинацию на литературную премию «Оранж» (2004).

В названии ее второй прозаической книги «Половина желтого солнца» отражен один из мотивов флага Биафры — непризнанного государства, существовавшего на территории Нигерии во время гражданской войны в Нигерии 1967–1970 годов. В этом романе показано, как межэтнический конфликт народов хауса и игбо, а затем и эта война повлияли на судьбы главных героев — сельского юноши Угву, его хозяина Оденигбо и двух сестер-близнецов Оланны и Кайнене. Роман был награжден семью премиями, а в 2013 году по мотивам «Половины желтого солнца» был снят одноименный фильм. В конце того же года роман отметили на Международном кинофестивале в Торонто.

В 2009 году вышла книга Чимаманды Адичи «Штука у тебя на шее» — сборник из двенадцати рассказов, преимущественно на нигерийскую и американскую тематику. Один из них, «Холм прыгающей обезьяны», содержит элементы автобиографии. В рассказе «Американское посольство» показана женщина, которая добивается убежища в США, но в конце концов отказывается от этого намерения, потому что не хочет, чтобы ее сына убили ради визы.

В 2010 году Адичи вместе с другими авторами вошла в список «Двадцатка моложе сорока», составленный журналом «Нью-Йоркер» в категории «Художественная литература». В следующем году ее рассказ «Потолок» вошел в список «Лучшие американские рассказы».

В 2013 году она опубликовала свой третий роман, «Американа». Этот труд был удостоен двух наград — премии газеты «Чикаго трибюн» в категории «Художественная литература» и премии Национального круга книжных критиков в категории «Художественная литература».

Адичи неоднократно выступала с докладами на лекциях и конференциях. На конференции TED писательница выступила с докладом «Опасность отдельно взятого рассказа», в Гилдхолле (Лондон) она прочитала лекцию на тему культурных связей между странами Содружества «Читать реалистичную литературу — значит искать человечность», на конференции TEDx Адичи произнесла речь «Мы все должны быть феминистами».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Медведев А. В.

Цифровой доступ к транспортному средству
как способ неправомерного завладения
по статье 166 УК РФ 515

Моисеев В. В.

Деятельность органов прокуратуры
по защите жилищных прав граждан
РФ: законодательство и практика
правоприменения 516

Нигматуллина Э. Б.

Правовое регулирование сферы культуры
в Российской Федерации на современном
этапе: цели, задачи, уровни, формы, способы,
инструменты 520

Николушенко В. В.

Проблемы правового регулирования
представительства в гражданском праве
Российской Федерации 524

Новокшенов Н. А.

Смарт-контракты в системе социального
обеспечения: правовое моделирование
механизмов микрострахования
плательщиков налога на профессиональный
доход 527

Обухова А. А.

Проблемы правового регулирования
отношений в сфере эстетической медицины... 531

Обуховская П. Г.

Оборот огнестрельного оружия
ограниченного поражения: нормы
административного законодательства РФ 534

Огнянов Я. О.

Системные проблемы профессиональной
защищенности сотрудников прокуратуры
Российской Федерации: анализ факторов
риска 537

Панин И. Н.

К вопросу о квалификации
убийства, сопряженного с изнасилованием
или насильственными действиями
сексуального характера (пункт «к» части 2
статьи 105 УК РФ)..... 539

Парамонова Я. А.

Проблемы квалификации нецелевого
расходования бюджетных средств..... 541

Петров С. А.

Применение специальных знаний
при расследовании экономических
преступлений в сфере недвижимости
и строительства 543

Плотникова Е. Т., Калашникова А. А.

Эвтаназия: опыт зарубежных государств
и Российской Федерации 546

Полятинская Е. С.

Пробелы правового регулирования
административной ответственности
за правонарушения в сфере оборота
драгоценных металлов, драгоценных камней
и их продукции в РФ 549

Прокофьева О. А.

Направления использования средств
материнского (семейного) капитала
в Российской Федерации..... 551

Прошев Е. П.

Прокурорский надзор за органами
дознания на стадии предварительного
расследования: проблемы реализации
и пути совершенствования 552

Радченко В. Е.

Проблемы фиксации показаний
на предварительном расследовании
и в суде 556

Рудник В. А.

Критерии оценки доказательственной базы
в делах об административных нарушениях
в сфере связи и информации..... 558

Рудник В. А.

Механизмы идентификации и привлечения
к ответственности юридических лиц
за нарушения законодательства в области
связи и информации..... 562

Соколов А. Ю.

Проблемы квалификации преступлений,
связанных с причинением смерти
посягающим при превышении необходимой
обороны 566

Соловьёва О. В.

Невменяемость: анализ критериев
и проблемы отграничения от вменяемости
в российском уголовном праве 568

Терехова А. А.

Совершение родственных сделок
с несовершеннолетними (подопечными):
от теории к практике 571

Тимергалеева М. И.

Ипотека зданий и сооружений
в российском гражданском праве:
особенности правового регулирования
и проблемы правоприменения 574

Токарева К. А.

Дискуссионные вопросы квалификации
преступлений, связанных с принуждением
к даче показаний 576

Туманова Ю. Е.

Поиск и реализация жизненного
предназначения: модели психологического
консультирования 578

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Цифровой доступ к транспортному средству как способ неправомерного завладения по статье 166 УК РФ

Медведев Алексей Витальевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматривается квалификация неправомерного завладения транспортным средством при использовании каршеринга, мобильных приложений, электронных ключей и аккаунтов пользователей. Обосновывается, что цифровой доступ не меняет правовую природу угона, но требует оценки законности доступа, умысла и последующего поведения лица.

Ключевые слова: ст. 166 УК РФ, угон, неправомерное завладение, транспортное средство, каршеринг, цифровой доступ.

Digital access to a vehicle as a method of unlawful taking under Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation

Medvedev Alexey Vitalievich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article examines unlawful taking of a vehicle through car sharing, mobile applications and electronic keys. The author concludes that digital access is a modern method of committing unlawful taking, not a separate offence.

Keywords: Article 166 of the Criminal Code, unlawful taking, vehicle, car sharing, digital access.

Развитие цифровых сервисов изменило привычное представление о завладении транспортным средством. Если ранее угон обычно связывался с физическим проникновением в автомобиль, подбором ключа или взломом замка, то сегодня доступ может осуществляться через мобильное приложение, аккаунт каршеринга, электронный ключ или код подтверждения. Поэтому возникает вопрос: меняет ли такой способ доступа уголовно-правовую природу угона или является только современной формой совершения уже известного преступления.

Статья 166 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения [1]. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что под таким завладением понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям [2]. Следовательно, решающее значение имеет не технический способ открытия автомобиля, а отсутствие согласия законного владельца, фактическое использование транспорта, прямой умысел и отсутствие цели хищения.

Наиболее показательной является ситуация с каршерингом. Пользователь может иметь аккаунт, но нарушить условия договора; другое лицо может воспользоваться чужим аккаунтом; доступ может быть получен через похищенный телефон или пароль. Внешне автомобиль в каждом случае разблокируется через приложение, однако правовая оценка различается. Если лицо получило доступ на основании договора, то просрочка оплаты или нарушение зоны завершения аренды не должны автоматически квалифицироваться как угон. Иная оценка возможна, если лицо изначально не имело законного основания пользоваться автомобилем.

В научной литературе отмечается, что дела о каршеринговых автомобилях требуют учета особенностей цифрового доступа. И. И. Евтушенко указывает, что не всякое нарушение правил пользования каршерингом является преступлением [3, с. 139–142]. Л. Г. Халиуллина подчеркивает, что при каршеринге фактический доступ обеспечивается информационной системой, поэтому традиционные подходы к квалификации нуждаются в уточнении [4, с. 114–116].

Если доступ к автомобилю получен через чужой аккаунт без согласия его владельца, с использованием похищенного телефона, подобранный пароль или поддельных данных, неправомерность завладения обычно очевидна. В такой ситуации цифровой способ выполняет ту же функцию, что и физическое вскрытие автомобиля: устраняет препятствие к фактическому контролю над транспортным средством. Если после этого лицо совершает поездку без намерения присвоить автомобиль, содеянное при наличии иных признаков может квалифицироваться по ст. 166 УК РФ.

Особое значение сохраняет разграничение угона и хищения. И. Д. Бадамшин отмечает, что для квалификации по ст. 166 УК РФ решающим является отсутствие цели хищения [5, с. 80–82]. Аккаунт, пароль или электронный ключ показывают только способ получения контроля над автомобилем, но не раскрывают конечную цель лица. Об отсутствии цели хищения могут свидетельствовать кратковременное использование, оставление автомобиля в доступном месте, отсутствие попыток продажи, сокрытия, разборки или изменения идентификационных признаков.

Цифровой доступ влияет и на доказывание. Значение имеют история входов в аккаунт, геолокация, сведения о привязанном устройстве, IP-адреса, записи камер, телематические данные автомобиля, история бронирования

и оплаты. Эти сведения позволяют установить фактического пользователя, момент начала движения, маршрут, место оставления автомобиля и возможные действия по сокрытию. Поэтому цифровизация одновременно усложняет квалификацию и расширяет возможности доказывания.

Представляется целесообразным дополнить судебные разъяснения указанием на особенности цифрового доступа. Следовало бы закрепить, что доступ к автомобилю через приложение, аккаунт или электронный ключ может быть способом неправомерного завладения только при отсутствии согласия законного владельца и фактическом использовании транспортного средства. При этом нарушение договорных условий само по себе не образует состав ст. 166 УК РФ без прямого умысла на неправомерное завладение.

Таким образом, цифровой доступ является не новым составом преступления, а современным способом совершения неправомерного завладения транспортным средством. Статья 166 УК РФ может применяться к ситуациям с каршерингом, мобильными приложениями и электронными ключами, если установлены все признаки угона. Правоприменение должно быть осторожным: цифровая форма доступа не должна подменять анализ законности пользования автомобилем, цели виновного и его последующего поведения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М., 2026.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25, ред. от 25.06.2024, «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 2.
3. Евтушенко, И. И. К вопросу о квалификации преступных деяний, совершенных в отношении каршеринговых автомобилей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 1. — С. 139–145.
4. Халиуллина, Л. Г. Особенности квалификации неправомерного завладения автомобилем сервиса каршеринга без цели хищения // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 5. — С. 114–118.
5. Бадамшин, И. Д. Отдельные аспекты квалификации ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2018. — № 2. — С. 79–84.

Деятельность органов прокуратуры по защите жилищных прав граждан РФ: законодательство и практика правоприменения

Моисеев Виктор Викторович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются правовые основы и практические аспекты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по защите жилищных прав граждан. Анализируется нормативно-правовая база прокурорского надзора в жилищной сфере, включая конституционные гарантии права на жилище, положения федерального законодательства и ведомственные акты. Особое внимание уделяется компетенции прокуратуры в сфере контроля за соблюдением жилищного законодательства, защите прав граждан при предоставлении жилых помещений, переселении из аварийного

жилья, а также в вопросах жилищно-коммунального обслуживания. На основе анализа судебной практики и конкретных примеров прокурорского реагирования исследуется эффективность мер прокурорского надзора в восстановлении нарушенных жилищных прав. Делается вывод о значимой роли прокуратуры как универсального правозащитного механизма, обеспечивающего реализацию конституционного права граждан на жилище, а также о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов прокурорского реагирования в данной сфере.

Ключевые слова: жилищные права граждан, органы прокуратуры, прокурорский надзор, право на жилище, жилищное законодательство, защита прав граждан, судебная практика, жилищно-коммунальная сфера, прокурорское реагирование, аварийное жильё, правоприменительная практика.

Право на жилище, гарантированное каждому статьёй 40 Конституции Российской Федерации, занимает особое место в системе социальных прав человека и гражданина [3]. Конституционная формула, запрещающая произвольное лишение жилища и возлагающая на органы публичной власти обязанность поощрять жилищное строительство, находит свою детализацию в Жилищном кодексе РФ и целом массиве подзаконных актов. Однако дистанция между нормативной декларацией и реальным положением дел остаётся, к сожалению, значительной. Именно эту дистанцию и призвана сокращать прокуратура — многофункциональный государственный институт, чья правозащитная роль в жилищной сфере с каждым годом становится всё более весомой.

Правовую базу деятельности прокуратуры на рассматриваемом направлении образуют, прежде всего, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Жилищный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ. Согласно п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре, прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции, исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина [17]. Предметом надзора применительно к анализируемой сфере выступает деятельность по признанию, соблюдению и защите жилищных прав граждан со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций. Как справедливо отмечается в доктрине, особенность этого надзора обусловлена многообразием поднадзорных объектов и спецификой правового статуса самих граждан [18].

Компетенция прокурора в жилищной сфере складывается из нескольких взаимосвязанных блоков. Во-первых, это надзор за законностью нормативных правовых актов, регулирующих жилищные отношения на региональном и муниципальном уровнях. Во-вторых — надзор за соблюдением жилищных прав граждан органами власти и хозяйствующими субъектами. В-третьих — участие в гражданском и административном судопроизводстве в целях защиты жилищных прав социально уязвимых категорий граждан. Ведомственные приказы Генерального прокурора РФ конкретизируют эти направления. Приказ № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [15] определяет общие организационные подходы к надзору за соблюдением прав и свобод, тогда

как приказ № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере» прямо предписывает считать данное направление одним из приоритетных [14].

Конкретные обязанности прокурора отнюдь не исчерпываются реагированием на поступающие сигналы о нарушениях. Они включают инициативный сбор информации, системный анализ состояния законности на поднадзорной территории, проведение проверок, внесение актов реагирования и — что принципиально важно — контроль за фактическим, а не формальным устранением нарушений. Как гласит п. 21 приказа № 195, деятельность прокуроров надлежит оценивать «исходя из правомерности и своевременности вмешательства, полноты использования предоставленных полномочий, принципиальности и настойчивости в устранении нарушений закона, восстановлении нарушенных прав, привлечении виновных к ответственности» [15].

Общий надзор за жилищно-коммунальной сферой вовлекает прокурора в чрезвычайно широкий круг правовых отношений. Проверка законности нормативных актов, контроль за бюджетным финансированием жилищных программ, пресечение нарушений при переселении из аварийного жилья, надзор за управляющими компаниями и региональными операторами капитального ремонта — все эти направления охватываются общим надзором прокурора в сфере ЖКХ. Масштаб этой работы иллюстрирует свежая статистика: по данным прокуратуры Омской области, только за три первых месяца 2026 года сотрудниками выявлено более 31 тыс. нарушений федерального законодательства, при этом значительная их часть пришлась именно на жилищно-коммунальный сектор [7]. С целью их устранения внесено 6,2 тыс. представлений, в суды направлено свыше 970 исковых заявлений.

Конституционное право на жилище задаёт общие рамки отношений между государством и гражданином в жилищной сфере, тогда как отраслевые жилищные права, закреплённые в Жилищном кодексе РФ, наполняют эти рамки конкретными правомочиями. Статья 30 ЖК РФ устанавливает правомочия собственника жилого помещения: он вправе владеть, пользоваться и распоряжаться им в соответствии с его назначением и пределами использования [2]. Однако на практике реализация этих правомочий оборачивается множеством коллизий: незаконные перепланировки, споры о выселении бывших членов семьи собственника, злоупотребления при пере-

воде жилых помещений в нежилые. Основания же возникновения жилищных прав, согласно статье 10 ЖК РФ, многообразны: от договоров и актов государственных органов до членства в жилищных кооперативах. Однако как быть, например, лицу из числа детей-сирот, чьё право на жильё прямо предусмотрено федеральным законом, но годами не исполняется региональными чиновниками? Здесь на сцену выходит прокуратура как универсальный правозащитный механизм.

Ярким примером прокурорского вмешательства может служить ситуация, освещённая на официальном портале прокуратуры города Москвы летом 2025 года. В ходе проверки по обращению матери участника специальной военной операции было установлено, что заявитель длительное время проживала в ненадлежащих условиях: занимаемое на праве собственности жилое помещение требовало ремонта, в том числе по причине неоднократных затоплений из-за протечки кровли. Тем самым были нарушены ее права как собственника, гарантированные частью 1 статьи 161 Жилищного кодекса РФ: право на благоприятные и безопасные условия проживания и право на надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме. С целью восстановления прав жительницы столицы органами прокуратуры с привлечением органов власти и учреждений жилищно-коммунального комплекса города было организовано проведение ремонтных работ. «Прокуроры лично проконтролировали фактическое устранение нарушений», — подчёркивается в сообщении надзорного ведомства [8]. Этот пример примечателен тем, что демонстрирует не просто формальное реагирование, а реальное, осязаемое восстановление нарушенного права конкретного человека.

Не менее показательна и практика прокуратуры Московской области. Здесь следует выделить как минимум два направления: защиту прав социально уязвимых категорий граждан в их гражданских и жилищных правах и участие в совершенствовании регионального нормотворчества. На территории Подмосковья прокуроры регулярно встают на защиту прав детей-сирот и инвалидов, используя такое требование, как признание акта государственного органа незаконным. Так, в июне 2025 года прокуратура Московской области помогла жительнице восстановить жилищные права: в ходе проверки были выявлены нарушения, и надзорное ведомство обратилось в суд с требованием признать решение местной администрации незаконным, а также включить девушку в список детей-сирот для получения жилья на территории Богородского округа г. Ногино [9]. В другом случае Пушкинская городская прокуратура провела проверку по обращению инвалида-колясочника и установила, что условия его проживания не соответствуют требованиям доступности жилья [12].

Проблемы в жилищно-коммунальной сфере Подмосковья также не остаются без внимания прокуроров. По поручению Генерального прокурора РФ управлением Генеральной прокуратуры по Центральному федеральному

округу в декабре 2025 года было организовано рассмотрение обращений жителей ряда регионов ЦФО. В частности, в городском округе Химки Московской области были установлены превышение сроков аварийного прекращения подачи горячей воды и отопления жильцам здания, ненадлежащее содержание общедомового имущества. Тем самым были нарушены право граждан на получение коммунальных услуг надлежащего качества и право на соразмерное уменьшение платы за них в случае нарушения качества или превышения допустимых перерывов, гарантированное статьей 157 Жилищного кодекса РФ, а также право на благоприятные и безопасные условия проживания и надлежащее содержание общего имущества, закрепленное в части 1 статьи 161 Жилищного кодекса РФ. По требованию прокуратуры в октябре 2025 года были завершены работы по модернизации котельной, а в инвестиционную программу на 2026–2028 годы включили ещё 28 мероприятий по приведению в нормативное состояние аварийных участков тепловых сетей. Кроме того, был проведён текущий ремонт дома заявителя и девяти других жилых зданий, а потребителям произведён перерасчёт коммунальных платежей [11].

Аналогичным образом, в апреле 2026 года Химкинская городская прокуратура провела проверку по факту обращения пенсионеров о нарушении их жилищных прав — права на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 3 ЖК РФ) и права на защиту от произвольного лишения жилища (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ) — и помогла их восстановить [4]. Это лишь малая иллюстрация того, насколько четко и оперативно работают прокуроры на местах.

Обратимся теперь к судебной практике, которая служит важнейшим индикатором реальной эффективности прокурорского надзора. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2025 год, утверждённый Президиумом 8 октября 2025 года, зафиксировал правовые позиции по разрешению жилищных споров, затрагивающих права нанимателей, собственников, вопросы переселения из аварийного жилья и предоставления социального жилья [5].

Показательным является и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 января 2026 года по делу № 19-КГ25–20-К5. Фабула дела такова: прокуратура Ставропольского края обратилась в суд с иском о выселении гражданина и членов его семьи из служебного жилого помещения без предоставления другого жилья. Ответчик ранее занимал должность заместителя прокурора района и получил пятикомнатную служебную квартиру, однако после увольнения из органов прокуратуры освободить её отказался. Решением Ленинского районного суда г. Ставрополя от 28 января 2025 года в удовлетворении иска было отказано, и суды апелляционной и кассационной инстанций оставили это решение в силе. Однако Судебная коллегия ВС РФ, заслушав объяснения представителя прокуратуры и ответчика, пришла к выводу о существенных нарушениях норм материаль-

ного и процессуального права и направила дело на новое рассмотрение [6]. Данный судебный акт показывает, что прокурор выступает как субъект, чьи собственные действия должны быть безупречны с точки зрения закона.

Другой блок судебной практики касается споров о признании граждан утратившими право пользования жилым помещением. Например, Талдомский районный суд Московской области в феврале 2025 года рассмотрел дело № 2–221/2025 с участием прокурора Головешкиной Е. С. Суть спора сводилась к тому, что ответчики, будучи зарегистрированными в жилом помещении, фактически там не проживали, личных вещей не имели и коммунальные услуги не оплачивали. Участие прокурора в процессе обеспечило всестороннюю оценку обстоятельств дела и защиту прав добросовестного собственника [16]. Суд, руководствуясь частью 1 статьи 30 и частями 1, 2 статьи 31 Жилищного кодекса РФ, признал ответчиков не приобретшими право пользования спорным жилым помещением, поскольку те не вселялись в него в качестве членов семьи собственника и не несли обязанностей по его содержанию. Таким образом, в распоряжении прокурора имеется целый спектр средств, позволяющих гибко реагировать на специфику конкретного правонарушения. Арсенал прокурора выстроен по принципу эскалации: сначала предостережение о недопустимости нарушения, затем представление об устранении нарушений, протест на противоречащий закону акт, постановление о возбуждении административного производства, и наконец — иск в суд по ст. 45 ГПК РФ [1]. Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении № 2-П от 17 февраля 2015 года, представление прокурора

ориентировано на добровольное устранение нарушений органами и должностными лицами и не обеспечено мерами принудительного исполнения [13]. Именно поэтому исковая работа прокурора приобретает особое значение: вступившее в законную силу решение суда гарантирует реальное восстановление нарушенного права.

Итоговый правовой механизм защиты жилищных и гражданских прав гражданина средствами прокурорского надзора представляет собой многоступенчатую систему. По поступившему обращению или иным законным поводам прокурор проводит проверку, в ходе которой истребует документы и объяснения. При выявлении нарушений вносится представление, либо приносится протест на незаконный правовой акт, либо выносится постановление о возбуждении административного производства. Если эти меры не возымели действия — следует иск в суд. Одновременно с восстановлением прав конкретного заявителя прокурор, используя свои надзорные полномочия в отношении всего круга поднадзорных объектов, добивается устранения причин и условий, способствовавших нарушению, — иными словами, работает на опережение. Защита жилищных прав граждан — не застывшая нормативная данность, а динамичный процесс, действенность которого напрямую зависит от настойчивости, принципиальности и процессуальной грамотности прокурорских работников. Обобщение приведенных материалов прокурорской и судебной практики подтверждает: прокуратура остаётся тем институтом, который способен превратить конституционную гарантию права на жилище в реальный, осязаемый результат для каждого гражданина.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 06.05.2026).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 15. — Ст. 1691.
4. Лента Новостей Подмосковье. Химкинская городская прокуратура восстановила жилищные права пенсионеров [Электронный ресурс] // URL: <https://newsmosobl.ru/incident/2026/04/29/17323.html> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516206/425196c6b93ddf721d451ebb811fb2bcaabdb1e3/ (дата обращения: 05.05.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2026 по делу № 19-КГ25–20-К5. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=878149#2E0llIVUXNOKJ2To> (дата обращения: 05.05.2026).
7. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Новости прокуратуры Омской области от 22.04.2026 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_55/mass-media/news/archive/e8471145/ (дата обращения: 05.05.2026).
8. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Новости прокуратуры города Москвы от 02.06.2025 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=104297234 (дата обращения: 05.05.2026).

9. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Новости прокуратуры Московской области от 25.06.2025 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/mass-media/news/archive/e6295184/ (дата обращения: 05.05.2026).
10. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Новости прокуратуры Московской области от 29.05.2025 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/mass-media/news/archive/e7450815/ (дата обращения: 05.05.2026).
11. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Новости Управления Генеральной прокуратуры РФ по Центральному федеральному округу от 01.12.2025 [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_cfo/mass-media/news/main/e8090625/ (дата обращения: 05.05.2026).
12. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. Пушкинская городская прокуратура помогла инвалиду-колясочнику восстановить жилищные права [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/mass-media/news/regional/e8311287/ (дата обращения: 05.05.2026).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 9. — Ст. 1389.
14. Приказ Генерального прокурора РФ от 03.03.2017 № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219299/ (дата обращения: 05.05.2026)
15. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. — 2008. — № 3. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181/ (дата обращения: 05.05.2026)
16. Решение Талдомского районного суда Московской области от 24.02.2025 по делу № 2–221/2025. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: <https://судебныерешения.рф/88213488> (дата обращения: 06.05.2026).
17. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
18. Щепетков, В. В. Деятельность органов прокуратуры по защите жилищных прав граждан и оценка ее эффективности: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Щепетков Владимир Владимирович; [Место защиты: «Университет прокуратуры Российской Федерации»; Диссовет 76.2.001.02 (Д 170.001.XX)]. — Москва, 2025.

Правовое регулирование сферы культуры в Российской Федерации на современном этапе: цели, задачи, уровни, формы, способы, инструменты

Нигматуллина Эльза Булатовна, студент

Научный руководитель: Сытенко Георгий Игоревич, ассистент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье автор исследует правовое регулирование сферы культуры в Российской Федерации, включая цели, задачи, уровни, формы, способы и инструменты, опираясь на законы государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, сфера культуры, государственная культурная политика, культурное наследие, культурные права граждан, программно-целевой метод, финансовые механизмы, организационно-правовые средства, цифровизация культуры, интеллектуальная собственность.

Правовое регулирование сферы культуры в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, находящуюся в состоянии динамичного развития. Оно основывается не только на нормах законодательства, но и на документах стратегического планирования, определяющих долгосрочные ориентиры государственной культурной политики. К числу таких документов относятся Конституция Российской Федерации, Основы государственной культурной политики,

Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации, а также национальные проекты и государственные программы, направленные на развитие культуры. Данные документы формируют систему целей и задач, обеспечивающих сохранение, развитие и доступность культурных ценностей. Подробно рассмотрим эти цели и задачи.

Одной из целей Правового регулирования сферы культуры в Российской Федерации является достижение ба-

ланса между публичными интересами государства, связанными с сохранением национальной идентичности и безопасности, и частными правами граждан на свободу творчества и доступ к культурным ценностям. Анализ действующего законодательства, включая Конституцию Российской Федерации, «Основы законодательства о культуре» 1992 года и специализированные федеральные законы, позволяет выделить в числе ключевых целей сохранение культурного наследия, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение культурного суверенитета государства [14]. Эта цель конкретизируется в ряде задач: обеспечение конституционных прав граждан на творчество и участие в культурной жизни [5], сохранение материального и нематериального культурного наследия, охрана интеллектуальной собственности [2] и эффективное противодействие незаконному обороту культурных ценностей [4].

Одной из ключевых целей правового регулирования является сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторического и культурного наследия страны. Это обусловлено тем, что культура рассматривается государством как основа национальной идентичности и фактор обеспечения общественного единства. В рамках данной цели особое значение приобретают меры по охране объектов культурного наследия, поддержке народного творчества, сохранению языкового и этнокультурного многообразия народов России.

С указанной целью тесно связана задача обеспечения преемственности поколений и сохранения культурной памяти общества. Государство стремится создать условия для передачи исторических, нравственных и культурных ценностей молодому поколению через систему образования, деятельность учреждений культуры, развитие просветительских проектов и культурных инициатив.

Другой важной целью правового регулирования является обеспечение реализации конституционных прав граждан на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям. В соответствии с законодательством, «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [6]. Для достижения данной цели государство решает ряд задач: развитие сети учреждений культуры; повышение доступности культурных услуг независимо от места проживания граждан; модернизация библиотек, музеев, театров и домов культуры; внедрение цифровых технологий, обеспечивающих удалённый доступ к культурным ресурсам.

Особую актуальность данные задачи приобретают в условиях цифровизации общества, когда государственная политика ориентируется на расширение возможностей получения культурных услуг посредством электронных платформ и цифровых сервисов.

Следующей не менее важной целью выступает создание условий для развития творческого потенциала личности и поддержки профессиональной творческой

деятельности. Государственное регулирование направлено на формирование благоприятной среды для деятельности деятелей культуры и искусства, развитие системы художественного образования, поддержку молодых талантов и стимулирование культурных инициатив. Реализация данной цели предполагает финансирование культурных проектов, предоставление грантов, создание механизмов государственной поддержки творческих коллективов и организаций.

Отдельное место среди целей занимает обеспечение единства культурного пространства Российской Федерации при сохранении регионального и этнического многообразия [14]. Российская Федерация является многонациональным государством, поэтому правовое регулирование ориентировано одновременно на укрепление общероссийской культурной идентичности и поддержку культурных особенностей различных народов. В связи с этим государство решает задачи развития региональных культурных программ, поддержки национальных языков и традиций, а также сохранения самобытности народов России [14].

Современные стратегические документы также подчёркивают значение культуры как фактора социально-экономического развития страны. Культура рассматривается не только как духовная сфера, но и как ресурс формирования человеческого капитала, повышения качества жизни населения и укрепления международного авторитета государства. Поэтому среди задач [11] правового регулирования выделяются повышение эффективности управления культурной сферой, совершенствование механизмов финансирования культуры, развитие государственно-частного партнёрства, поддержка культурных индустрий и повышение конкурентоспособности российского культурного продукта [11].

Кроме того, одной из приоритетных задач является совершенствование системы управления и нормативно-правовой базы в сфере культуры. Постоянные изменения общественных отношений, развитие информационных технологий и новые формы культурной деятельности требуют адаптации законодательства и разработки современных механизмов регулирования.

Таким образом, цели и задачи правового регулирования сферы культуры в Российской Федерации имеют комплексный характер и направлены на сохранение культурного наследия, обеспечение доступности культурных благ, поддержку творческой деятельности, укрепление национальной идентичности и развитие культурной сферы как стратегически важного направления государственной политики. Реализация данных целей обеспечивается посредством системы нормативных актов, государственных программ и стратегических документов, определяющих приоритеты культурного развития страны.

Важнейшей особенностью российского подхода является федеративный принцип организации публичной власти, который предполагает строгое разграничение предметов ведения между тремя уровнями [5, разгра-

ничество полномочий]. На федеральном уровне устанавливаются универсальные «правила игры», включая Гражданский кодекс (часть четвертая) [2], регулирующий интеллектуальные права, и международные договоры, которые учитываются в системе правового регулирования РФ [5]. Уровень субъектов Российской Федерации получает полномочия адаптировать федеральное законодательство к региональной специфике, осуществлять меры по выявлению, учёту и сохранению объектов нематериального культурного наследия, и управлять региональными музеями и библиотеками. Наконец, муниципальный уровень, представляющий собой местное самоуправление, решает вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в сфере культуры, создавая условия для работы клубов, библиотек и охраны памятников местного значения [18]. Такая трехуровневая система позволяет учитывать уникальную культурную самобытность народов России при сохранении единого правового пространства. При этом реализация государственной политики в сфере культуры осуществляется посредством комплекса методов и инструментов правового регулирования, среди которых особое значение имеют программно-целевые методы, финансовые механизмы и организационно-правовые средства. Их применение позволяет обеспечивать достижение стратегических целей культурной политики, координировать деятельность государственных органов и учреждений культуры, а также повышать эффективность использования ресурсов.

Программно-целевые методы представляют собой один из ключевых способов государственного регулирования сферы культуры. Их сущность заключается в постановке конкретных целей и задач, определении сроков реализации, необходимых ресурсов, ответственных субъектов и ожидаемых результатов. Использование данного подхода позволяет перейти от разрозненных мер поддержки культуры к системному планированию развития отрасли. В современной России программно-целевой метод реализуется через государственные программы и национальные проекты. Наиболее значимой является государственная программа «Развитие культуры», направленная на сохранение культурного наследия, повышение доступности культурных благ, развитие инфраструктуры учреждений культуры и поддержку творческой деятельности [11]. В рамках таких программ устанавливаются количественные и качественные показатели эффективности, позволяющие оценивать результаты проводимой политики.

Применение программно-целевого подхода обеспечивает решение ряда задач: концентрацию финансовых и организационных ресурсов на приоритетных направлениях, согласованность действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, повышение прозрачности расходования бюджетных средств, возможность контроля достижения поставленных целей, адаптацию культурной политики к изменяющимся социальным усло-

виям. Вместе с тем эффективность программно-целевого управления зависит от качества планирования, полноты финансирования и реальной оценки достигнутых результатов. Недостаточное ресурсное обеспечение либо формальный характер показателей могут снижать результативность государственных программ.

Наряду с программно-целевыми методами важную роль играют финансовые механизмы регулирования сферы культуры, представляющие собой совокупность способов формирования, распределения и использования денежных средств для поддержки культурной деятельности. Основным источником финансирования остаются бюджетные средства, выделяемые из федерального, региональных и муниципальных бюджетов. За счёт бюджетного финансирования обеспечивается функционирование государственных и муниципальных учреждений культуры, содержание объектов культурного наследия, проведение культурных мероприятий, реализация образовательных и просветительских программ.

Современная система финансового обеспечения культуры включает различные формы поддержки [1]: субсидии, грантовая поддержка, субвенции, целевые трансферты, налоговые льготы и преференции для отдельных участников культурной деятельности и механизмы государственно-частного партнёрства [17], предполагающие участие бизнеса в реализации культурных проектов.

Особое значение приобретает диверсификация источников финансирования, позволяющая снизить зависимость культурной сферы исключительно от бюджетных средств. В современных условиях государство стимулирует привлечение внебюджетных инвестиций, развитие благотворительности, меценатства и спонсорской поддержки. Финансовые механизмы выполняют не только обеспечительную функцию, но и выступают инструментом государственного воздействия на приоритеты культурного развития. Посредством распределения финансирования государство определяет направления, которые нуждаются в первоочередной поддержке.

Не менее важными являются организационно-правовые средства регулирования, обеспечивающие функционирование системы управления культурной сферой. Под ними понимаются правовые формы, институты и процедуры, посредством которых осуществляется организация культурной деятельности и взаимодействие её участников. К организационно-правовым средствам относятся установление полномочий федеральных органов государственной власти, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере культуры; создание и деятельность государственных и муниципальных учреждений культуры [3]; разрешительные и регистрационные процедуры в отдельных сферах деятельности; государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия [16]; нормативное закрепление статуса объектов культурного наследия; регулирование деятельности некоммерческих организаций в сфере культуры; разработка

профессиональных стандартов и требований к деятельности учреждений культуры.

Существенное значение имеет разграничение компетенции между уровнями публичной власти. Федеральные органы определяют общие направления государственной политики и нормативную базу, субъекты Российской Федерации реализуют региональные культурные программы, а органы местного самоуправления обеспечивают непосредственное предоставление культурных услуг населению. Кроме того, организационно-правовые механизмы направлены на обеспечение взаимодействия государства, общества и профессионального культурного сообщества. Это способствует формированию более гибкой системы управления, учитывающей интересы различных участников культурной деятельности.

Доминирование императивного метода, основанного на разрешениях и запретах, характерно для области охраны культурного наследия, где Закон об объектах культурного наследия устанавливает жесткие режимы зон охраны [16], охранные обязательства и ограничения на перестройку зданий, а также для сферы вывоза и ввоза культурных ценностей, где действует разрешительный порядок, подкрепленный уголовной ответственностью за контрабанду [4] [13, ст.226.1]. В противовес этому в сфере интеллектуальной собственности преобладает диспозитивный метод, позволяющий автору или правообладателю свободно распоряжаться исключительным правом на произведение, заключая договоры об отчуждении или лицензионные договоры [2] (простая или исключительная лицензия) по своему усмотрению. Государство здесь выступает не в роли цензора, а скорее в роли арбитра, фиксирующего правила коммерческого оборота нематериальных благ.

Инструментарий правового регулирования в сфере культуры отличается высоким разнообразием и спецификой. Ключевым инструментом в сфере международного оборота культурных ценностей выступает институт государственной экспертизы, решение которой определяет отнесение предмета к культурным ценностям и правовой режим их перемещения. Не менее значимы институты государственных реестров — включение объекта в Единый государственный реестр объектов культурного наследия [16] или в Федеральный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния влечет за

собой возникновение особого правового статуса, требующего повышенной охраны и специального учета. Уникальным инструментом, применяемым в сфере авторских и смежных прав, является коллективное управление правами [2, глава о коллективном управлении], когда организация на основе государственной аккредитации собирает и распределяет вознаграждение за использование объектов (например, публичное исполнение музыки) в тех случаях, где индивидуальный контроль правообладателей существенно затруднен. Также государство активно использует фискальные инструменты — таможенное регулирование и разрешительный порядок вывоза [4]. Важную роль играет и юридическая презумпция творческого характера деятельности, закрепленная в постановлениях Пленума Верховного Суда [10]. В судебной практике действует подход, согласно которому презюмируется творческий характер результата интеллектуальной деятельности, пока не доказано иное.

Однако, несмотря на проработанность многих механизмов, современный этап характеризуется наличием серьезных вызовов, связанных с цифровой трансформацией и развитием искусственного интеллекта. В настоящее время в правовой доктрине преобладает подход, согласно которому ИИ должен рассматриваться лишь как инструмент, подобно кисти художника или фотоаппарату. Вопрос авторства результатов, созданных с использованием ИИ, остаётся дискуссионным; российское законодательство не содержит специальных норм. Вопрос об охраноспособности результатов, сгенерированных искусственным интеллектом в полностью автоматическом режиме без участия человека, так же остается открытым. Таким образом, главной задачей правового регулирования сферы культуры на ближайшую перспективу является не столько создание новых запретительных барьеров, сколько поиск гибких юридических форм идентификации цифровых артефактов и результатов машинного творчества. Без решения этой проблемы сохранение баланса между стимулированием технологических инноваций, защитой прав человека-творца и обеспечением доступа к культурным ценностям в цифровую эпоху окажется под серьезной угрозой, что потребует от законодателя значительных усилий по адаптации традиционных институтов гражданского права к реалиям информационного общества.

Литература:

1. Бюджетный Кодекс Российской Федерации. Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/12112604/>
2. Гражданский Кодекс РФ, часть IV. Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/10164072/7d7b9c31284350c257ca3649122f627b/>
3. Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/104540/>
4. Закон о вывозе/ввозе культурных ценностей. Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/10101361/>
5. Конституция Российской Федерации. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>
6. Конституция Российской Федерации. Статья 44. Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/10103000/0add9c67393c4454d39a78904e0baac0/>

7. Национальный проект «Культура». Планы и направления: офиц. сайт М-ва культуры Рос. Федерации. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/natsionalnyy-proekt-kultura>
8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/71937200>
9. Основы законодательства РФ о культуре от 09.10.1992 № 3612–1
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”. Электронный ресурс. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/>
11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/70644226/>
12. Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_485830/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/
13. Уголовный кодекс РФ. Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
14. Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>
15. Федеральный закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде...». Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/
16. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...». Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/12127232/>
17. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. N 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/71129190/>
18. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/186367/>

Проблемы правового регулирования представительства в гражданском праве Российской Федерации

Николушенко Владислав Владимирович, студент магистратуры
Научный руководитель: Захарова Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В представленной статье автор исследует проблемные вопросы оформления полномочий представителей, определения границ представительства, квалификации сделок, совершенных без полномочий или с их превышением, также исследуются противоречия между нормами Гражданского кодекса РФ и сложившейся судебной практикой и вопросы злоупотребления полномочиями представителя.

Ключевые слова: *представительство, доверенность, полномочия представителя, сделка без полномочий, злоупотребление полномочиями, гражданское право.*

Институт представительства в российском гражданском праве охватывает широкий спектр правоотношений, при которых одно лицо действует от имени другого, создавая для последнего непосредственные юридические последствия.

Одна из центральных проблем связана с отсутствием легального определения представительства в действующем законодательстве. Пункт 1 статьи 182 Гражданского кодекса РФ содержит лишь указание на юридические последствия действий представителя, не раскрывая

сущности самого правоотношения представительства [1]. В литературе высказываются различные подходы к пониманию природы представительства — от концепции «юридического факта» до концепции «правоотношения», что создает терминологическую неопределенность и затрудняет правоприменение [6, с. 89].

Согласно статье 182 ГК РФ, полномочия представителя основываются на основании доверенности, указании закона, а также на акте уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления. Одна

из сложностей заключается в том, что когда полномочия представителя возникают из правовой обстановки, в которой он действует [1].

В соответствии с определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 305-ЭС23–25116 в российском праве признается наличие полномочий у представителя или лица, имеющего доступ к печати организации, занимающего определенную должность или систематически совершающего аналогичные действия от имени представляемого [11]. Но остается проблема в размытии понятия «обстановки», тем самым создает правовую неопределенность.

Проблема усугубляется тем, что в отношениях с юридическими лицами возникает конфликт между внутренними ограничениями полномочий (установленными в учредительных документах или положениях о филиалах) и внешними проявлениями полномочий, доступными для восприятия третьими лицами. Статья 174 ГК РФ предусматривает возможность признания недействительной сделки, совершенной с выходом за пределы ограничений полномочий, но лишь при условии, что другая сторона знала или должна была знать об этих ограничениях.

Весьма дискуссионным остается вопрос о правовой природе полномочия представителя. Является ли полномочие субъективным правом или особым правовым средством? Практическое значение этого вопроса проявляется при определении, существует ли у представителя юридическая обязанность действовать в интересах представляемого или его полномочие представляет собой лишь юридическую возможность [5, с. 126].

Следующей немало важной проблемой является совершение сделок без полномочий и с превышением данных полномочий представителю. Статья 183 ГК РФ устанавливает, что при отсутствии полномочий действовать от имени другого лица или при превышении таких полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если только представляемый впоследствии не одобрит данную сделку. Эта норма порождает комплекс теоретических и практических проблем.

Прежде всего, возникает вопрос о разграничении отсутствия полномочий и превышения полномочий. Если представитель, имея полномочие на совершение одного юридического действия, совершает иное действие, namely не превышение полномочия, а его отсутствие. Превышение полномочия имеет место, когда представитель совершает действие, предусмотренное его полномочием, но с отклонениями от пределов последнего — например, продает имущество по цене, ниже установленной представляемым [7, с. 78].

Практика Верховного Суда РФ 2024 года показывает жесткий подход к квалификации таких сделок. В Определении от 11 июня 2024 года № 305-ЭС23–25116 суд указал, что использование доверенности лицом, полномочия которого как директора компании прекращены, при наличии конфликта интересов является основанием для признания решения собрания участников недействительным.

Суд подчеркнул, что согласие на использование доверенности не освобождает от проверки добросовестности действий представителя [2].

Серьезные затруднения вызывает применение пункта 1 статьи 183 ГК РФ к сделкам, совершенным органами юридических лиц. Высший Арбитражный Суд РФ в постановлении Президиума от 10 января 2003 года № 6498/02 разъяснил, что при совершении сделки от имени юридического лица лицом, не имевшим на это полномочий в силу закона, статья 174 ГК РФ не применяется — такие отношения регулируются статьей 168 ГК РФ о недействительности сделок. При этом пункт 1 статьи 183 ГК РФ также не применяется.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 в пункте 123 установило, что факт заключения сделки представителем без полномочий или с превышением таковых служит основанием для отказа в иске, вытекающем из этой сделки, к представляемому, если не доказано одобрение сделки последним. Сделка при этом не признается ничтожной — она просто не создает правовых последствий для представляемого до момента одобрения [3].

Вопросы вызывает механизм одобрения сделки представляемым. Законодатель не установил форму такого одобрения, сроки его совершения и правовые последствия для добросовестного контрагента. Может ли одобрение быть выражено конклюдентными действиями? Практика допускает такую возможность, но требования к доказыванию остаются неопределенными.

Особую проблему представляет ретроспективный эффект одобрения. Пункт 2 статьи 183 ГК РФ устанавливает, что последующее одобрение сделки представляемым создает, изменяет и прекращает для него гражданские права и обязанности по данной сделке с момента ее совершения. Это правило может нарушать интересы добросовестного контрагента, который на момент совершения сделки не знал об отсутствии полномочий у представителя.

Неоднозначно решается вопрос о частичной недействительности сделки при частичном превышении полномочий. Если представитель включил в сделку условие, не предусмотренное его полномочием, а все остальные условия соответствуют полномочию, должна ли сделка считаться недействительной полностью или лишь в части недействительного условия? Применение по аналогии статьи 180 ГК РФ о частичной недействительности сделки представляется обоснованным, но прямого указания в законе нет [8, с. 94].

Также существенно важными проблемами являются злоупотребление полномочиями представителем, а также проблемы защиты прав представляемого.

Представительство по своей природе создает возможность для злоупотреблений со стороны представителя. Лицо, наделенное полномочиями действовать от чужого имени, может использовать эти полномочия в своих интересах или в интересах третьих лиц во вред представляемому. Проблема злоупотребления полномочиями

представителя приобретает особую остроту в условиях усложнения хозяйственных связей и расширения практики использования представительства в предпринимательской деятельности.

Статья 10 ГК РФ устанавливает общий запрет злоупотребления правом, в том числе использования гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу или со злоупотреблением правом в иных формах. Это положение применимо и к действиям представителя, однако специфика представительских отношений требует особого подхода к квалификации злоупотреблений.

Статья 174 ГК РФ предусматривает возможность признания недействительной сделки, совершенной представителем в ущерб интересам представляемого, если другая сторона знала или должна была знать о явном ущербе либо имели место обстоятельства, свидетельствующие о сговоре представителя и другой стороны. Применение этой нормы на практике вызывает значительные трудности.

Что следует понимать под «явным ущербом» для представляемого? Судебная практика исходит из того, что явный ущерб — это такой ущерб, который очевиден для любого участника сделки, действующего разумно и добросовестно. Например, продажа имущества по цене, существенно ниже рыночной, при отсутствии объективных причин для такого занижения цены. Однако оценка того, является ли ущерб явным, нередко носит субъективный характер и зависит от усмотрения суда [9, с. 167].

Доказывание осведомленности другой стороны сделки о явном ущербе или о наличии сговора представляет значительную сложность. Представляемый должен не только доказать факт ущерба, но и установить субъективное отношение контрагента к обстоятельствам сделки. На практике суды признают наличие осведомленности, если обстоятельства сделки столь очевидно свидетельствуют об ущербе, что контрагент не мог их не замечать.

Отдельную проблему представляют сделки представителя в отношении себя лично. Пункт 3 статьи 182 ГК РФ в редакции от 1 сентября 2013 года установил общий запрет на совершение представителем сделок в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением

случаев коммерческого представительства. До 2013 года такие сделки считались ничтожными, что создавало чрезмерные ограничения для оборота. Действующая редакция допускает такие сделки с согласия представляемого.

Впрочем, сохраняется неопределенность относительно формы и момента дачи такого согласия. Может ли согласие быть предварительным, содержащимся в доверенности или договоре с представителем? Или оно должно относиться к конкретной сделке и даваться после ее совершения? Анализ судебной практики показывает, что суды допускают как предварительное, так и последующее согласие, если оно выражено определенно и относится к конкретной сделке или категории сделок [2].

Стоит отметить тот факт, что механизм защиты прав представляемого нуждается в совершенствовании. Необходимо не только возможность признать сделку недействительной, но и возможность права требовать возмещения убытков. Но в данном случае остается сложный и оценочный вопрос о доказывании причинной связи между действиями представителя и причинными этими действиями ущербом.

В юридической литературе отмечают, что еще одной из важной проблемой является отсутствие норм, закрепляющие ответственность представителей, которые не обладают статусом адвоката. К тому же в гражданском процессуальном законодательстве отсутствует понятие «процессуальное представительство», а также не закреплены определенные требования к квалификации представителей в суде, за исключением тех представителей, которые представляет интересы в судах апелляционной инстанции и выше, где требуется наличие высшего юридического образования [4, с. 19].

Таким образом, правовое регулирование института представительства нуждается в конкретизации и в дополнительном регулировании, а именно в закреплении термина «представительство», в установлении определенных рамок полномочий представителя, когда он действует исходя и ситуации за рамками своих полномочий, а также необходимо совершенствование механизма защиты прав, представляемого от злоупотребления полномочий представителем.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 305-ЭС23–25116 по делу № А40–190904/2022. — Текст: электронный // [garant.ru](https://base.garant.ru/409203544/): [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/409203544/> (дата обращения: 24.05.2026).
3. Абросимов Г. В. Основания возникновения, изменения и прекращения представителя в гражданском законодательстве России / Г. В. Абросимов. — Текст: электронный // [cyberleninka](https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-vozniknoveniya-izmeneniya-i-prekrascheniya-predstavitelstva-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-rossii): [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-vozniknoveniya-izmeneniya-i-prekrascheniya-predstavitelstva-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-rossii> (дата обращения: 24.05.2026).
4. Бораев, З. К. Правовые проблемы представительства в РФ / З. К. Бораев. — Текст: электронный // [CyberLeninka](https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-predstavitelstva-v-rf): [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-predstavitelstva-v-rf> (дата обращения: 28.05.2026).

5. Миннегалиева Л. И. О представительстве в гражданских правоотношениях / Л. И. Миннегалиева. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predstavitelstve-v-grazhdanskih-pravootnosheniyah> (дата обращения: 24.05.2026).
6. Невзгодина, Е. Л. Гражданско-правовое представительство и правовой статус органов и работников юридического лица (руководители, представители интересов) / Е. Л. Невзгодина. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-predstavitelstvo-i-pravovoy-status-organov-i-rabotnikov-yuridicheskogo-litsa-rukovoditeley-predstavitelstv-i> (дата обращения: 24.05.2026).
7. Невзгодина Е. Л. Основания добровольного представительства в современном гражданском праве России / Е. Л. Невзгодина. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-dobrovolnogo-predstavitelstva-v-sovremennom-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 24.05.2026).
8. Невзгодина Е. Л. Превышение пределов содержания полномочия / Е. Л. Невзгодина. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-predelov-soderzhaniya-polnomochiya> (дата обращения: 28.05.2026).
9. Танага А. Н. Совершение представителем сделок в отношении себя лично / А. Н. Танага. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenie-predstavitelem-sdelok-v-otnoshenii-sebya-lichno> (дата обращения: 28.05.2026).
10. Когда полномочия представителя явствуют из обстановки: обзор практики арбитражных судов. — Текст: электронный // ShortRead: [сайт]. — URL: <https://shortread.ru/kogda-polnomochiya-predstavatelya-yavstvujut-iz-obstanovki-obzor-praktiki-arbitrazhnyh-sudov/> (дата обращения: 24.05.2026).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 305-ЭС23–25116 по делу № А40–190904/2022. — Текст: электронный // garant.ru: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/409203544/> (дата обращения: 24.05.2026).

Смарт-контракты в системе социального обеспечения: правовое моделирование механизмов микрострахования плательщиков налога на профессиональный доход

Новокшенов Никита Алексеевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Статья посвящена правовому моделированию микрострахования плательщиков налога на профессиональный доход посредством смарт-контрактов. Рассмотрена правовая природа смарт-контракта как автоматизированной формы исполнения обязательств и его допустимость в рамках принципа свободы договора. Проанализированы особенности специального налогового режима для самозанятых, порождающие пробел в социальной защите. Предложена модель страхования на базе цифровой платформы ФНС, где уплата микропремий и страховые выплаты осуществляются автоматически. Обосновано, что действующее российское право не создаёт непреодолимых препятствий для такой модели, а экспериментальные правовые режимы и полномочия Банка России позволяют протестировать её в ограниченном масштабе до внесения системных изменений.

Ключевые слова: смарт-контракт, микрострахование, налог на профессиональный доход, самозанятые, экспериментальный правовой режим, цифровая экономика, автоматизированное исполнение обязательств, страховая платформа, право социального обеспечения.

Цифровая трансформация права, о которой пишут Хабриева и Черногор [1], перестала быть отдалённой перспективой. Она уже меняет нормативную базу, захватывая всё новые институты. Одним из таких институтов становится социальное обеспечение, причём наиболее уязвимым звеном оказываются граждане, выведенные за скобки классической системы обязательного страхования. Речь о плательщиках налога на профессиональный доход. О миллионах людей, для которых уплата взносов в Социальный фонд остаётся правом, а не обязанностью, а значит, и защита от болезней, несчастных случаев или потери заработка практически отсутствует.

Законодатель, вводя специальный налоговый режим [6], сделал ставку на простоту и добровольность: самозанятый не обязан перечислять страховые взносы, а если хочет получать пенсию и больничный, то платит сам. Практика показала, что подавляющее большинство этого не делает. В результате возникает разрыв между фискальным администрированием, ушедшим далеко вперёд благодаря цифровой платформе ФНС, и социальной защитой, которая для данной категории почти не работает.

Устранить этот разрыв можно, применив те же технологические решения, на которых построен сам режим налога на профессиональный доход. Одним из таких

решений выступает смарт-контракт. Это программируемый договор, способный автоматически исполнять обязательства при наступлении заранее определённых условий. Задача статьи заключается в том, чтобы предложить правовую модель, в которой смарт-контракт становится инструментом микрострахования для самозанятых, и оценить, насколько она совместима с действующим российским правом.

Для этого сначала необходимо разобраться с правовой природой смарт-контракта. В российской доктрине существуют два основных подхода. Ефимова и Сизимова рассматривают его не как самостоятельный вид договора, а как особую форму исполнения обязательств, когда воля сторон фиксируется в программном коде, и исполнение происходит автоматически, без дополнительного волеизъявления должника [2]. Именно эта автоматизация отличает смарт-контракт от обычного электронного документа. Савельев идёт дальше и ставит вопрос о том, что умные контракты способны полностью вытеснить классическое договорное право там, где предмет обязательства допускает цифровое подтверждение и контроль [3].

Действующий Гражданский кодекс не содержит упоминаний смарт-контракта, однако его нормы вполне пригодны для того, чтобы вписать новое явление в существующую систему. Статья 309 требует исполнять обязательства надлежащим образом в соответствии с условиями и требованиями закона. Ничто не мешает предусмотреть автоматическое списание средств или перевод цифрового актива как надлежащий способ исполнения. Статья 421 закрепляет свободу договора: стороны могут заключить непоименованное соглашение, в том числе такое, где условиями выступают программные алгоритмы [5]. Следовательно, уже сейчас смарт-контракт может существовать как непоименованная договорная конструкция, предметом которой является предоставление страховой защиты на основе заранее заданных параметров.

Однако перейти от общей допустимости к конкретному механизму микрострахования мешает правовая неопределённость. Неясно, можно ли считать программный код достаточной формой выражения воли, как именно трактовать оспаривание автоматических транзакций и кто несёт ответственность за сбой. Эти вопросы особенно остро встают, когда речь идёт о социальном обеспечении — сфере, где традиционно сильно императивное регулирование, а слабая сторона защищается императивными нормами.

Тем не менее российский законодатель уже создал инструменты для безопасного правового эксперимента. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ позволяет на ограниченный срок и на определённой территории отступать от некоторых общих требований, чтобы апробировать технологию [8]. А Федеральный закон о Центральном банке даёт Банку России полномочия устанавливать правила для финансовых платформ, где могли бы обращаться страховые смарт-контракты [7].

Эти нормы создают юридическую почву для пилотного проекта.

Федеральный закон № 422-ФЗ создал уникальный правовой режим, аналогов которому в российском налоговом праве прежде не было. Впервые появилась категория плательщиков, которые полностью выведены из обязательного пенсионного и социального страхования, если только сами не изъявят желания в нём участвовать [6]. Законодатель исходил из логики максимального упрощения: никаких деклараций, минимум обязанностей, а страховые взносы пусть остаются на усмотрение самого гражданина. Это решение обеспечило взрывной рост регистраций самозанятых, но одновременно породило проблему, которую сложно игнорировать: миллионы работающих людей лишены минимальной социальной защиты.

Технически платформа налога на профессиональный доход устроена так, что взаимодействие с налоговым органом происходит через мобильное приложение «Мой налог». Это полноценная цифровая экосистема, где фискальные обязательства исполняются автоматически или почти автоматически. Именно здесь Цинделиани и коллектив авторов усматривают один из главных векторов развития налогового права в цифровой экономике: администрирование становится бесконтактным и алгоритмизированным [4]. Однако автоматизация пока охватила только сферу налогов, тогда как социальное обеспечение осталось за бортом цифровой платформы.

Самозанятый ежемесячно формирует чеки, видит начисленный налог, привязывает банковскую карту для автоплатежа. На этом его взаимодействие с государством заканчивается. Никакой страховой защиты у него не возникает, если он не сделает отдельный шаг по уплате добровольных взносов. Шаг этот требует осознанного волевого усилия, времени и понимания сложного механизма расчёта пенсионных баллов. Неудивительно, что большинство самозанятых его не делает. Образуется социально-правовой вакуум, который не характерен для традиционного наёмного труда и который с каждым годом будет только расширяться по мере роста числа плательщиков налога на профессиональный доход.

На этом фоне концепция микрострахования выглядит особенно привлекательной. Микрострахование предполагает страхование небольших рисков с минимальной премией, уплачиваемой с высокой периодичностью, часто привязанной к каждой отдельной транзакции. Если представить, что часть налогового платежа или отдельный микровзнос в несколько рублей с каждого полученного дохода направляется на формирование страхового фонда, то самозанятый без дополнительных усилий приобретает базовую защиту на случай временной нетрудоспособности или несчастного случая. Никаких отдельных заявлений, расчётов стажа и прочей бюрократии, только автоматическое накопление и автоматическая же выплата при наступлении страхового случая.

Правовая конструкция, способная обеспечить такую автоматизацию, уже существует в гражданском праве.

Статья 421 Гражданского кодекса даёт сторонам возможность заключать любые договоры, не противоречащие закону, в том числе и такие, где исполнение ставится в зависимость от цифрового подтверждения определённых обстоятельств [5]. А статья 309 того же кодекса требует исполнять обязательство надлежащим образом, что вполне допускает автоматическое перечисление средств без дополнительного волеизъявления должника, но при условии, что такое перечисление изначально предусмотрено соглашением сторон [5].

Следовательно, правовых препятствий для создания страхового смарт-контракта, который привязывал бы уплату микропремий к поступлению профессионального дохода, на уровне общих норм Гражданского кодекса нет. Вопрос в том, как вписать такую модель в систему социального обеспечения, где исторически доминирует публично-правовое регулирование, и какие конкретные механизмы могли бы обеспечить её работоспособность в рамках платформы ФНС.

Перейдём к центральному вопросу: как может выглядеть смарт-контракт, обеспечивающий микрострахование плательщика налога на профессиональный доход. Моделировать его необходимо, отталкиваясь от действующих норм и одновременно заглядывая в те возможности, которые открывают экспериментальные правовые режимы.

С технико-юридической точки зрения предлагаемая конструкция представляет собой непоименованный договор, допустимость которого вытекает из принципа свободы договора, закреплённого статьёй 421 Гражданского кодекса [5]. Сторонами выступают самозанятый гражданин и страховая организация либо иной оператор страховой платформы. Предмет договора — страхование на случай временной нетрудоспособности или потери профессионального дохода по обстоятельствам, которые могут быть верифицированы в цифровой среде.

Существенным отличием от классического страхования становится способ исполнения. Здесь мы опираемся на позицию Ефимовой и Сиземовой, которые квалифицируют смарт-контракт как форму исполнения обязательств, когда заранее запрограммированные действия наступают автоматически при появлении заданного условия [2]. Применительно к нашей модели это означает следующее: как только платформа ФНС фиксирует поступление дохода, параллельно запускается алгоритм, удерживающий микропремию в пользу страхового фонда. Никаких дополнительных действий от самозанятого не требуется.

Другой важнейшей составляющей является автоматическая выплата при наступлении страхового случая. Савельев, анализируя потенциал смарт контрактов, прямо указывает, что они способны радикально изменить исполнение обязательств там, где подтверждение юридического факта переводится в цифровую плоскость [3]. В нашей модели таким фактом может выступать, например, запись в электронном реестре медицинской организации о вы-

даче листка нетрудоспособности либо иной верифицированный сигнал, который смарт контракт воспринимает как «триггер» для выплаты. Момент наступления страхового случая, расчёт размера компенсации и перевод средств происходят без участия человека.

Однако где именно аккумулируются средства микропремий и кто управляет страховым фондом? Монография под редакцией Цинделиани обращает внимание на то, что цифровая экономика размывает границы между частно-правовым и публично-правовым регулированием финансовых потоков, и этот процесс требует новых институциональных решений [4]. Одним из таких решений может стать допуск к управлению микростраховыми резервами не только классическим страховым компаниям, но и специализированным цифровым платформам, действующим под надзором Банка России.

Здесь вступает в действие Федеральный закон о Центральном банке, который наделяет регулятор полномочиями устанавливать правила для платформенных сервисов и контролировать их деятельность [7]. Следовательно, модель микрострахования может быть реализована как платформенное решение, где Банк России определяет требования к минимальному капиталу оператора, порядок размещения резервов и механизмы защиты прав застрахованных лиц. Самозанятый при этом заключает договор не с государством напрямую, а с поднадзорной платформой, соблюдающей установленные регулятором нормативы.

Важный аспект — совместимость предлагаемой модели с уже работающей инфраструктурой налога на профессиональный доход. Федеральный закон № 422-ФЗ создал цифровую среду, где каждое поступление дохода прозрачно для налогового органа [6]. Логично не строить параллельную систему, а интегрировать модуль микрострахования в ту же самую платформу. Технически это означает, что самозанятый при регистрации либо в любой момент активирует опцию микрострахования, соглашаясь с условиями смарт-контракта. С этого момента с каждого чека автоматически списывается микропремия по аналогии со списанием налога.

Разумеется, добровольность сохраняется: никто не принуждает плательщика НПД страховать. Но теперь выбор делается один раз и реализуется автоматически, а не требует ежемесячного заполнения квитанций и расчёта взносов. Именно в устранении этого барьера и заключается смысл правового моделирования.

Остаётся нерешённым блок вопросов, связанных с ответственностью и оспариванием. Программный код может дать сбой, платформа может неверно интерпретировать данные, а человек может оказаться в ситуации, когда страховая выплата не поступает, хотя страховой случай наступил. Классическое право социального обеспечения привыкло защищать слабую сторону через судебные гарантии и императивные предписания. Смарт-контракт, напротив, тяготеет к автоматизму и не оставляет пространства для усмотрения.

Для разрешения этого противоречия и потребуется экспериментальный правовой режим, механизм которого предусмотрен Федеральным законом № 258-ФЗ [8].

Предложенная модель микрострахования плательщиков налога на профессиональный доход на основе смарт-контракта неизбежно сталкивается с правовой инерцией. Классическое страховое и социально-обеспечительное законодательство строилось в эпоху бумажных носителей и личного присутствия, оно требует письменной формы, собственноручной подписи, заявления о наступлении страхового случая и массы иных процедур, с которыми алгоритмическое исполнение плохо совмещается.

Любой юрист, работающий в рамках традиционных категорий, задаст вопросы: является ли программный код надлежащей формой договора, как фиксировать волеизъявление слабой стороны в цифровой среде, кто несёт ответственность за ошибки алгоритма, можно ли оспорить автоматическую транзакцию? Эти вопросы не решены в текущем регулировании, и попытка запустить микрострахование без предварительной правовой апробации почти гарантированно приведёт к судебным спорам и блокировкам со стороны надзорных органов.

Именно здесь в полной мере раскрывается потенциал Федерального закона от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ [8]. Этот закон позволяет на определённой территории и на определённый срок устанавливать специальное регулирование, которое может отступать от ряда общих требований, если это необходимо для тестирования цифровой технологии. Цель экспериментального правового режима заключена не в отмене императивных норм, а в выработке на их основе временных адаптационных правил. Применительно к нашему случаю это означает, что на период пилотного проекта страховой смарт-контракт может быть освобождён от обязательности бумажного носителя. Итогом эксперимента должно стать либо подтверждение жизнеспособности модели и внесение постоянных изменений в законодательство, либо мотивированный отказ.

Хабриева и Черногор, размышляя о праве в условиях цифровой реальности, подчёркивают, что трансформация происходит не путём отбрасывания классических принципов, а через их переосмысление в новой технологической среде [1]. Экспериментальный правовой режим как раз и является инструментом такого переосмысления: он позволяет временно приостановить действие отдельных норм, не разрушая систему в целом, и посмотреть, как работает цифровой институт на практике.

Конкретно для модели микрострахования самозанятых можно представить следующий сценарий. В рамках экспериментального правового режима, установленного на базе платформы ФНС, отдельная группа плательщиков налога на профессиональный доход подключает опцию микрострахования. Банк России на основании полномочий, предоставленных Федеральным законом № 86-ФЗ [7], утверждает временные правила работы платформы, требования к резервам и механизмы урегулирования

убытков. Смарт-контракт, условия которого зафиксированы в программном коде и подтверждены через мобильное приложение, признаётся заключённым с момента акцепта пользователем. Это допускается именно в силу специальных норм экспериментального режима. Автоматические выплаты осуществляются при поступлении верифицированных данных о временной нетрудоспособности, без заявлений и проверок со стороны человека.

Параллельно ведётся мониторинг: собирается статистика по количеству подключившихся, частоте страховых случаев, жалобам и сбоям. Если по итогам, допустим, двух лет выясняется, что автоматизация не привела к массовым нарушениям прав граждан, а процент отказов и ошибок сопоставим с традиционным страхованием или ниже, законодатель получает фактологическую основу для внесения поправок в страховое и социальное законодательство на постоянной основе. Если же обнаружатся системные сбои, то они будут купированы в ограниченном масштабе, не затронув всю систему социального обеспечения.

Таким образом, экспериментальный правовой режим снимает основное противоречие, сдерживающее внедрение смарт-контрактов в социальную сферу. Он даёт правовую легитимность временному отходу от процедур, несовместимых с автоматизацией, сохраняя при этом публичный контроль и защиту слабой стороны.

Подводя итог, можно утверждать, что правовая модель микрострахования плательщиков налога на профессиональный доход через смарт-контракты не является утопией. Она опирается на фундаментальные принципы Гражданского кодекса, прежде всего свободу договора и надлежащее исполнение обязательств [5].

Она учитывает правовую природу смарт-контракта как формы исполнения, описанную в доктрине Ефимовой и Сиземовой [2] и спроецированную Савельевым на сферу цифровых юридических фактов [3]. Она использует инфраструктуру, уже созданную Федеральным законом № 422-ФЗ [6], и встраивается в цифровую экосистему налогового администрирования, развитию которой посвящена коллективная монография под редакцией Цинделиани [4]. Наконец, она располагает готовым правовым инструментом для тестирования, а именно экспериментальным режимом, введённым Федеральным законом № 258-ФЗ [8], и надзорной рамкой Банка России [7].

Конечно, остаются вопросы, требующие дальнейшей проработки: как определять размер микропремии, чтобы он был одновременно достаточным для формирования резервов и необременительным для плательщика; какие именно страховые риски включать в базовое покрытие; как разграничить ответственность платформы и разработчика программного кода. Но это вопросы не столько правовой невозможности, сколько юридино-технического проектирования.

Главный вывод состоит в том, что российское право в его нынешнем состоянии не воздвигает непреодолимых барьеров на пути цифрового микрострахования

самозанятых. Напротив, сочетание диспозитивных начал гражданского права, специального налогового регулирования и механизма экспериментальных правовых ре-

жимов создаёт уникальную комбинацию, позволяющую протестировать модель, которая ещё десятилетие назад показалась бы фантастикой.

Литература:

1. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 85–102
2. Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. — 2019. — № 1. — С. 21–28.
3. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. — 2016. — № 3. — С. 32–60
4. Цинделиани И. А. (ред.) Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики: монография. — Москва: Проспект, 2022. — 472 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. (В частности, ст. 309, 421
6. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»».
7. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Проблемы правового регулирования отношений в сфере эстетической медицины

Обухова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В представленной статье автором исследуются проблемы правового регулирования отношений в сфере эстетической медицины. В данной научной работе анализируются такие проблемы, как отсутствие законодательно закрепленного понятия «эстетическая медицина», недостаточное разграничение медицинских и бытовых косметических услуг, проблема правовой квалификации отдельных видов процедур, рост сектора «серой косметологии», распространение несертифицированной медицинской продукции.

Ключевые слова: эстетическая медицина, косметология, медицинские услуги, лицензирование медицинской деятельности.

На сегодняшний день потребность в сохранении внешнего вида и молодости формирует спрос на косметологические процедуры и пластические операции, что в свою очередь стимулирует развитие эстетической медицины, как самостоятельной отрасли здравоохранения.

Эстетическая медицина представляет собой специализированное медицинское направление, сочетающие в себе принципы эстетики с медицинской практической деятельностью, направленное на улучшение качества жизни, физического, психического благосостояния человека.

В основном выделяют следующие направления, входящие в указанную медицинскую сферу: косметология и пластическая хирургия [4].

В свою очередь, пластическая хирургия представляет собой коррекцию анатомических дефектов, изменение форм тела и восстановление утраченных функций. Она подразделяется на реконструктивную хирургию (устранение врожденных или приобретенных дефектов, на-

пример, после травм или онкологии) и эстетическую (косметическую) хирургию, которая проводится при отсутствии медицинских показаний по желанию пациента для улучшения внешнего вида [2].

Косметология как направление эстетической медицины включает в себя комплекс мероприятий по сохранению здоровья, лечению кожных заболеваний и дефектов покровных тканей. Косметологические услуги делятся на неинвазивные методики (чистка лица, поверхностный пилинг) и инвазивные методики (инъекционное введение препаратов, коррекция рубцовой ткани) [3].

Перечисленные направления должны осуществляться исключительно специалистами, обладающими медицинским образованием и соответствующей лицензией.

Согласно статистическим данным, представленным аналитическим агентством «Право на здоровье» рынок эстетической медицины демонстрирует активную динамику. В 2024 году объем инъекционных методик составил

44 млрд. рублей, что на 21 % выше показателя прошлого года. К 2025 году спрос вырос на 32 % (59 млрд. рублей), а число инъекций достигло 11,5 млн. Аппаратная косметология продемонстрировала еще более активную динамику. В 2025 году объем вырос вполнину до 244,8 млрд. рублей, проведено 23,1 млн. процедур, что на 40 % больше прошлого года. По прогнозу на 2026 год ожидается увеличение объема рынка на 15–20 % по сравнению с предыдущим годом [7].

Учитывая приведенную статистику, можно сделать вывод, что эстетическая медицина находится в фазе устойчивого и интенсивного роста, демонстрируя при этом значительную динамику как в количественном, так и в стоимостном выражении. Кроме того, следует отметить, что такая динамика обусловлена внедрением щадящих методик с коротким реабилитационным периодом, что также влияет на увеличение спроса оказываемых услуг.

Однако высокий уровень востребованности и развития эстетической медицины сочетает в себе недостаточную правовую регламентацию, что влечет риски как для пациентов, так и для медицинских организаций, осуществляющих указанные процедуры.

Одной из ключевых проблем является отсутствие законодательно закрепленного термина «эстетическая медицина». Несмотря на широкое употребление в профессиональной среде, легально зафиксированное определение отсутствует как в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1], так и в подзаконных нормативно-правовых актах. Указанная проблема порождает трудность в разграничении медицинских услуг и простых бытовых косметических услуг, оказываемых в салонах красоты лицами без медицинского образования, не имеющими соответствующей лицензии. Действующая нормативная база не в полной мере разграничивает эти виды деятельности.

Наиболее четко такая ситуация прослеживается в отношении таких процедур как депиляция и перманентный татуаж. Так, согласно решению Верховного суда Российской Федерации от 06.03.2023 г. № АКПИ23–79, существует медицинская услуга — дермапигментация (перманентный татуаж), выполняемая врачом при наличии медицинских показаний (например, для маскировки рубцов или дефектов кожи), и бытовая косметическая услуга — косметический татуаж, осуществляемая мастером без медицинского образования исключительно в эстетических целях [5]. Такое разделение процедур приводит к неопределенности и возникновению споров, поскольку в указанных случаях применяется инвазивная методика с введением пигмента в слои кожи, что так или иначе может вызвать определенные осложнения. Вместе тем, разница этих процедур заключается лишь в цели проведения — устранение дефектов кожи или удовлетворении эстетических потребностей.

Еще один показательный пример зафиксирован в решении Верховного суда Российской Федерации от 10.10.2019 г. № АКПИ19–639, где также существует законодательная неопределенность [6]. Номенклатура меди-

цинских услуг содержит в себе термин «депиляция» без конкретизации соответствующего вида. Необходимо отметить, что на сегодняшний день существуют два подвидов депиляции: депиляция, которая относится к косметологическим процедурам (например, лазерная эпиляция, фотоэпиляция, электроэпиляция) и депиляция, которая относится к простым бытовым косметическим услугам (например, шугаринг, ваксинг, тридинг). Учитывая, что в Номенклатуре отсутствует разграничение на соответствующие виды, создаются определенные риски, поскольку отсутствие четких формулировок позволяет недобросовестным участникам рынка предоставлять услуги, требующие медицинской лицензии, под видом бытовых, что также увеличивает рост негативных последствий как для клиентов, так и для организаций, предоставляющих конкретную услугу.

Следующая проблема заключается в росте сектора «серой косметологии».

По данным исследования основная часть пациентов получает услуги не в лицензированных клиниках, а на дому. Нелегальные косметологи осуществляют свою деятельность без медицинского образования и лицензии, не платят налоги, не несут ответственность за безопасность и качество оказываемых процедур. Кроме того, следует отметить, что в 2024 году 37 тыс. косметологов осуществляли свою деятельность, из которых более 1500 специалистов не имели медицинского образования [8].

Вместе с тем, следует указать, что многие специалисты «серого» сектора продвигают свои услуги через социальные сети, используя при этом несуществующие отзывы, чужие работы, что вводит потребителя в заблуждение и создает иллюзию безопасности. Несмотря на усилия Росздравнадзора выявить всех нарушителей трудно. Проверки зачастую проводятся выборочно, а штрафы не сопоставимы с доходами от нелегальной деятельности. Более того, в погоне за идеальным внешним видом потребители нередко обращаются к «серым» косметологам, которые в свою очередь предлагают услуги по заниженной цене, что также является одним из факторов стремительного развития указанного рынка услуг [9].

Следующая проблема вытекает из вышеупомянутой — рост несертифицированной медицинской продукции [10]. В целях минимизации расходов, а также привлечения потребителей за счет низкой ценовой политики, специалисты могут применять несертифицированные лекарственные средства, включая инъекционные препараты, так и средства для топического применения. Использование вышеупомянутой продукции влечет за собой существенные риски причинения вреда жизни и здоровью пациентов. Усугубляет положение и недостаточная потребительская осведомленность о существующих рисках. Как правило, пациенты руководствуются рекламой, отзывами, не имея при этом доступа к достоверным данным о применяемых препаратах. Вместе с тем, указанные данные нередко умышленно скрываются, а контроль за качеством инъекций, оборудования, иных препаратов

не осуществляется. Пострадавшие лица сталкиваются с трудностями при установлении причинно-следственной связи между использованием несертифицированных средств и наступившими последствиями. Серьезность указанной проблемы обусловлена тем, что несертифицированная продукция может содержать в себе токсичные вещества, которые могут привести к аллергическим реакциям и иным тяжким последствиям. Кроме того, на маркетплейсах в открытом доступе нередко реализуются поддельные препараты, которые не отвечают стандартам качества оригинальной продукции, вследствие чего способны причинить вред потребителю. Следует отметить, что распространение фальсифицированной продукции негативно отражается на репутации легальных производителей, снижая доверие к бренду, кроме того, агрессивная рекламная политика нередко создает видимость

безопасности и эффективности несертифицированных препаратов, побуждая при этом покупателей к необдуманным приобретениям [11].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что рынок эстетической медицины демонстрирует устойчивый и активный рост, однако его развитие сдерживается серьезными проблемами правового регулирования. Отсутствие законодательно закрепленного термина «эстетическая медицина» и четкого разграничения между медицинскими и бытовыми косметическими услугами создает правовую неопределенность, что в свою очередь стимулирует рост «серой» косметологии, в которой нередко применяются несертифицированная продукция, что создает прямую угрозу жизни и здоровью пациентов. Таким образом, ключевая проблема заключается в быстром развитии и недостаточном правовом регулировании указанной сферы

Литература:

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
2. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия»: приказ Минздрава России от 21.05.2018 г. № 298н // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
3. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»: приказ Минздрава России от 18.04.2012 г. № 381н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
4. Панова П. В., Богданова Е. Н. Проблемы правового регулирования эстетической медицины // V Международная (75 Всероссийская) научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения». — Екатеринбург: ФГБОУ ВО «УГМУ», 2020. — С. 956.
5. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 г. № АКПИ23–79 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2220310 (дата обращения: 28.05.2026).
6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2019 г. № АКПИ19–639 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1825098 (дата обращения: 28.05.2026).
7. Косметологический рынок по итогам 2025 года вырос на 30–40 % // Коммерсантъ. 2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8462744> (дата обращения: 28.05.2026).
8. Игла по стандарту: в России ужесточили правила подготовки врачей-косметологов // Известия. 2026. URL: <https://iz.ru/2057008/sofia-tokareva/igla-po-standartu-v-rossii-uzhestochili-pravila-podgotovki-vrachei-kosmetologov> (дата обращения: 28.05.2026).
9. «Ботокс с последствиями»: в России набирает обороты «серая» косметология // Газета.ру. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/25/24713372.shtml?ysclid=m9ttzbx7k0494033252> (дата обращения: 28.05.2026).
10. В России вырос объем контрафакта на рынке косметологии. Газета.ру. 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/style/news/2024/06/10/23215807.shtml?ysclid=m9wsj777nj186446387> (дата обращения: 28.05.2026).
11. Врач-дерматолог рассказала о тяжелых последствиях применения контрафакта в косметологии // Газета.ру. 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/style/news/2023/06/19/20696930.shtml> (дата обращения: 28.05.2026).

Оборот огнестрельного оружия ограниченного поражения: нормы административного законодательства РФ

Обуховская Полина Глебовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает административноправовое регулирование оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения в РФ. На основе анализа судебной практики и статистики выявляются типичные нарушения и слабые места в системе контроля.

Вопросы правового регулирования оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения (ОООП) приобретают особую значимость в контексте обеспечения баланса между правом граждан на самооборону и необходимостью поддержания общественной безопасности. Травматическое оружие, позиционируемое как средство самообороны, получило широкое распространение среди населения Российской Федерации. Вместе с тем рост числа владельцев сопровождается увеличением количества правонарушений, связанных с его неправильным использованием и хранением. Проблемы квалификации таких деяний, разграничения административной и уголовной ответственности, а также пробелы в правовом регулировании создают сложности как для правоприменительных органов, так и для самих владельцев оружия.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовых основ оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения в Российской Федерации и выявлении проблемных аспектов правоприменения. Для её достижения необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: рассмотреть нормативноправовую базу, регулирующую оборот короткоствольного оружия, описать пошаговый алгоритм приобретения, регистрации и продления разрешения на хранение и ношение (РОХа), раскрыть обязанности владельцев в части хранения, ношения и транспортировки оружия, выявить типичные нарушения и меры ответственности за них.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в процессе оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения на территории Российской Федерации. Предмет исследования охватывает нормы российского законодательства, правоприменительную практику, доктринальные источники, а также статистические данные о случаях нарушений и мерах наказаний. Результаты исследования призваны способствовать как развитию теории административного и уголовного права, так и совершенствованию практики применения законодательства в сфере оборота оружия.

Мечтаете приобрести травматический пистолет? Для начала определим, что это такое. Огнестрельное оружие ограниченного поражения — короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым

снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку. Прежде чем отправиться в оружейный магазин, важно чётко понимать: путь к законному владению ОООП состоит из нескольких обязательных этапов. Российское законодательство предъявляет к будущим владельцам серьёзные требования — и это не формальность, а мера, направленная на предотвращение попадания оружия в руки лиц, неспособных обеспечить его безопасное использование. Сейчас мы с вами разберём этот процесс детально, шаг за шагом.

Первый этап — прохождение комплексной медицинской комиссии. Право на приобретение любого оружия для обычных граждан возникает с 21 года, хотя данные справки можно получить уже с 18 лет, к примеру, для посещения стрелкового тира. В ходе обследования гражданин проходит осмотр у ряда специалистов: врача-психиатра, психиатранарколога, офтальмолога и терапевта. Кроме того, необходимо сдать анализы для подтверждения отсутствия в организме наркотических и психотропных веществ. По итогам медкомиссии выдаются два официальных заключения: справка № 002О/у — об отсутствии противопоказаний к владению оружием; справка № 003О/у — об отсутствии в организме наркотических, психотропных веществ и их метаболитов. Документы действительны 1 год с момента выдачи, но если человек приобретает оружие, то срок увеличивается до 5 лет.

Следующий шаг — получение справки об отсутствии судимости через Портал Госуслуг. Хотя Росгвардия при рассмотрении заявления запрашивает необходимые сведения самостоятельно, документ необходим для допуска к практической части экзамена после обучения. Это требование закреплено в пункте ж (4) статье 15 Постановления Правительства РФ № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (далее — ПП № 814), в котором описаны условия, при которых возможна передача гражданину оружия на стрелковом объекте. Организация, проводящая обучение, обязана удостовериться в отсутствии оснований для отказа в выдаче лицензии гражданину, описанных в пунктах 2–4 части 20 статьи 13 Федерального закона «Об оружии».

Далее нужно пройти курс обучения по безопасному обращению с оружием в лицензированном учебном центре и получить соответствующее свидетельство. Программа включает теоретическую и практическую части с последующей сдачей экзамена в присутствии сотрудника Росгвардии. Теоретическая часть предполагает компьютерное тестирование по вопросам законодательства. Практика требует от обучающегося продемонстрировать навыки стрельбы из пистолета и карабина пистолетного калибра под контролем инструктора. Как раз на этом этапе необходимо предоставить ранее полученные медицинские справки, в том числе, об отсутствии судимостей, чтобы сотрудники убедились в том, что могут на законном основании выдать вам оружие для экзамена.

Перед подачей заявления на лицензию необходимо оборудовать место для хранения оружия. Согласно закону, у вас должен быть установлен запираемый сейф или металлический шкаф, исключающие доступ посторонних лиц. Рекомендуются закреплять их к полу или стене — это повышает уровень безопасности и соответствует рекомендациям правоохранительных органов.

После выполнения всех перечисленных условий гражданин вправе подать заявление на получение лицензии на приобретение огнестрельного оружия ограниченного поражения (ЛОПа), через портал Госуслуг или лично в территориальном подразделении Росгвардии. Важно учитывать, что ЛОПа выдаётся на приобретение одной единицы оружия и строго привязана к его виду.

И вот он, долгожданный момент, вы прошли медкомиссию, успешно сдали экзамены, получили лицензию и теперь можете идти в оружейный магазин покупать себе пистолет. После покупки владелец обязан в течение 14 календарных дней зарегистрировать оружие в Росгвардии и получить разрешение на хранение и ношение оружия (РОХа).

Продление РОХа — не менее важный этап в правовом обороте оружия. Срок действия разрешения составляет 5 лет. Для его продления необходимо заранее пройти медкомиссию, особенно если срок действия медицинских справок истекает раньше, чем у РОХа. Далее — пройти периодическую проверку знаний правил безопасного обращения с оружием. Её можно пройти в том же учебном центре, где проводилось первоначальное обучение. За 30 дней до окончания действия разрешения нужно подать заявление на продление через Портал Госуслуг, приложив актуальные медицинские справки и документ о прохождении проверки знаний.

Процедура приобретения и владения ООП требует от гражданина строгого соблюдения установленных законом требований на каждом этапе. Многоступенчатый характер процесса призван обеспечить безопасность и минимизировать риски его неправомерного использования, сочетая контроль со стороны государства с персональной ответственностью владельца.

Перейдем к обратной стороне медали — типичным нарушениям, с которыми сталкиваются как владельцы

оружия, так и правоохранительные органы. На практике, даже добросовестные владельцы порой невольно нарушают установленные правила из-за неоднозначности отдельных норм или недостаточной информированности. Другие же сознательно идут на правонарушения, недооценивая возможные последствия.

Одним из наиболее распространённых вопросов в сфере оборота оружия является «Нужно ли при ношении пистолета иметь при себе паспорт, у меня же ведь есть РОХа?». Ответ на данный вопрос содержится в ПП № 814. Согласно пункту 67 указанного нормативного акта, лицо, осуществляющее ношение оружия, обязано иметь при себе документ, удостоверяющий личность. В качестве такового могут выступать паспорт гражданина РФ, служебное удостоверение, военный билет, охотничий билет (в случае, если ношение оружия связано с осуществлением охоты). Из приведённой нормы следует важный вывод: разрешение не заменяет документ, удостоверяющий личность, и не может служить его эквивалентом. Многие владельцы оружия не осведомлены о данном требовании, а потому не представляют масштабов возможных последствий его несоблюдения. В соответствии с частью 4 статьи 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), нарушение данного правила влечёт наложение административного штрафа, возможность лишения права на приобретение, хранение и ношение оружия на срок от одного года до двух лет, конфискацию оружия и патронов к нему. Возникает и смежный вопрос: допустимо ли использовать водительских прав в качестве документа, удостоверяющего личность при ношении оружия? Нет, ввиду того, что водительское удостоверение позволяет лишь установить возраст, но не личность в полном объёме.

Ещё одним распространённым нарушением является передача оружия другому лицу — например, в ситуации, когда владелец предлагает другу пострелять из своего пистолета, полагая, что наличие у того разрешения на оружие делает такую передачу законной. Однако, как следует из раздела V Постановления № 814, перечень субъектов, которым допускается передача оружия, строго ограничен, среди них — органы внутренних дел, экспертно-криминалистические подразделения, органы сертификации и иные уполномоченные организации. В других случаях, данное действие образует состав административного правонарушения, предусмотренного пунктом 6 статьи 20.8 КоАП РФ, и влечёт наложение штрафа. Отдельного внимания заслуживает разграничение административной и уголовной ответственности. Уголовный кодекс РФ также содержит нормы, касающиеся передачи оружия, — в частности, статья 222 УК РФ предусматривает ответственность за незаконную передачу оружия. Ключевое слово здесь — «незаконная»: уголовная ответственность наступает, если оружие изначально находится в незаконном обороте, например, оно не зарегистрировано или приобретено нелегально. Итак, предложение «давай поменяемся пистолетами, посмотрим какой

лучше» может обернуться отнюдь не дружескими последствиями. Законодательство чётко ограничивает круг лиц, которым можно законно передать оружие, и, увы, друзья в этот список не входят.

Вопрос о допустимых пределах самостоятельного ремонта и модернизации травматического оружия нередко встаёт перед его владельцами — особенно в первые дни после приобретения, когда возникает естественное желание адаптировать оружие под индивидуальные предпочтения. Однако закон строго устанавливает перечень разрешённых изменений, устанавливая чёткие границы между косметической доработкой и конструктивной переделкой, которая может повлечь юридическую ответственность. Владелец вправе вносить изменения исключительно внешнего характера, не затрагивающие технические характеристики оружия и его баллистические свойства. Разрешены: замена рукоятки, установка прицельных приспособлений, замена магазинов — при условии, что их ёмкость не превышает 10 патронов.

В соответствии с действующим законодательством, запрещается вносить изменения в следующие элементы оружия: основные части, на которых нанесён серийный номер: ствол, затвор, рамка, также детали ударноспускового механизма, поскольку их модификация может привести к нарушению безопасной эксплуатации оружия: самопроизвольному выстрелу, случайной очереди или заклиниванию. Любые работы, затрагивающие указанные компоненты, должны выполняться исключительно в специализированных лицензированных мастерских на основании направления на ремонт, выданного подразделениями Росгвардии.

Существенное ужесточение требований к конструкции травматического оружия произошло несколько лет назад, с изменениями Приказа МВД России от 07.06.2022 № 403 «Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему» (далее — Криминалистические требования). Одним из ключевых нововведений стал прямой запрет возможности отсоединить ствол от корпусной детали оружия. Эта норма была введена в ответ на распространённую ранее практику: травматические пистолеты нередко создавались на базе боевых моделей, к примеру, на основе пистолета Макарова или Glock.

Схожая конструкция позволяла быстро заменить ствол для использования патронов с твёрдой пулей. В целях исключения такой возможности современные модели оснащаются стальными штифтами, препятствующими демонтажу. Введение новых правил породило ряд практических проблем. Владельцы, законно приобретшие оружие по лицензии до вступления в силу обновлённых норм, столкнулись с невозможностью получить разрешение на хранение и ношение для уже имеющегося оружия — оно перестало соответствовать новым криминалистическим требованиям.

Получилось, что оружие, приобретённое на законных основаниях, в одночасье оказалось вне правового поля. Ре-

шалась данная проблема направлением на ремонт — гражданин отправлялся к производителю оружия и там уже специалист приваривал необходимые штифты. Всегда помните, что стремление повысить боевые характеристики травматического оружия за счёт конструктивных изменений не только противоречит закону, но и создаёт угрозу безопасности, поэтому допускаются только внешние модернизации, но только не стоит стирать серийный номер, это тоже незаконно.

Хранение оружия — один из ключевых аспектов правового оборота гражданского оружия, требующий от владельца строгого соблюдения установленных норм. Оружие и патроны должны храниться по месту жительства владельца в запираемом сейфе или металлическом шкафу, оборудованном надёжным замком. При этом критически важным условием является исключение доступа к оружию третьих лиц — в том числе, членов семьи, гостей и иных лиц. Ключи от сейфа должны находиться исключительно у владельца оружия, а сам сейф рекомендуется закреплять болтами к полу или стене для предотвращения его выноса.

Законодательство допускает возможность хранения оружия и патронов по месту временного пребывания владельца (например, в гостинице, арендованной квартире или на даче). Однако и в этом случае важно обеспечить все условия безопасного хранения, эквивалентные требованиям к постоянному месту жительства. На практике выполнение данных требований сопряжено с рядом сложностей: мало кто готов перевозить с собой тяжёлый оружейный сейф при каждой поездке на дачу. Это порождает потребность в альтернативных, юридически корректных решениях.

Оптимальным выходом из ситуации выступает услуга временного ответственного хранения оружия на стрелковых объектах. Владелец вправе сдать оружие в специализированный тир или стрелковый клуб, имеющий соответствующую лицензию на оказание подобных услуг. Такой вариант особенно удобен в случаях, когда условия временного жилья не позволяют обеспечить надлежащее хранение. Подведём итоги: хранить оружие нужно в сейфе, ключи — только у вас, а сам сейф лучше закрепить. Звучит строго, но справедливо: безопасность превыше всего. А если вы вдруг решили провести выходные в гостях, не стоит прятать пистолет под подушку, лучше озадачиться поиском места, где примут его на временное хранение, либо оставить дома.

Разграничение понятий «транспортирование» и «ношение» оружия имеет принципиальное значение в правовом регулировании оборота. Нередко эти категории смешивают, однако законодательство устанавливает для них различные правовые режимы. При транспортировании пистолет обязательно должен находиться в разряженном состоянии, в чехле, специальном футляре или кобуре, отдельно от патронов.

Существуют и количественные ограничения для граждан — допускается перевозка не более пяти единиц ог-

нестрельного оружия и не свыше одной тысячи патронов. Эти лимиты призваны сбалансировать право граждан на перемещение принадлежащего им оружия с необходимостью поддержания должного уровня общественной безопасности. Особого внимания заслуживает правовой статус разрешительных документов. В отличие от ношения, для транспортирования не требуется наличие разрешения на хранение и ношение оружия (РОХа) — достаточно разрешения на хранение без права ношения.

Такая норма отражает дифференцированный подход законодателя, транспортирование не сопряжено с потенциальной готовностью к применению оружия и поэтому допускает менее строгий режим документального сопровождения. Примечателен и ещё один аспект правового регулирования. В соответствии с пунктом 4.1 статьи 20.8 КоАП РФ, категорически запрещается ношение огнестрельного оружия в состоянии алкогольного или наркотического опьянения — мера, направленная на предотвращение импульсивного и неконтролируемого применения оружия. При этом запрет не распространяется на процесс транспортирования. Для перевозки достаточно соблюдения правил упаковки и лимитов, а для ношения — нужны не только документы, но и трезвый рассудок.

Проведённое исследование позволило всесторонне рассмотреть правовые основы оборота огнестрельного

оружия ограниченного поражения (ОООП) в Российской Федерации — от теоретических аспектов до практических нюансов правоприменения. Законодатель выстраивает многоступенчатую систему контроля за оборотом ОООП, которая призвана обеспечить баланс между конституционным правом граждан на самооборону поддержанием общественной безопасности. Практическая значимость данной работы заключается в помощи гражданам разобраться в сложной процедуре приобретения и владения ОООП, избежать типичных ошибок и правовых последствий их совершения.

Законодательство об обороте оружия — это не лабиринт бюрократических препон, а продуманная система «предохранителей». Она напоминает нам, что оружие — не модный аксессуар и не игрушка, а объект повышенного контроля. Каждый шаг пункт подчёркивает, что право на самооборону неотделимо от персональной ответственности. И если владелец помнит об этом, соблюдает правила и относится к оружию с должным уважением, система работает — обеспечивая и безопасность общества, и реализацию законных интересов граждан. Как говорится, «строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения» — но только не в случае с травматическим пистолетом: здесь как раз всё наоборот, и это, пожалуй, к лучшему.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии».
2. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»
3. Приказ МВД России от 07.06.2022 № 403 «Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему»
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»

Системные проблемы профессиональной защищённости сотрудников прокуратуры Российской Федерации: анализ факторов риска

Огнянов Ярослав Олегович, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируется комплекс системных проблем, снижающих уровень профессиональной защищённости прокурорских работников в Российской Федерации в 2020–2025 гг. На основе анализа нормативно-правовой базы, ведомственной статистики и научных источников выделены ключевые угрозы: прямые посягательства на жизнь и здоровье, латентность преступлений с мотивом мести, профессиональное выгорание, цифровые атаки и утечки персональных данных, региональные диспропорции финансирования. Обосновывается вывод о необходимости комплексного межотраслевого подхода к решению выявленных проблем.

Ключевые слова: прокуратура, профессиональная защищённость, угрозы прокурорским работникам, профессиональное выгорание, цифровые угрозы, латентность преступлений, финансирование мер безопасности.

Введение

Несмотря на наличие разветвлённой нормативно-правовой базы, включающей положения Конституции РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также статей 295 и 296 УК РФ, реальный уровень профессиональной защищённости сотрудников прокуратуры остаётся недостаточным. Как справедливо отмечает О. В. Рыжков, формально существующие гарантии зачастую не обеспечивают реальной безопасности в повседневной деятельности [1]. Настоящая статья ставит целью систематизацию основных факторов, снижающих уровень защищённости прокурорских работников в современный период, с выделением наиболее острых и трудно устранимых проблем.

1. Прямые угрозы жизни, здоровью и их латентность

Одной из наиболее острых проблем остаются прямые посягательства на жизнь, здоровье и имущество прокуроров, а также членов их семей. Преступления, предусмотренные ст. 295 и 296 УК РФ, характеризуются крайне высокой степенью латентности. По данным ведомственных опросов 2023–2025 гг., около 28 % респондентов в 2025 году отметили, что лично сталкивались с угрозами или давлением, при этом 65 % указали на скрытый или опосредованный характер угроз.

Особая сложность связана с доказыванием специального мотива — мести за служебную деятельность. В результате значительная часть эпизодов квалифицируется по общим составам (ст. 119, 128.1 УК РФ), что снижает профилактический эффект специальных норм. Кроме того, действующая редакция ст. 296 УК РФ не охватывает современные формы давления: кибератаки, распространение персональных данных в сети, организованные кампании дискредитации в Telegram-каналах.

2. Профессиональное выгорание как системный риск

Исследования 2023–2025 гг. фиксируют крайне высокий индекс эмоционального выгорания у прокуроров, особенно в возрастной категории 40–50 лет — самый высокий показатель среди юридических профессий. Причины: жёсткие сроки, постоянный контроль, необходимость поддержания обвинительного уклона.

Отсутствие обязательной регулярной психологической реабилитации усугубляет положение. В большинстве прокуратур субъектов психологическая помощь носит эпизодический характер. Последствия: снижение качества надзора, рост ошибок в процессуальных решениях, текучесть наиболее опытных кадров, формализм и цинизм в работе, что в конечном счёте подрывает авторитет прокуратуры.

3. Цифровые угрозы и пробелы в правовом регулировании

В период 2023–2025 гг. значительно увеличилось количество утечек персональных данных сотрудников прокуратуры и членов их семей, а также заказных информационных атак. Цифровые угрозы обладают спецификой: анонимность, массовость, круглосуточное воздействие, сложность атрибуции.

В органах прокуратуры отсутствует единая ведомственная программа противодействия цифровым угрозам (мониторинг, реагирование, правовая защита, психологическая помощь). Действующее законодательство не содержит специальных составов с учётом цифровой специфики. Недостаточный уровень цифровой грамотности части сотрудников и отсутствие регламентов безопасного поведения в сети создают дополнительные уязвимости.

4. Финансовые и региональные диспропорции

Финансирование мер физической охраны, спецсредств и психологической поддержки осуществляется преимущественно через Генеральную прокуратуру. Однако регионы с объективно высоким уровнем риска (Северный Кавказ, Дальний Восток, Сибирь, Урал) получают объёмы, недостаточные для создания полноценной системы защиты. В Москве и Санкт-Петербурге уровень оснащённости в 3–5 раз выше.

Это порождает неравенство внутри системы прокуратуры, подрывает принцип единства и централизации. Кроме того, меры защиты планируются в рамках ежегодного бюджетного цикла, что не позволяет реализовывать долгосрочные программы. Отсутствие защищённой статьи бюджета снижает устойчивость системы.

5. Дополнительные системные факторы

Публичность деятельности прокуроров делает каждого из них потенциальной мишенью. Нагрузка — свыше 7,7 млн обращений граждан в 2025 году — многократно увеличивает риск ошибок. На одного прокурора приходится 120–150

дел и материалов в месяц. Конфликты с местными элитами, крупным бизнесом и организованными преступными сообществами носят системный характер, особенно в ресурсодобывающих регионах.

Как подчёркивает А. Ю. Винокуров, обеспечение реальной независимости прокуратуры невозможно без надлежащей защищённости, которая является необходимым условием эффективного выполнения функций [8].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что проблемы профессиональной защищённости сотрудников прокуратуры носят системный, взаимообусловленный характер. Они затрагивают правовую, физическую, психологическую и информационную сферы. Кумулятивный эффект этих проблем угрожает устойчивости прокурорского надзора в долгосрочной перспективе. Отдельные, локальные меры недостаточны — требуется комплексная межведомственная программа, включающая:

- совершенствование уголовного законодательства с учётом цифровых угроз;
- внедрение обязательной регулярной психологической реабилитации;
- создание ведомственной системы мониторинга и противодействия цифровым атакам;
- выравнивание региональных диспропорций финансирования;
- закрепление защищённой статьи бюджета на долгосрочные программы безопасности.

Только такой подход позволит обеспечить реальную, а не декларативную профессиональную защищённость прокурорских работников.

Литература:

1. Рыжков О. В. Правовые механизмы обеспечения личной безопасности сотрудников органов прокуратуры Российской Федерации, вопросы личной подготовки указанных сотрудников // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 253–257.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок). — М., 2020.
3. Новиков В. С. Безопасность прокурорских работников: теория, практика, вызовы. — Клин: Наука, 2022. URL: <https://multiurok.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Поздняков В. А. Правовое регулирование информационной безопасности в органах и учреждениях прокуратуры РФ // Трибуна ученого. 2021. № 12. С. 42–48.
5. Свечников Н. И. Личная профессиональная безопасность сотрудников органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
6. Коновалова И. К. Основы безопасности и физической защиты работников органов и организаций прокуратуры России. URL: <https://pochtamtskaya.ru> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Борисенко Е. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. — М.: Университет прокуратуры РФ, 2020.
8. Винокуров А. Ю. Прокурорская деятельность: 25 лет научного осмысления. — М.: Юрлитинформ, 2021.

К вопросу о квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (пункт «к» части 2 статьи 105 УК РФ)

Панин Иван Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Петрова Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются дискуссионные аспекты уголовно-правовой оценки убийства, сопряженного с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Рассматриваются критерии разграничения смежных составов, момент формирования умысла, вопросы соучастия. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций формулируются предложения по унификации правоприменительных подходов.

Ключевые слова: убийство, сопряженность, изнасилование, квалификация, совокупность преступлений, умысел, участие.

Пункт «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ объединяет два самостоятельных квалифицированных признака: убийство с целью скрыть другое преступление и убийство, сопряженное с изнасилованием либо насильственными действиями сексуального характера (НДСХ). Такая конструкция порождает конкуренцию норм и требует четких критериев квалификации.

Согласно п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1, убийство признается сопряженным с изнасилованием или НДСХ в трех случаях: в процессе совершения этих преступлений, после их окончания с целью сокрытия, а также по мотивам мести за оказанное сопротивление [1, п. 13]. Пленум избрал значительно более широкий подход по сравнению с трактовкой сопряженности для п. «з» (разбой, вымогательство, бандитизм), где временные рамки ограничены «процессом». Такая разница, как отмечает Н. В. Тыдыкова, не имеет рационального основания и ведет к неединообразию практики [2, с. 29].

Особую сложность представляет установление связи между убийством и половым преступлением при возникновении умысла после окончания изнасилования. В Обзоре судебной практики ВС РФ № 4 (2018) описан случай М., который убил потерпевшую с целью сокрытия изнасилования. Суд первой инстанции квалифицировал действия по п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132 и п. «к» ч. 2 ст. 105 с указанием на цель сокрытия. Судебная коллегия изменила приговор, исключив ссылку на цель сокрытия, указав, что содеянное полностью охватывается признаком сопряженности с изнасилованием [5, п. 49]. Решение обосновано конкуренцией общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ): сопряженность с изнасилованием — специальная норма.

Принципиальное значение имеет вопрос о квалификации по совокупности ст. 105 и ст. 131 или 132 УК РФ. Сторонники единого состава (Б. В. Волженкин, В. П. Коныхин) полагали, что изнасилование уже учтено в диспозиции п. «к» [3, с. 523]. Однако Пленум в п. 13 предписал квалифицировать по совокупности, а Конституционный Суд РФ в Определении от 24.09.2012 № 1663-О подтвердил это, указав, что жизнь и половая неприкосновенность — разные объекты охраны [4]. Совокупность отражает реальную множественность посягательств.

Вместе с тем убийство после окончания изнасилования признается сопряженным только при условии, что оно обусловлено именно этим преступлением (сокрытие, месть) и не вызвано иными мотивами. В Постановлении Президиума ВС РФ от 10.11.1999 № 1093-П99ПР признак сопряженности был исключен, поскольку убийство совершалось из корыстных побуждений, а связь с покушением на изнасилование отсутствовала [2, с. 30]. Наличие факта изнасилования само по себе недостаточно — необходима причинно-следственная связь.

Сложности возникают и при групповом совершении изнасилования, когда убийство осуществляет только один из соучастников. Согласно п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16, изнасилование признается совершенным группой лиц не только при непосредственном совершении сексуальных действий несколькими лицами, но и когда другие участники применяют насилие, обеспечивая преступление [6, п. 10]. Однако если у одного соучастника возникает умысел на убийство, не охватывавшийся предварительным сговором, налицо эксцесс исполнителя (ст. 36 УК РФ). В Определении ВС РФ от 25.07.2001 № 11-о01-67 указано, что соучастник, удерживавший потерпевшую и не знавший о намерении другого совершить убийство, несет ответственность только за изнасилование [7].

Возможна ли квалификация по п. «к», когда убийство совершено лицом, не участвовавшим в изнасиловании? В доктрине обоснованно указывается, что связь убийства с половым преступлением не требует единства субъекта [8, с. 410]. Судебная практика подтверждает это. В Определении ВС РФ от 17.09.2009 № 45-О09-85 лицо, не принимавшее непосредственного участия в изнасиловании, но обеспечивавшее безопасность соучастников, было осуждено за убийство, сопряженное с изнасилованием, как пособник [9].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и судебной практики:

1. Уточнение понятия сопряженности в постановлении Пленума № 1 для п. «к». Действующая трактовка (в процессе, с целью сокрытия, по мотивам мести) в целом верна, но нуждается в уточнении: убийство после окончания изнасилования должно быть обусловлено именно им, а не иными мотивами. Предлагается дополнить п. 13 Постановления № 1 следующим абзацем: «Убийство, совершённое после окончания изнасилования или насильственных действий сексуального характера, признаётся сопряжённым с ними только в том случае, если оно обусловлено этими преступлениями (сокрытие, месть за сопротивление) и не вызвано иными, самостоятельно возникшими мотивами (например, корыстью или личной неприязнью, не связанной с половым преступлением)».

2. Квалификация убийства, совершённого лицом, не участвовавшим в изнасиловании. В целях устранения пробела и обеспечения единообразия предлагается дополнить п. 13 Постановления № 1 разъяснением: «Убийство, сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, может быть совершено как лицом, участвовавшим в совершении указанных преступлений, так и иным лицом, если убийство совершено в связи с этими преступлениями (например,

с целью их сокрытия). В таких случаях действия виновного квалифицируются по пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ. При этом, если иное лицо каким-либо образом содействовало совершению полового преступления (например, обеспечивало его сокрытие или способствовало его совершению), оно также подлежит ответственности за соучастие в изнасиловании по соответствующей части статьи 33 и статьи 131 или 132 УК РФ».

Таким образом, квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ требует тщательного анализа субъективной связи между деяниями, момента возникновения умысла и степени участия лица в половом преступлении. Реализация предложенных изменений в разъяснениях Пленума позволит устранить выявленные пробелы и обеспечить единообразие судебной практики, что является необходимым условием законности и справедливости.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
2. Тыдыкова Н. В. О понимании сопряженности при квалификации насильственных преступлений // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2023. — № 2. — С. 27–32.
3. Волженкин Б. В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. — 623 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1663-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глушкова Дмитрия Анатольевича» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 (ред. от 01.06.2022) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.07.2001 № 11-о01-67 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
8. Лопашенко Н. А. Убийства: монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 512 с.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.09.2009 № 45-О09-85 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 3. — С. 18–19.

Проблемы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств

Парамонова Яна Алексеевна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: нецелевое расходование, получатель бюджетных средств, бюджетные средства, квалификация преступлений, бланкетность, конкуренция норм, ст. 285.1 УК РФ, должностные преступления.

Обеспечение целевого использования бюджетных ассигнований является фундаментом экономической безопасности государства. Однако, как отмечают многие авторы, несмотря на высокую общественную опасность, удельный вес данной нормы в структуре преступности остается крайне низким. Центральной проблемой, препятствующей эффективному применению данной нормы, является законодательное определение её специального субъекта.

Согласно диспозиции ст. 285.1 УК РФ, субъектом преступления может быть только должностное лицо получателя бюджетных средств. Данная формулировка носит бланкетный характер и отсылает к ст. 6 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ).

Субъектом преступления может быть только должностное лицо получателя бюджетных средств. Согласно БК РФ, «получатель бюджетных средств» — это строго определенные лица: органы государственной власти, казенные учреждения, органы местного самоуправления [2]. Это означает, что руководители государственных унитарных предприятий (ГУП), муниципальных унитарных предприятий (МУП), бюджетных учреждений (не казенных), а также коммерческих организаций, получивших субсидии, не являются субъектами данного преступления.

Как отмечает в своем исследовании Полтарыхин В. А., по данным Счетной палаты РФ, именно в секторе бюд-

жетных и автономных учреждений совершается значительная часть нарушений, связанных с нецелевым использованием средств. Однако правоприменитель в таких случаях вынужден обращаться к общим нормам — ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) или ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Это приводит к фактическому вытеснению специальной нормы (ст. 285.1) из практики, что противоречит правилам квалификации при конкуренции общей и специальной норм.

В юридической литературе сложились две основные позиции относительно решения данной проблемы.

Первая группа авторов отмечает необходимость расширения круга субъектов путем внесения изменений в примечание к ст. 285.1 УК РФ [5]. Они аргументируют это тем, что природа правонарушения (нецелевое использование государственных ресурсов) остается неизменной независимо от организационно-правовой формы учреждения-распорядителя.

Вторая группа исследователей указывает на то, что само выделение ст. 285.1 УК РФ в качестве самостоятельного состава было избыточным, так как данное деяние в полной мере охватывалось общей нормой — ст. 285 УК РФ. По мнению данной группы, вместо расширения круга специальных субъектов целесообразнее вернуться к квалификации таких деяний по общей норме, которая уже позволяет эффективно привлекать к ответственности руководителей бюджетных и автономных учреждений [8].

Проанализировав позиции обеих групп исследователей, можно прийти к выводу, что авторы признают существование серьезного правового пробела в определении субъектного состава ст. 285.1 УК РФ. Решение данной проблемы видится либо в расширении круга специальных субъектов через изменение примечания к статье, либо в отказе от специальной нормы в пользу квалификации деяний по общей норме (ст. 285 УК РФ).

С нашей точки зрения, более обоснованной представляется позиция первой группы авторов. Данная норма была введена законодателем для борьбы со специфическим нарушением бюджетной дисциплины — нецелевым расходованием государственных средств, независимо от мотива преступника. В отличие от ст. 285 УК РФ, требующей обязательного доказывания корыстной или иной личной заинтересованности, ст. 285.1 УК РФ позволяет пресекать сам факт неправомерного распоряжения бюджетными ресурсами, что критически важно для обеспечения адресности и эффективности бюджетных расходов.

Практика подтверждает остроту проблемы. Показателен приговор Ленинского районного суда г. Иркутска

от 18 октября 2024 года в отношении директора и его заместителя ГБПОУ ИО. Формально учреждение является бюджетным, а средства были квалифицированы как «областного бюджета», что подпадает под предмет ст. 285.1 УК РФ. Однако суд, констатируя факт нецелевого расходования, квалифицировал действия именно по общей статье 285 УК РФ (злоупотребление) и ст. 292 УК РФ (служебный подлог) [3].

Узкое определение субъекта в ст. 285.1 УК РФ порождает проблему конкуренции со смежными составами, что приводит к тому, что правоприменитель сталкивается с объективными трудностями квалификации, а превентивная функция специальной нормы применительно к нецелевому расходованию бюджетных средств не реализуется.

Для решения обозначенной проблемы и возвращения ст. 285.1 УК РФ статуса эффективной специальной нормы предлагается:

1. Изменить примечание к ст. 285.1 УК РФ, изложив его в следующей редакции: «Субъектами преступления, предусмотренного настоящей статьей, признаются должностные лица получателей бюджетных средств, а также руководители бюджетных и автономных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий и иных организаций, распоряжающихся бюджетными средствами, выделенными на цели выполнения государственных (муниципальных) заданий или в форме субсидий, грантов или инвестиций».

2. Разъяснить в Постановлении Пленума ВС РФ, что квалификация по ст. 285.1 УК РФ должна иметь приоритет перед ст. 285 УК РФ в случаях, когда нецелевое расходование является основным содержанием деяния, даже если лицо формально не включено в перечень участников бюджетного процесса по БК РФ, но фактически управляет бюджетными потоками.

Подводя итог, следует отметить, что ст. 285.1 УК РФ остается одной из самых сложных для правоприменения норм. Проблемы её квалификации обусловлены бланкетностью, узким кругом субъектов и неустойчивостью практики разграничения со смежными составами.

Ограничение круга субъектов только должностными лицами получателя бюджетных средств исключает из сферы уголовно-правовой охраны огромный пласт финансовых отношений.

Реформирование субъектного состава ст. 285.1 УК РФ позволит обеспечить предсказуемость квалификации и неизбежность ответственности за нарушение бюджетной дисциплины, что является необходимым условием защиты экономических интересов общества.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: редакция от 17.11.2025: текст с изменениями от 17.12.2025: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ; редакция от 28.11.2025 [принят Государственной думой 17 июля 1998 года; одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/
3. Приговор Ленинского районного суда г. Иркутска от 18.10.2024 по делу № 1–55/2024 // Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2GGnCUhGoNNX/>
4. Полтарыхин, В. А. Проблемы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок / В. А. Полтарыхин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. №2 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-netselevogo-rashodovaniya-byudzhethnyh-sredstv-pri-osuschestvlenii-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok> (дата обращения: 06.06.2026).
5. Сычева, И. А., Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ / И. А. Сычева, А. А. Кузнецов // StudNet. — 2020. — № 12. — с. 605–611. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-285-1-uk-rf>
6. Марьина, М. И. Особенности уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств / М. И. Марьина, С. Н. Сабанин // Символ науки. — 2023. — № 6–1. — с. 120–123. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-netselevoe-rashodovanie-byudzhethnyh-sredstv>
7. Лисенкова, Н. А. Нецелевое расходование бюджетных средств / Н. А. Лисенкова // Проблемы науки. — 2018. — № 2(26). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/netselevoe-rashodovanie-byudzhethnyh-sredstv>
8. Шашкова, Е. М. Ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств по уголовному кодексу Российской Федерации / Е. М. Шашкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2010. — № 3(15). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-netselevoe-rashodovanie-byudzhethnyh-sredstv-po-ugolovnomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii>

Применение специальных знаний при расследовании экономических преступлений в сфере недвижимости и строительства

Петров Сергей Александрович, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует применение судебных экспертиз в качестве инструмента для расследования преступлений в сфере недвижимости и строительства.

Ключевые слова: экспертиза, специальные знания, уголовное дело.

В ходе расследования уголовных дел в сфере недвижимости и строительства используется практика назначения судебных экспертиз для установления более значимых фактов совершения преступления.

Формы использования специальных экономических знаний при расследовании экономических преступлений в сфере недвижимости и строительства представляют собой многогранный правовой механизм, направленный на объективизацию процесса доказывания через призму финансового анализа, бухгалтерского учета и оценочной деятельности. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, основной и наиболее значимой процессуальной формой является судебная экономическая экспертиза, назначаемая в порядке статьи 195 УПК РФ, которая включает в себя судебно-бухгалтерскую, финансово-экономическую, налоговую и оценочную экспертизы.

В сфере строительства и недвижимости данные исследования опираются на положения Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и специфику отраслевого законодатель-

ства, такого как Федеральный закон № 214-ФЗ об участии в долевом строительстве и Федеральный закон № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Судебно-бухгалтерская экспертиза позволяет реконструировать реальное финансовое состояние застройщика и выявить факты нецелевого расходования средств дольщиков; например, при расследовании мошенничества (ст. 159 УК РФ) эксперт анализирует первичные документы — акты о приемке выполненных работ (форма КС-2) и справки о стоимости работ (форма КС-3), сопоставляя их с данными расчетных счетов, чтобы установить, что средства, выделенные на закупку строительных материалов, были переведены на счета фирм-однодневок по фиктивным договорам займа. Финансово-экономическая экспертиза, в свою очередь, незаменима при расследовании преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ) или злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), где необходимо установить наличие признаков неплатежеспособности и момент их возникновения в результате заключения заведомо невыгодных сделок с объектами недвижимости.

Второй процессуальной формой выступает привлечение специалиста для участия в следственных действиях

на основании статей 58 и 168 УПК РФ, что критически важно при проведении обысков и выемок в офисах девелоперских организаций. В данном случае специалист-экономист помогает следователю идентифицировать и изъять электронные базы данных (например, 1С: Бухгалтерия) и регистры управленческого учета, содержащие сведения о реальной себестоимости строительства, которые зачастую расходятся с официальной отчетностью [1].

Третьей формой является получение заключения или показаний специалиста в соответствии с частями 3 и 4 статьи 80 УПК РФ, что часто применяется на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) для экспресс-оценки размера причиненного ущерба, например, при выявлении признаков уклонения от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ) при совершении сделок купли-продажи коммерческой недвижимости по заниженной цене. Наряду с процессуальными формами, существуют и вспомогательные формы, такие как проведение ревизий и проверок по требованию следователя в порядке части 1 статьи 144 УПК РФ, а также консультационная деятельность специалиста при подготовке постановления о назначении экспертизы для правильной формулировки вопросов, требующих глубокого знания сметного дела и рыночного ценообразования.

Условия правомерности применения данных знаний жестко регламентированы законом и начинаются с надлежащей компетенции лица: согласно статьям 57 и 204 УПК РФ, эксперт обязан обладать специальными познаниями, подтвержденными дипломами, сертификатами и стажем работы в соответствующей области, а в самом заключении должны быть указаны сведения об его образовании и квалификации. Важнейшим условием правомерности является соблюдение принципа независимости и беспристрастности, закрепленного в статьях 61 и 70 УПК РФ; эксперт не может состоять в родственных или служебных отношениях с участниками процесса или иметь личную заинтересованность в исходе дела, иначе его заключение будет признано недопустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ).

Процессуальная правомерность также зависит от соблюдения прав подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, предусмотренных статьями 198 УПК РФ, на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и правом заявлять отвод эксперту или просить о привлечении конкретного экспертного учреждения. Кроме того, легитимность результатов исследования напрямую связана с использованием научно обоснованных и апробированных методик; например, при проведении оценочной экспертизы стоимости земельного участка правомерным будет только то исследование, которое выполнено в строгом соответствии с Федеральными стандартами оценки (ФСО) и нормами Федерального закона № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ».

Обязательным условием является предупреждение эксперта и специалиста об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения,

что фиксируется их подписью. Также условием правомерности выступает достоверность и полнота исходных данных: эксперт не имеет права самостоятельно собирать материалы для экспертизы (ст. 57 УПК РФ), он должен оперировать только теми документами, которые представлены ему следователем и получены законным путем. Например, если при оценке ущерба от недостроя эксперт использует неофициальные черновики («черную бухгалтерию»), не признанные в установленном порядке вещественными доказательствами, выводы такой экспертизы могут быть оспорены защитой.

Правомерность ограничивается пределами компетенции: эксперт-экономист не вправе давать правовую оценку действиям фигурантов (например, называть их «преступными»), а должен ограничиваться установлением фактических обстоятельств, таких как величина отклонения фактических затрат от нормативных или сумма выведенных активов. Системная реализация данных форм и строгое следование условиям их правомерности позволяют правоохранительным органам эффективно дешифровать сложные экономические схемы в строительном бизнесе, обеспечивая полноту и объективность расследования [2].

Характеристика форм использования специальных экономических знаний при расследовании экономических преступлений в сфере недвижимости и строительства основывается на строгом соблюдении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», при этом данные знания реализуются в двух основных процессуальных формах: привлечение специалиста и проведение судебной экспертизы, а также в ряде вспомогательных непроцессуальных форм.

Согласно статье 58 УПК РФ, первой формой является участие специалиста в следственных действиях, направленное на оказание содействия в обнаружении, закреплении и изъятии документов и предметов, имеющих значение для дела, что критически важно при проведении обысков в офисах застройщиков или девелоперских организаций. Например, при расследовании хищения денежных средств дольщиков по статье 159 УК РФ специалист-экономист помогает следователю идентифицировать среди огромного массива документации специфические реестры платежей по договорам долевого участия (ДДУ), выявляя несоответствия между суммами, поступившими на эскроу-счета в соответствии с Федеральным законом № 214-ФЗ, и фактическими затратами, отраженными в регистрах бухгалтерского учета.

Вторая, наиболее значимая процессуальная форма — это судебная экономическая экспертиза (судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, налоговая), назначаемая в порядке статьи 195 УПК РФ. В сфере строительства она часто носит комплексный характер, когда эксперт-экономист анализирует финансовые потоки, используя выводы эксперта-строителя о реальных объемах выполненных

работ. Примером служит ситуация, когда по документам (формам КС-2 и КС-3) застройщик отчитался о закупке и установке дорогостоящего инженерного оборудования на объекте, однако судебно-бухгалтерская экспертиза, анализируя первичные учетные документы, предусмотренные Федеральным законом № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», устанавливает, что оплата производилась в адрес фирмы-однодневки по фиктивному договору, а фактически средства были обналичены и похищены.

Третьей формой является получение заключения специалиста в порядке части 3 статьи 80 УПК РФ, которое представляет собой суждение по вопросам, поставленным сторонами, и позволяет, например, адвокату или следователю на этапе проверки сообщения о преступлении (в рамках ст. 144 УПК РФ) получить предварительную оценку ущерба от неправомерного отчуждения активов строительной фирмы. Условия правомерности применения данных знаний жестко регламентированы законом и включают в себя в первую очередь надлежащий субъектный состав: лицо, привлекаемое в качестве эксперта или специалиста, должно обладать соответствующим профессиональным образованием и компетенцией, подтвержденными документально (ст. 204 УПК РФ). Несоблюдение требования о независимости эксперта, наличие у него заинтересованности в исходе дела в соответствии со статьями 61 и 70 УПК РФ, является безусловным основанием для признания доказательства недопустимым.

Кроме того, правомерность использования специальных знаний напрямую зависит от научной обоснованности и проверяемости используемых методик. Например, при проведении оценочной экспертизы стоимости недвижимости эксперт обязан руководствоваться стандартами, установленными Федеральным законом № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ», и отражать в заключении все этапы исследования, чтобы выводы не были голословными.

В контексте экономических преступлений в строительстве правомерным считается только такое использование специальных знаний, которое опирается на подлинные первичные документы, изъятые в установленном законом порядке, поскольку использование экспертом неофициальных записей («черной бухгалтерии»), не легализованных в качестве доказательств, лишает его заключение юридической силы. Также важным условием является предупреждение эксперта и специалиста об уголовной ответственности по статье 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения, что фиксируется в протоколе следственного действия или в самом заключении.

Интеграция экономических знаний в процесс доказывания признается правомерной только тогда, когда эксперт не выходит за рамки своей компетенции и не дает правовых оценок (например, не делает вывода о наличии «мошенничества»), ограничиваясь установлением фактов, таких как размер дебиторской задолженности, разница в стоимости материалов или сумма неуплаченных налогов при операциях с недвижимостью.

Таким образом, системное взаимодействие процессуальных норм УПК РФ и отраслевого законодательства обеспечивает легитимность трансформации специальных экономических данных в неопровержимые доказательства виновности или невиновности лиц в сфере строительного бизнеса.

Характеристика форм использования специальных экономических знаний при расследовании экономических преступлений в сфере недвижимости и строительства основывается на интеграции положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и отраслевого законодательства, регулирующего финансово-хозяйственные операции.

Основной процессуальной формой реализации таких знаний является судебная экономическая экспертиза (судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, налоговая), назначаемая в соответствии со статьей 195 УПК РФ, которая позволяет трансформировать массив первичной документации строительной организации в доказательства по делу. Например, при расследовании хищений денежных средств дольщиков по статье 159 УК РФ эксперт-экономист, опираясь на нормы Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» и специфику эскароу-счетов, установленную Федеральным законом № 214-ФЗ, проводит исследование движения денежных средств и выявляет несоответствие между суммами, привлеченными от граждан, и фактическими затратами на возведение объекта, отраженными в регистрах учета. Другой важнейшей формой выступает привлечение специалиста в порядке статьи 58 УПК РФ для участия в следственных действиях, таких как обыск или выемка в офисе девелоперской организации (ст. 182–183 УПК РФ) [3].

В данном случае специалист-экономист оказывает содействие следователю в идентификации и изъятии физических документов, например, договоров цессии, актов взаимозачета или вексельных схем, которые часто используются для завуалированного вывода активов при банкротстве застройщика (ст. 196 УК РФ). Третьей формой является получение заключения специалиста в соответствии с частью 3 статьи 80 УПК РФ, которое содержит суждение по поставленным вопросам и может быть получено на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) для предварительной оценки размера ущерба от сделок с недвижимостью по заниженной стоимости.

Условия правомерности применения специальных экономических знаний включают в себя строгое соблюдение субъектного критерия, согласно которому эксперт или специалист должен обладать необходимой профессиональной компетенцией, подтвержденной документами об образовании и квалификации (ст. 204 УПК РФ). Принципиальным условием является процессуальная независимость и отсутствие заинтересованности лица в исходе дела, предусмотренные статьями 61 и 70 УПК РФ, нарушение которых влечет признание доказательства недопустимым.

Правомерность также зависит от соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого, закрепленных в статье 198 УПК РФ, на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и возможность постановки дополнительных вопросов, что гарантирует состязательность процесса. Важным условием легитимности экспертного исследования в сфере недвижимости является использование научно обоснованных методик и опора на достоверную информацию. Например, при проведении оценочной экспертизы для определения рыночной стоимости земельного участка правомерным будет только такое заключение, которое соответствует Федеральным стандартам оценки (ФСО) и нормам Федерального закона № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ».

Литература:

1. Руд А. А. Основные формы использования специальных экономических знаний при расследовании преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-formy-ispolzovaniya-spetsialnyh-ekonomicheskikh-znaniy-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Андреев С. Э. Специфика применения оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» для документирования экономических преступлений в сфере строительства на железнодорожном транспорте // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-primeneniya-operativno-rozysknogo-meropriyatiya-nablyudenie-dlya-dokumentirovaniya-ekonomicheskikh-prestupleniy-v-sfere> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Косарев, М. В. Актуальные проблемы методик расследования преступлений в сфере экономики / М. В. Косарев, Е. А. Миронова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 7 (454). — С. 179–190. — URL: <https://moluch.ru/archive/454/100059> (дата обращения: 15.02.2026).
4. Джанкезов, А. А. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / А. А. Джанкезов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 49 (600). — С. 292–295. — URL: <https://moluch.ru/archive/600/130408> (дата обращения: 15.02.2026)

Также правомерное использование экономических знаний исключает выход эксперта за пределы своей компетенции: он не вправе давать правовую квалификацию деяниям участников сделки (например, определять наличие «умысла» или «преступной группы»), но обязан четко установить экономические факты, такие как сумма неуплаченных налогов (ст. 199 УК РФ) или дебиторская задолженность, возникшая в результате фиктивных поставок строительных материалов [4].

Таким образом, системное соблюдение указанных форм и условий позволяет правоохранительным органам эффективно использовать инструментарий экономического анализа для раскрытия сложных преступных схем в строительном бизнесе и сфере оборота недвижимости.

Эвтаназия: опыт зарубежных государств и Российской Федерации

Плотникова Екатерина Тимофеевна, студент;

Калашникова Алина Анатольевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время эвтаназия является одной из самых обсуждаемых тем научной общественности. Находясь на пересечении этики, права, медицины и философии, данная тема в очередной раз поднимает вопросы о границах свободы человека, ценности жизни и роли государства при регулировании данной процедуры. В условиях значительного научного подъема, когда появились технологии, позволяющие значительно продлить жизнь даже в критических состояниях человека, споры о допустимости эвтаназии как соматического права приобретают особую остроту. Целью данной работы является исследование эвтаназии через призму морали и норм права, а также анализ различных проблем, возникающих по во-

просу необходимости процедуры эвтаназии в современном мире.

В первую очередь, попробуем разобраться, что же представляет собой данная процедура. Термин «эвтаназия» начал встречаться в XVI веке и, в переводе с греческого языка, обозначает «легкую смерть». Статья 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет эвтаназию как ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействиями) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Данное определение позволяет выделить две ее формы: активную и пассивную. Их различие между

собой заключается в том, что активная форма представляет собой умышленное причинение больному по его просьбе легкой и быстрой смерти, а пассивная — отказ от начатого паллиативного лечения по просьбе пациента для ускорения наступления его смерти. Целью эвтаназии является избавление пациента от моральных и физических страданий.

Данная процедура не нова: она получила известность еще в древности. Клятва Гиппократов содержит в себе строки: «Nullius in verba precibus adductus, mortiferum medicamentum cuique propinabo, neque huius rei consilium dabo», что можно перевести как «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». В Древнем Риме же лишение жизни неизлечимо больных и калек считалось нормой, дабы избавить их от мучений. По мере того, как укреплялось христианство, эвтаназия снова начала быть запрещенной процедурой, так как данная религия призывает быть готовым терпеть страдания и быть смиренным, подобно Иисусу Христу. Но с течением времени настроения в обществе снова изменились. Так, английский философ Фрэнсис Бэкон в своем труде «О достоинстве и приумножении наук» утверждал, что «я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия, о которой так мечтал Август, уже сама по себе является немалым счастьем; примером такой счастливой смерти может служить кончина Антонина Пия, который, казалось, не умер, а заснул глубоким сладким сном».

В настоящее время общество так и не пришло к единому мнению относительно эвтаназии. Существуют государства, где данная процедура легальна и активно применяется. Самое большое число процедур приходится на Бельгию, Нидерланды и Канаду: в Бельгии в 2023 году было осуществлено 3423 процедуры эвтаназии, в Нидерландах 9068 процедур, в Канаде 15 300 процедур. В соответствии с Законом королевства Нидерланды о прекращении жизни по просьбе и помощи в самоубийстве, для проведения процедуры эвтаназии требуется:

- Лечащий врач должен проинформировать пациента о текущем состоянии его здоровья и о наличии альтернативных методов лечения, которые могут быть доступны;
- Лечащий врач должен быть уверен, что решение об эвтаназии принимается пациентом добровольно, пациент дееспособен и тщательно обдумал свое решение;
- Лечащий врач должен быть уверен, что пациент действительно претерпевает страдания и находится в паллиативном статусе;
- Лечащий врач должен проконсультироваться как минимум с одним независимым врачом, который осма-

тривал пациента, изучил его медицинскую документацию и дал письменное заключение о возможности проведения данной процедуры.

После проведения данной процедуры лечащий врач обязан предоставить отчет, в котором содержатся сведения о всех совершенных им и пациентом действиях до и во время процедуры. Это необходимо, чтобы можно было удостовериться в том, что процедура была произведена с соблюдением всех необходимых требований, чтобы исключить вероятность врачебной ошибки, давления на пациента со стороны лиц, заинтересованных в его смерти, проведения процедуры без соблюдения установленных законом требований.

Перед принятием решения о легализации эвтаназии, ее сторонники говорили о том, что каждый имеет право на «достойную смерть», и о том, что поддержание жизни в неизлечимо больных пациентах зачастую требует значительных финансовых затрат, в то время как эти средства можно направить на оказание медицинской помощи тем, кто имеет больше шансов на жизнь. Несмотря на это, в Мадриде в 1987 году была принята Декларация об эвтаназии, которой сказано, что «эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, не этична. Это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания».

В Российской Федерации процедура эвтаназии запрещена. На это напрямую указывается в статье 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии», а также в ст. 71 вышеупомянутого закона: «Лица, завершившие освоение образовательной программы высшего медицинского образования, при получении документа об образовании и о квалификации дают клятву врача следующего содержания: Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь: ... проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии».

Несмотря на запрет эвтаназии, в российском обществе ведутся дискуссии о данной процедуре. В 2024 году в России был проведен опрос ВЦИОМ, по результатам которого было выявлено, что к процедуре эвтаназии положительно относятся 28 % опрошенных, отрицательно относятся 34 % опрошенных, нейтрально или воздержались от ответа 38 %. При этом стало известно, что 30 % опрошенных относятся к данной процедуре негативно исходя из религиозных убеждений, что дает нам сделать вывод о том, что в российском обществе сильно влияние религии при формировании мнения человека по различным вопросам морали и этики. Стоит также отметить, что на вопрос о необходимости разрешения эвтаназии людям, страдающим неизлечимыми заболеваниями и претерпевающим на ее фоне сильные боли и страдания, 49 % ре-

спондентов высказались о том, что данную процедуру стоит разрешить, а 33 % отметили, что делать этого не следует. Также на сайте «Российская общественная инициатива» содержится законодательная инициатива о легализации права на эвтаназию, которая собрала 1 118 голосов «За» и 330 голосов «Против».

По нашему мнению, легализация процедуры эвтаназии содержит в себе ряд проблем. Во-первых, это ставит под сомнение саму ценность жизни как таковой. Эвтаназия побуждает человека начать оценивать жизнь с точки зрения ее качества и пользы обществу, из-за чего люди забывают о том, что сам факт существования жизни — это чудо, которое неповторимо и не зависит от внешних обстоятельств. Более того, попытка оценить качество жизни влечет к обесцениванию жизни инвалидов, людей, страдающих различными хроническими заболеваниями, пенсионеров, всех тех категорий людей, которые не участвуют в общественном производстве, и на которых может оказываться давление в пользу их «добровольного» ухода из жизни.

Во-вторых, легализация эвтаназии ставит под сомнение постулаты медицинской этики. У человека должна всегда оставаться надежда на исцеление, а врач должен стремиться к сохранению жизни и выздоровлению пациента, а не помогать ему воспользоваться легальной воз-

можностью прервать жизнь. Известно множество случаев, когда казалось, что пациент обречен, но благодаря тяге к жизни и усилиям врачей он исцелялся и продолжал жить до глубокой старости. Медицина сама по себе направлена на предотвращение и лечение заболеваний, а не причинение смерти.

В-третьих, легализация эвтаназии формирует в обществе представление о нормальности смерти. При таком течении событий в обществе может возникнуть мнение, что смерть является инструментом решения проблем, поэтому люди могут перестать бороться за свою жизнь в пользу того, что у них будет возможность уйти из нее. Примером такого явления могут послужить Бельгия и Нидерланды, в которых распространена практика проведения эвтаназии людям, страдающим от депрессии, БАР и других психических расстройств.

Таким образом, можно сделать о том, что эвтаназия как еще долгое время будет предметом споров общест-венности, так как вопрос ее легализации крайне неоднозначен и требует рассмотрения с различных сторон морали, этики, права и медицины. Опыт иностранных государств показывает, что данная процедура может пользоваться определенной популярностью, но также она лишает нас самого ценного — жизни.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323 // Российская газета. — 2011 г. — с изм. и допол. в ред. от 28.12.2024
2. Закон Королевства Нидерландов: О прекращении жизни по просьбе и помощи в самоубийстве. — Текст: электронный // wetten.overheid.nl: [сайт]. — URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0012410/2021-10-01/> (дата обращения: 30.05.2026)
3. Клятва Гиппократ. — Текст: электронный // gb1pervouralsk.ru: [сайт]. — URL: http://gb1pervouralsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=373&Itemid=637
4. Бэкон, Френсис Великое восстановление наук. Разделение наук / Френсис Бэкон. — Текст: электронный // Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. — URL: https://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka1.txt_with-big-pictures.html
5. Эвтаназия, или право на смерть. — Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehvtanazija-ili-pravo-na-smert>
6. Кучеренко, В. Альтернатива эвтаназии / В. Кучеренко. — Текст: электронный // mgzt.ru: [сайт]. — URL: <https://mgzt.ru/№-98-от-26-декабря-2007г/альтернатива-эвтаназии>
7. Елисеева, Г. В. Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования / Г. В. Елисеева. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2022. — № 19(1). — С. 25.

Пробелы правового регулирования административной ответственности за правонарушения в сфере оборота драгоценных металлов, драгоценных камней и их продукции в РФ

Полятинская Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются пробелы правового регулирования административной ответственности за правонарушения в сфере оборота драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них.

Ключевые слова: драгоценные металлы, драгоценные камни.

Введение

Правовое регулирование отношений, связанных с драгоценными металлами и драгоценными камнями (в области геологического изучения, разведки, добычи, производства, использования и обращения), устанавливается Федеральным законом от 26.03.1998 № 41ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (далее — Закон № 41ФЗ). Контроль за соблюдением законодательства возложен на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственный пробирный надзор, и подведомственные ему учреждения [1].

Административная ответственность за нарушения в этой сфере регулируется главой 15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) («Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней») [4]. Основные нормы были введены Федеральным законом от 27.12.2019 № 501ФЗ [3].

Основная часть

Оборот драгоценных металлов и камней — предмет особого государственного регулирования. Однако действующее законодательство содержит ряд пробелов, затрудняющих эффективное пресечение нарушений. Рассмотрим их подробнее.

1. Отсутствие индивидуального предпринимателя как самостоятельного субъекта в санкции статьи 7.5 КоАП РФ [4].

Статья 7.5 КоАП РФ предусматривает ответственность за самовольную добычу янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней. Однако в санкции не указано, что индивидуальный предприниматель (ИП) может быть субъектом правонарушения. При этом ИП — профессиональный участник рынка, масштабы его деятельности могут быть сопоставимы с показателями юридического лица. Применение к нему штрафов, установленных для физических лиц, не соответствует принципам неотвратимости и справедливости наказания.

2. Отсутствие единой универсальной классификации драгоценных и полудрагоценных камней. Это затрудняет

идентификацию «благородных» минералов: геммология определяет в качестве драгоценного камня только синюю разновидность сапфира, а не все сапфиры, как это предусмотрено Законом № 41ФЗ.

В международных стандартах есть указание на то, что некоторые камни при должной обработке могут иметь более высокую цену, чем камни из перечня Закона № 41ФЗ (например, топазы могут стоить дороже сапфиров и рубинов).

Российское законодательство не содержит определения понятия «полудрагоценный камень», хотя ст. 7.5 КоАП РФ устанавливает ответственность за самовольную добычу таких камней. Перечень полудрагоценных камней утверждён Постановлением Правительства РФ от 11.09.2020 № 1406 [6].

3. Проблемы с дифференциацией ответственности.

После внесения изменений в КоАП РФ в 2020 году (Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 501ФЗ) были добавлены статьи 15.43–15.47, установившие ответственность за различные нарушения в сфере оборота драгоценных металлов и камней [3]. Однако эти изменения:

- усложнили применение норм административного законодательства;
- усилили рассогласованность между административным и уголовным законодательством;
- затруднили криминализацию самовольной добычи и незаконного оборота драгоценных металлов и камней, совершённых лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности.

4. Недостаточная детализация некоторых понятий и терминов.

Неопределённость формулировок, связанных с понятиями «извлечение», «производство» и «обращение» драгоценных металлов и камней, может приводить к неоднозначному толкованию при правоприменении:

- не учитывает возможные открытия новых минералов с высокой экономической ценностью;
- включает минералы и органические образования (например, жемчуг), не являющиеся камнями с позиции геммологической науки;
- не содержит указания на физикохимические свойства или иные существенные признаки, позволяющие определить камень как драгоценный.

При этом, перечень драгоценных металлов и камней приводится в статье 1 Закона № 41ФЗ.

5. Отсутствие специальной нормы в УК РФ за незаконную добычу драгоценных металлов и камней.

Такие действия квалифицируются по иным статьям УК РФ (например, статья 158 «Кража», статья 171 «Незаконное предпринимательство» или часть 1 статьи 255 «Нарушение правил охраны и использования недр»). Вопрос о криминализации незаконной добычи обсуждался в Государственной думе, но соответствующий законопроект не предусматривал криминализацию самовольной добычи, совершённой лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности [7].

6. Недостаточность мер по предотвращению повторных нарушений.

До декабря 2025 года отсутствовала специальная норма, предусматривающая ответственность за повторное совершение правонарушений в сфере обращения драгоценных металлов и камней. Изменения статей 15.43, 15.47 КоАП РФ, вступившие в силу 09.12.2025, установили повышенную ответственность за повторные нарушения:

По части 1 статьи 15.43 КоАП РФ (ведение деятельности без постановки на специальный учёт):

- для ИП — штраф от 120 до 160 тыс. руб.;
- для юридических лиц — штраф от 160 до 180 тыс. руб.

По ч. 1 ст. 15.47 КоАП РФ (нарушение правил учёта, представление информации):

- для должностных лиц — штраф от 50 до 70 тыс. руб.;
  - для ИП — штраф от 60 до 100 тыс. руб.;
  - для организаций — штраф от 100 до 120 тыс. руб. [4].
7. Проблемы с контролем и учётом.

Нарушения правил учёта, хранения и представления отчётности остаются распространёнными. Несмотря на наличие статьи 15.47 КоАП РФ, эффективность контроля зависит от:

- качества работы надзорных органов;
- полноты внедрения информационных систем (например, государственной интегрированной информационной системы в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, камней и изделий из них).

Заключение

Для устранения выявленных пробелов требуется:

- уточнить терминологию (в т.ч. разработать единую классификацию драгоценных и полудрагоценных камней);
- ввести индивидуального предпринимателя как самостоятельный субъект ответственности в ст. 7.5 КоАП РФ;
- обеспечить согласованность административного и уголовного законодательства (в т.ч. рассмотреть вопрос о криминализации повторной незаконной добычи);
- усилить контроль и координацию между различными органами власти;
- повысить эффективность информационных систем учёта и отчётности;
- разработать более чёткие критерии для квалификации правонарушений.

Совершенствование законодательства в этой сфере позволит повысить эффективность пресечения нарушений и обеспечить соблюдение законодательства в области оборота драгоценных металлов и камней.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (в ред. от 31.07.2025).
2. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (в ред. от 01.03.2026).
3. Федеральный закон от 27.12.2019 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
4. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 25.05.2026)
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.12.2007 г. № 64 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Налогового кодекса Российской Федерации о налоге на добычу полезных ископаемых, налоговая база по которому определяется исходя из их стоимости».
6. Постановление Правительства РФ от 11.09.2020 № 1406 «Об утверждении перечня полудрагоценных камней в целях применения статьи 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статей 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации».
7. Соколов А. М. Проблемные аспекты понятий драгоценных металлов и драгоценных камней в российском законодательстве. [Электронный ресурс]. URL: https://ksu.edu.ru/confdlr/conferences/2019_2/01_11_sokolov_am.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Направления использования средств материнского (семейного) капитала в Российской Федерации

Прокофьева Ольга Александровна, студент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

Распоряжение средствами материнского (семейного) капитала является процессом использования средств федерального бюджета, переданных в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, на определенные цели, которые установлены законодательством.

Ключевые слова: материнский (семейный капитал), распоряжение средствами, регулирование законодательством, сумма средств, сертификат, выплаты, порядок распоряжения.

Directions for the use of maternity (family) capital funds in the Russian Federation

The use of maternity (family) capital funds is a process of using federal budget funds transferred to the budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for specific purposes established by law.

Keywords: maternity (family) capital, disposition of funds, legal regulation, amount of funds, certificate, payments, and disposition procedure.

Распоряжение средствами или частью средств материнского (семейного) капитала производится лицами, которые указаны в законе, получившими сертификат по истечении трех лет со дня рождения или усыновления ребенка.

Следовательно, лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям в следующих направлениях:

- улучшение жилищных условий;
- получение образования ребенком (детьми);
- формирование накопительной пенсии для женщин;
- приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов;
- получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет.

Рассмотрим более подробно каждое направление.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» и Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256–ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» направление средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий — это направление средств (часть средств) материнского (семейного) капитала в соответствии с заявлением о распоряжении:

- на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участие в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-

но-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляемому отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели. Средства (часть средств) семейного капитала могут быть направлены на счет эскроу, бенефициаром по которому является лицо, осуществляющее отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения;

- на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемые гражданами без привлечения организации, осуществляющей строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства, в том числе по договору строительного подряда, путем перечисления указанных средств на банковский счет лица, получившего сертификат.

Порядок направления средств материнского (семейного) капитала на получение образования детьми в любом образовательном учреждении Российской Федерации, имеющем право на предоставление соответствующих образовательных услуг, а также требования к предоставлению необходимых документов для направления средств на эти цели определены статьей 11 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256–ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», а также Правилами направления средств или их части материнского (семейного) капитала, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 года № 926.

Согласно вышеуказанным нормативно-правовым актам средства могут быть направлены:

- на оплату платных образовательных услуг;
- на оплату иных связанных с получением образования расходов (например, средства могут быть направлены на оплату пользования жилым помещением и коммунальных услуг в общежитии, предоставляемом организацией обучающимся на период обучения).

Средства (часть средств) материнского (семейного) капитала по предоставленному женщинами, имеющими право на дополнительные меры государственной поддержки, заявлению о распоряжении средствами могут направляться на формирование накопительной части трудовой пенсии в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», Федеральным законом от 24.07.2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации», Федеральным законом от 07.05.1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [1].

Накопительная часть является одной из частей трудовой пенсии, которая формируется за счет поступивших за застрахованное лицо страховых взносов в бюджет Пенсионного Фонда Российской Федерации.

Также с 1 января 2024 года отцы, у которых возникло право на сертификат, как и матери могут направлять материнский (семейный) капитал на формирование своей накопительной пенсии.

Следует учитывать, что с 1 февраля 2026 произошли изменения в сумме по получении выплат средств материнского (семейного) капитала. Для семей с одним ребенком, рожденным или усыновленным с 2020 года сумма

капитала составляет 728 921,90 тысяч рублей, для семей с двумя и более детьми, рожденными или усыновленными в период с 2007 по 2019 год, если право на получение материнского капитала не было использовано составляет 728 921,90 тысяч рублей, для семей, в которых с 2020 года появился второй ребенок, а также третий или любой последующий ребенок, если до их появления право на получение материнского капитала не было использовано составляет 963 243,17 тысяч рублей.

Согласно статье 11.2 ФЗ № 256-ФЗ, средства материнского (семейного) капитала на основании заявления о распоряжении могут направляться на получение ежемесячной выплаты при условии, что размер среднедушевого дохода семьи не превышает двукратную величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» на дату обращения за назначением указанной выплаты. Ежемесячный платеж устанавливается в размере прожиточного минимума для детей, определенного в регионе. В случае наличия нескольких детей младше трех лет в семье, по заявлению получателя сертификата ежемесячная выплата может быть назначена на каждого ребенка [2].

Важно отметить, что ежемесячная выплата автоматически пересчитывается при изменении прожиточного минимума для детей, установленного в регионе, без необходимости подачи заявления.

Порядок направления средств (части средств) на получение ежемесячной выплаты, а также условия и способы предоставления выплаты, перечень требуемых документов и образец заявления устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Литература:

1. Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации: ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 30 ноября 2011 года: [принят Государственной Думой 26 июня 2002 года, одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года]. — Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 6. — Ст. 1041. Доступ из справ. Правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон № 134-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 5 декабря 2022 года: [принят Государственной Думой 10 октября 1997 года, одобрен Советом Федерации 15 октября 1997 года]. — Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 10. — Ст. 965–967. Доступ из справ. Правовой системы «КонсультантПлюс».

Прокурорский надзор за органами дознания на стадии предварительного расследования: проблемы реализации и пути совершенствования

Прошев Егор Петрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Черненко Михаил Данилович, кандидат юридических наук, доцент

Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В статье рассматриваются существующие проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания на стадии предварительного расследования. В частности, рассматриваются следующие аспекты надзора: за-

конность приобретения лицом статуса подозреваемого, соблюдение сроков составления обвинительного акта при заключении подозреваемого под стражу; соблюдение сроков проведения и продления дознания; особенности прокурорского надзора при производстве дознания в сокращенной форме; проблемы реализации требования прокурора об устранении нарушений закона; порядок доступа прокурора к материалам уголовного дела; обязательность и возможность обжалования письменных указаний прокурора дознавателем.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы дознания, стадия предварительного расследования, обвинительный акт, сокращенное дознание.

Prosecutorial supervision over inquiry bodies at the stage of preliminary investigation: problems of implementation and ways of improvement

Proshev Yegor Petrovich, master's student

Scientific advisor: Chernenko Mikhail Danilovich, candidate of legal sciences, associate professor
State University «Dubna» (Moscow Oblast)

The article examines existing problems of prosecutorial supervision over compliance with laws by inquiry bodies at the stage of preliminary investigation. In particular, it considers the following aspects of supervision: the legality of a person acquiring the status of a suspect; compliance with the time limits for drawing up an indictment when a suspect is taken into custody; compliance with the time limits for conducting and extending inquiry proceedings; specific features of prosecutorial supervision in shortened inquiry proceedings; problems related to the implementation of the prosecutor's demand to eliminate violations of law; the procedure for the prosecutor's access to criminal case materials; and the binding nature of, as well as the possibility for an inquiry officer to appeal, the prosecutor's written instructions.

Keywords: prosecutorial supervision, inquiry bodies, stage of preliminary investigation; indictment, shortened inquiry proceedings.

В настоящее время предварительное расследование представляет из себя одну из важнейших стадий уголовного процесса, которая следует после возбуждения уголовного дела и предшествует рассмотрению дела в суде.

В доктрине права существует множество подходов к определению данной стадии, однако нами близка позиция В. А. Никифорова, который под стадий предварительного расследования понимает деятельность уполномоченных органов дознания и предварительного следствия, направленная на установление обстоятельств совершенного преступления, собирание и проверку доказательств, выявление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, а также подготовку уголовного дела к судебному разбирательству.

Анализ положений ч. 1 ст. 150 УПК РФ свидетельствует о том, что предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Причем дознание характеризуется определенной спецификой: более сжатые сроки и определенные категории уголовных дел.

На стадии предварительного расследования наиболее ярко реализуются властные полномочия государства, а именно речь идет про сбор доказательств, применение мер процессуального принуждения, принятие решений, которые могут повлиять на объем прав и свобод участников процесса и т. д. В этой связи данная стадия нуждается в эффективном прокурорском надзоре.

Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания является важной гарантией соблюдения законности, так как деятельность прокурора помогает выявить и устранить нарушения, которые возникают на

данной стадии. В то же время важно подчеркнуть, что деятельность прокурора на данной стадии заключается не в подмене деятельности дознавателя, а в обеспечении того, чтобы расследование проводилось полно, объективно и в строгом соответствии с законом.

Начать необходимо с надзора за соблюдением законности приобретения лицом статуса подозреваемого в ходе дознания. Положения ст. 223.1 УПК РФ указывают, что если присутствуют достаточные данные, дающие основания полагать причастность лица к тому или иному преступлению, то дознаватель составляет уведомление о подозрении и вручает его подозреваемому с разъяснением прав и обязанностей. Далее у дознавателя есть 3 суток, чтобы произвести допрос подозреваемого [1, с. 69].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что прокурорский надзор сводится не просто к формальной проверке уведомления, а к проверке достаточности фактических данных для вынесения подозрения, полноте и разъяснению прав подозреваемого и т. д.

Однако стоит обратить внимание на то, что в ч. 5 ст. 223.1 УПК РФ содержится обязанность дознавателя направить прокурору копию об уведомлении о подозрении лица без указания конкретного срока. Как итог это негативно сказывается на оперативности осуществления прокурором своих надзорных функций. То есть прокурор может получить такую копию как через день, так и через неделю и формально здесь не будет присутствовать нарушения положения ч. 5 ст. 223.1 УПК РФ. В таком случае надзор прокурора будет существенно ослаблен, так как по прошествии длительного срока дознаватель уже закончит совершать многие процессуальные действия.

В этой связи целесообразно дополнить действующую норму ч. 5 ст. 223.1 УПК РФ и указать, что дознаватель должен направить соответствующие уведомление прокурору в течение 24 часов с момента его составления — данное изменение непосредственно усилит прокурорский надзор в данном направлении.

Особое место в прокурорском надзоре за исполнением законов органами дознания на стадии предварительного расследования занимает ситуация, когда в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Так, положения ч. 2 ст. 224 УПК РФ устанавливают, что в случае заключения лица под стражу, необходимо составить обвинительный акт не позднее 10 суток со дня его заключения, в том же случае если это невозможно, то дознание продолжается в общем порядке либо мера пресечения подлежит отмене.

В вышеприведенной ситуации прокурорский надзор проявляется сразу в нескольких аспектах: в самом начале, когда прокурор дает свое согласие на подачу в суд ходатайства о заключении лица под стражу и в последующем для контроля 10-суточного срока составления обвинительного акта. Дело в том, что содержание лица под стражей может использоваться при фактической неготовности лица завершить расследование [2, с. 25].

В целом вышеприведенная правовая конструкция является верной, однако ее можно усовершенствовать и лучше все это сделать на подзаконном уровне. Так, в Приказе Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» предлагается установить обязанность прокурора проверять причины не составления обвинительного акта в срок, установленный ч. 2 ст. 224 УПК РФ, то есть необходимо определить, имелась ли реальная возможность составить такой акт, какие были причины, которые помешали этому и т. д.

Прокурор также осуществляет надзор за сроками проведения дознания, которые составляют 30 суток со дня возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 223 УПК РФ). Положения ч. 4 и 5 ст. 223 УПК РФ также позволяют продлевать соответствующий срок до 6 и 12 месяцев, соответственно.

Прокурор не просто формально продлевает срок дознания, он должен проверить реальную необходимость такого продления, причем даже если основания и присутствуют, то но не должно быть автоматически на 6 и 12 месяцев соответственно, необходимо определить недостающий объем процессуальных действий и назначать справедливый и реальный срок, за который можно закончить полностью предварительное расследование.

В то же время в научном сообществе положения ст. 223 УПК РФ часто критикуют за отсутствие более детальных правил продления дознания. Дело в том, что в самой статье так и не указано, какие обстоятельства необходимо привести в ходатайстве дознавателю, чтобы обосновать продление срока, нужно ли указывать причины, по которым лицо не успело завершить те или иные действия,

нужно ли перечислять действия, которые планируются совершить [3, с. 126].

В этой связи вполне обоснованно звучит предложение закрепить в ст. 223 УПК РФ критерии обоснованности такого ходатайства. Помимо прочего в самом Приказе Генпрокуратуры России № 11 необходимо отразить, что прокурор при разрешении такого ходатайства проверяет не только формальную мотивированность, но также и достоверность сведений, которые в нем отражены.

Отдельного анализа требует надзор при производстве дознания в сокращенной форме. Так, до проведения допроса дознаватель должен разъяснить право подозреваемого ходатайствовать о дознании в сокращенной форме, после поступления такого ходатайства дознаватель рассматривает его в течение 24 часов. Если ходатайство удовлетворено, то дознаватель в течение 24 часов уведомляет об этом как подозреваемого, так и прокурора.

Анализ п. 27–32 Приказа Генпрокуратуры России № 11, регламентирующие прокурорский надзор в отношении дознания сокращенной формы, не устанавливают конкретный срок, в течение которого прокурор должен проверить решение дознавателя о проведении дознания в сокращенной форме на предмет законности и обоснованности. В этой связи предлагается в данном акте установить, что прокурор должен провести проверку такого решения дознавателя в течение 24 часов с момента поступления ему уведомления. Как итог, такое решение позволит своевременно пресекать случаи, когда на подозреваемого оказывается давление и его склоняют к выбору упрощенной процедуры [4, с. 192].

В том случае, когда дознаватель на систематической основе допускает нарушения сроков дознания либо же совершает иные существенные нарушения, то прокурор правомочен применить имеющиеся у него меры прокурорского реагирования, однако было бы неверно сразу отстранять дознавателя от предварительного расследования. В этой связи УПК РФ предусматривает достаточно гибкую модель реагирования прокурора на решения (действия) дознавателя, к примеру, он может требовать устранения нарушений законодательства, давать письменные указания о проведении расследования, отменить постановление и т. д. То есть отстранение дознавателя от дела — это не первоначальная мера, это всего лишь одна из имеющихся мер и, как нам кажется, такая мера должна применяться лишь в последнем случае, когда другие меры уже не способны обеспечить законность и своевременность дознания. Соответствующее положение предлагается отразить в тексте Приказа Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11.

Право прокурора требовать устранения нарушений законодательства имеет немаловажное значение в ходе надзора за органами дознания на стадии предварительного расследования, так как такое полномочие позволяет прокурору не просто ограничиться констатацией нарушения, а требовать его устранения. В таком случае деятельность прокурора направлена не только на контроль

предварительного расследования, но также и на его восстановление.

В то же время действующее правовое регулирование нельзя признать совершенным, так как УПК РФ закрепляет право прокурора предъявлять такое требование, однако не раскрывает его форму, аспекты содержания, срок исполнения, порядок последующего контроля и т. д. В виду отсутствия такой проработанности порождается неоднородная практика прокурорского надзора, что, разумеется, негативно сказывается на вопросе защиты прав и интересов участников процесса.

В научном сообществе звучат идеи расширить содержание п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и предоставить прокурору требование не только устранять нарушения закона, но и вообще все обстоятельства, которые в той или иной степени способствовали такому нарушению [5, с. 12]. Однако такое предложение воспринимается нами негативно по той причине, что такая возможность размоет границы между прокурорским надзором и свободным усмотрением прокурора чрезмерно вмешиваться в деятельность дознавателя. То есть важно, чтобы прокурор вмешивался в деятельность дознавателя лишь с целью устранения конкретных нарушений.

В ст. 37 УПК РФ необходимо отразить, что требование прокурора об устранении нарушений должно быть оформлено в письменном виде и содержать в себе исчерпывающее описание выявленного нарушения, а также ссылки на нарушенные норма права, описание конкретных действий с указанием срока, которые необходимо совершить для устранения нарушения и обязанность по итогу подготовить отчет прокурору о проделанных действиях.

Стоит также в ст. 37 УПК РФ установить предельный срок для исполнения такого требования органом дознания, если он не был установлен прокурором, к примеру, 3 суток.

В том же случае, если требование прокурора об устранении нарушений не было исполнено, то прокурор должен прибегнуть к применению иных мер прокурорского реагирования, в том числе отмена процессуального решения, отстранение дознавателя и т. д.

Другой проблемой является предоставление прокурору доступа к материалам уголовного дела, так как ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ лишь отражает, что прокурору по его письменному запросу предоставляется возможность ознакомиться с материалами дела, однако не устанавливается предельный срок, в течение которого материалы должны быть переданы, также существуют следующие вопросы: возможность передачи материалов в электронном виде, какие последствия наступают в случае, если дознаватель отказывает или же затягивает передачу таких материалов [6, с. 72].

Однако если материалы дела не будут переданы оперативно, то эффективность прокурорского надзора в таком случае существенно снизится. В этой связи в ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ необходимо закрепить обязанность для органов предварительного расследования по запросу прокурора

незамедлительно, но не позднее 24 часов передавать материалы уголовного дела, в том числе при наличии технической возможности в электронной форме.

Относительно указаний прокурора стоит отметить, что они являются обязательными для дознавателя, но в то же время дознаватель по правилам ч. 4 ст. 41 УПК РФ может их обжаловать вышестоящему прокурору. В таком случае законодатель исходит из сочетания поднадзорности дознавателя прокурору, а также сохранения относительной самостоятельности дознавателя, выраженное в несогласии прокурора в участии его в предварительном расследовании.

В то же время по правилам ч. 4 ст. 41 УПК РФ само обжалование автоматически не приостанавливает исполнение предписания прокурора, такое приостановление происходит лишь в исключительных случаях, указанных УПК РФ.

Такой существующий механизм вполне оправдан, и он обусловлен нежеланием парализовать деятельность дознания при обжаловании решения прокурора. То есть если бы каждое обжалование меры прокурорского реагирования блокировало реализацию надзорных полномочий прокурора, то это бы задачам уголовного процесса и не способствовало защите прав и свобод личности [7, с. 55].

В то же время в данном механизме есть определенные проблемы. Норма ч. 4 ст. 41 УПК РФ предоставляет право на обжалование указания прокурора, однако саму процедуру не детализирует, к примеру, не установлен срок рассмотрения вышестоящим прокурором такой жалобы и принятия по ней решения. Отсутствие соответствующей нормы создает риск того, что обжалование будет просто бессмысленно, когда уже указание прокурора было исполнено и прошло значительное время.

В этой связи в ч. 4 ст. 41 УПК РФ необходимо отразить срок рассмотрения вышестоящим прокурором жалобы дознавателя — в пределах 3 сток с момента поступления такой жалобы и в исключительных случаях, требующих более глубокого изучения проблемы — в течение 10 суток.

Более того сами письменные указания прокурора о направлении расследовании в п. 4 ч. 2 ст. 73 УПК РФ недостаточно формализованы: законодатель не раскрывает содержание данных указаний, тогда как в ч. 4 ст. 7 УПК РФ отражается лишь общение правило, согласно которому процессуальные решения прокурора должны быть законными, обоснованными и мотивированными, однако указания прокурора не всегда оформляются как постановления, в то же время сама идея мотивированности таких указаний рассматривается нами положительно. В противном случае получится, что указания прокурора будут обязательны при наличии недостаточной определенности оснований.

В этой связи в ст. 41 УПК РФ стоит также закрепить минимальные требования к содержанию письменного указания прокурора: указание конкретных фактических обстоятельств, которые побудили прокурора вмешаться

в дело, указание конкретных пунктов и статей закона, на которых базируется такое требование, перечень действий и их срок, которые необходимо совершить дознавателю, цель и желаемый результат таких действий.

Также представляется разумным для вышестоящего прокурора в рамках обжалования указаний ниже-

стоящего прокурора закрепить возможность приостановления исполнения указания полностью или в части. К примеру, такое решение может быть вполне оправдано, если его немедленное исполнение может повлечь существенное нарушение прав и свобод гражданина либо лишить обжалование практического смысла.

Литература:

1. Исаенко В. Н. Правовые проблемы использования прокурором результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Лоббирование в законодательстве. — 2024. — Т. 3, № 4. — С. 69–73.
2. Набиуллин Д. Ш., Гончаров Д. Ю. Некоторые проблемы осуществления надзорных полномочий прокурором в стадии предварительного расследования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — Т. 7. — №. 1. — С. 24–28.
3. Ережипалиев, Д. И. Полномочия прокурора в стадии предварительного расследования // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 125–128.
4. Рогава И. Г., Романова Е. Д. Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора на стадии предварительного следствия и дознания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — №. 11–1. — С. 191–199.
5. Кузнецова Е. В. О прокурорском надзоре и ведомственном контроле на завершающем этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2023. — №. 1 (37). — С. 11–14.
6. Швифель Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник экономики, управления и права. — 2021. — №. 3 (48). — С. 71–75.
7. Смирнов В. С. Правовые проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Отечественная юриспруденция. — 2020. — №. 5 (44). — С. 53–59.

Проблемы фиксации показаний на предварительном расследовании и в суде

Радченко Виктор Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье описываются некоторые вытекающие из уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики проблемы, касающиеся фиксации показаний, данных в ходе проведения допроса на предварительном расследовании и на судебном следствии. Помимо этого, анализируется судебная практика, касающаяся рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, показания.

Как справедливо отмечал Хмыров А. А., истину в рамках доказывания нужно не только установить, но и в строгом соответствии с законодательством доказать — сделать ее доступной для других, очевидной. Учитывая, что материалы уголовного дела изучаются множеством лиц, в частности следователем, прокурором, судом, защитником, перед законодателем стоит вопрос об установлении надлежащего способа фиксации соответствующей информации [1].

На стадии предварительного расследования основной формой фиксации показаний является письменный протокол допроса, составление которого возлагается на следователя. На данный момент этот вариант является единственным обязательным способом закрепления доказательств в рамках данного следственного действия в соответствии со статьей 190 УПК РФ.

При этом уголовно-процессуальный закон в этой же статье указывает и на иной способ фиксации показаний — применение аудио или видеофиксации. Но использование соответствующих средств не является обязательным, и решение об этом принимается следователем самостоятельно или по ходатайству соответствующих лиц, участвующих в следственном действии, что отражается в 189 статье УПК РФ.

В дополнение к вышесказанному отметим, что у практикующих юристов была некоторая неопределенность относительно того, может ли защитник использовать устройства аудиофиксации по собственной инициативе. Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации приводится пример из судебной практики. Защитник Г. уведомила о намерении использовать в ходе допроса с участием своего доверителя диктофон, ссылаясь на

случай внепроцессуального общения следователя с подозреваемым. Однако в данном намерении адвоката было отказано. Мотивируя данное решение, следователь отметил, что вышеуказанное «уведомление» является ходатайством и оснований для применения средств аудиофиксации не имеется. Краснодарский гарнизонный военный суд признал данное решение законным, отметив, что «ни Закон об адвокатуре, ни Уголовно-процессуальный кодекс не содержат полномочий адвоката применять средства фиксации в ходе допроса самостоятельно, без заявления соответствующего ходатайства следователю и получения соответствующего разрешения следователя, проводящего указанный допрос и ведущего производство предварительного расследования» [2].

Таким образом, протокол допроса является единственным обязательным способом фиксации показаний, данных допрашиваемым на предварительном следствии. Однако на практике ситуация складывается несколько противоречивая. В данном случае основной проблемой, которую уже не один раз освещали в научной литературе, является формулировка ч.2 ст.190 УПК РФ, в соответствии с которой «показания допрашиваемого лица записываются, по возможности, дословно». Данное решение законодателя является вполне оправданным: очевидно, что в ходе проведения допроса, может, к примеру, прозвучать много и иных, вовсе не относящихся к сути дела сведений, или же иметь место неоднократное повторение одних и тех же фактов. Обязывать следователя записывать такой большой объем информации было бы просто нецелесообразно. Поэтому формулировкой указанной статьи, законодателем подчеркивается необходимость сохранить суть показаний, структурировать их содержание, но при этом сохранив особенности речи допрашиваемого и изложение отдельных, значимых слов. Но в то же время следователь, намеренно или нет, может перефразировать показания, что может иметь особенное значение при установлении признаков субъективной стороны совершенного преступления и, соответственно, повлиять на дальнейшую квалификацию содеянного. Решить данную проблему призвана ч.6 ст.190, в соответствии с которой допрашиваемый может ходатайствовать об уточнении протокола допроса. Но, к сожалению, на практике данная возможность не всегда может реализовываться. Особенно данная проблема имеет место при допросе свидетелей, у которых зачастую отсутствует заинтересованность в закреплении строго точных формулировок в показаниях.

Поэтому некоторыми авторами обосновывается необходимость введения обязательной аудиофиксации данного следственного действия. В подтверждение данной позиции Узгорская И. А. приводит результаты анализа рассмотрения уголовных дел в судах Краснодарского края, согласно которым среди допущенных искажений показаний каждое четвертое было ложным (допрашиваемые в суде лица не могли повторить их). В условиях нынешнего развития науки, техники и производства решение данной задачи представляется вполне возможным [3].

Но на наш взгляд, к вопросу об обязательной аудиофиксации показаний следует все же относиться с осторожностью, так как их использование может напрямую иметь отношение к тактическим особенностям проведения допроса. Применяя соответствующие устройства, следователь в том числе исходит из особенностей личности допрашиваемого. Работающий диктофон в силу особенностей характера некоторых людей, может вызывать у них скованность, затруднения в установлении психологического контакта, отказ со стороны подозреваемого (обвиняемого) в дальнейшем изложении показаний и т. д. Поэтому для разрешения сложившихся противоречий на практике, будет рациональнее не вводить вышеизложенные поправки об обязательном использовании устройств аудиофиксации на допросах, а закрепить вместо этого в УПК РФ положение об обязательном удво- влечении ходатайства лица об их применении.

На судебных стадиях уголовного судопроизводства проблемы фиксации показаний подсудимого не так выражены, вследствие как положений процессуально законодательства, так и принципа гласности судебного разбирательства.

С принятыми в 2018 году поправками в УПК РФ ч.1 ст.259, регламентирующая порядок ведения протокола судебного заседания, была дополнена. На сегодняшний день использование средств аудиофиксации является обязательным в судах первой и апелляционной инстанции, за исключением случаев, когда в силу требований закона разбирательство должно быть закрытым. При этом положения о ведении параллельно с аудиопотоком и протокола в письменной форме остаются во всех случаях неизменным. Однако практика показывает, что данные положения закона могут не соблюдаться при определенных обстоятельствах.

Проанализировав судебную практику, мы пришли к выводу, что аудиопотоколирование, хоть и будучи признанным обязательным способом фиксации заседания, производится не всегда. Более того, суды вышестоящих инстанций не считают его отсутствие существенным нарушением норм процессуального права. В обоснование этой позиции приведем пару примеров.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в Кассационном определении от 23 апреля 2021 № 77–1654/2021 отметил, что «Отсутствие части аудиозаписи судебного заседания суда первой инстанции в результате технического сбоя также не является нарушением права на защиту, поскольку сторонами не оспаривалось содержание письменного протокола судебного заседания, не указывалось на то, что содержащиеся в нем показания свидетелей изложены неверно, замечаний на протокол судебного заседания не приносилось» [4].

Схожую позицию относительно отсутствия аудиопотокола, занимал в том числе и Конституционный суд Российской Федерации. Определение от 30.05.2023 № 1079-О закрепляет позицию относительно того, что «уголовно-процессуальный кодекс не отождествляет протокол су-

дебного заседания, который составляется в письменной форме, с аудиозаписью судебного заседания при помощи технических средств». Следовательно, ее отсутствие не может служить безусловным основанием для отмены приговора [5].

Важным моментом исходя из данной практики является наличие или отсутствие замечаний со стороны защиты. При их отсутствии суды вышестоящих инстанций могут не признать отсутствие аудиопrotocola существенным нарушением процессуального права.

Подводя итоги, отметим, что неправильная интерпретация или намеренное искажение показаний и последующая их фиксация препятствует установлению истины по уголовному делу и может повлечь за собой вынесение как минимум несправедливого приговора, или, в худшем случае, привлечение к уголовной ответственности лиц, не причастных к совершению преступления. Полученные по результатам таких допросов «доказательства» не будут обладать таким важнейшим признаком, как достоверность, что может приводить к их неправильной оценке.

Как отмечал Ароцкер Л. Е., основная цель допроса заключается в выяснении всех известных допрашиваемому лицу существенных обстоятельств дела. В суде допрашивающий не должен стремиться к тому, чтобы подсудимый просто повторил свои показания, данные на предварительном расследовании. Следователь же ни в коем случае

не должен стараться лишь «подогнать» показания подозреваемого под уже имеющиеся доказательства [6].

Таким образом, и в рамках предварительного расследования, и в рамках судебного производства все же основным способом фиксации показаний остается письменная форма. В нашей стране уже предпринимались попытки закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве положение, в соответствии с которым ведение аудиопrotocola следователем или дознавателем в ходе производства допроса стало бы обязательным. Соответствующее предложение было вынесено в 2020 году на общественное слушание Министерством юстиции в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)». Однако, данные поправки так и не были приняты [7].

Но если в будущем перед законодателем будет вновь поставлен вопрос об обязательном ведении следователем аудиопrotocola допроса, то следует учитывать отмеченный нами опыт его применения в рамках судебного разбирательства и решить, будет ли аудиозапись приравниваться к письменному протоколу. Ведь в ином случае практика может сложиться так же, как и на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Хмыров А. А. Теория доказывания. Общая часть: учебное пособие. 3-е изд. перераб. и доп. Краснодар. 2006. С. 8.
2. Оснований для применения диктофона нет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/osnovaniy-dlya-primeneniya-diktoфона-net/>.
3. Узгорская И. А. Необходимость применения аудиозаписи при производстве допросов на стадии предварительного расследования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С.73.
4. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2021 г. по делу № 77-1654/2021 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=29636>
5. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1079-О // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=765500>.
6. Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М. 1969. С. 60.
7. Законопроект № 107783 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects/107783/>.

Критерии оценки доказательственной базы в делах об административных нарушениях в сфере связи и информации

Рудник Валерия Андреевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются практические механизмы проверки цифровых сведений в административных делах о связи и информации и анализируются условия, при которых электронные данные приобретают юридическую силу. Особое внимание уделяется сочетанию технической достоверности и процессуальной корректности как ключевым

факторам признания доказательств допустимыми. Материал подчеркивает возрастающее значение экспертных методов в обеспечении объективности правоприменения в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые доказательства, связь, административная ответственность, проверка данных, экспертный анализ, процессуальная допустимость.

Criteria for assessing the evidence base in cases of administrative violations in the field of communications and information

The article examines practical mechanisms for verifying digital evidence in administrative cases related to communications and information, outlining the conditions under which electronic data gains legal validity. Special emphasis is placed on the interplay between technical reliability and procedural accuracy as decisive factors for admissibility. The analysis highlights the growing importance of expert methods in ensuring objective and consistent legal evaluation within the digital environment.

Keywords: digital evidence, telecommunications law, administrative liability, data verification, expert analysis, procedural validity.

В делах об административных правонарушениях в сфере связи и информации ключевую роль играет качество доказательственной базы, поскольку большинство нарушений фиксируется в цифровой форме и требует точной технической интерпретации. Оценка доказательств в этой категории дел строится на сочетании юридических критериев и специализированных технических требований, обеспечивающих достоверность и объективность выводов.

Правовые основания оценки доказательств в делах о нарушениях в сфере связи и информации опираются на нормы КоАП РФ и специальные законы, которые определяют, какие данные могут подтверждать правонарушение и каким требованиям они должны соответствовать. Статья 26.1 КоАП РФ закрепляет перечень обстоятельств, подлежащих установлению, включая сам факт деяния, участие конкретного лица, характер вины и иные значимые сведения [2].

Статья 26.2 определяет доказательства как фактические данные, которые позволяют установить обстоятельства правонарушения. В делах о связи и информации такими данными могут быть журналы регистрации, фрагменты трафика, акты инспекторов, протоколы мониторинга, копии веб-страниц и результаты работы DPI. Часть 3 той же статьи делает недопустимыми материалы, собранные с нарушением закона, и практика показывает, что отсутствие сведений о методике получения цифровых данных лишает их юридической силы.

Положения статьи 26.11 требуют оценивать доказательства свободно, но с обязательной проверкой их связи с предметом спора, законности получения и подтверждаемой достоверности. Технические материалы рассматриваются в совокупности с другими данными, а не как самоценное подтверждение.

Презумпция невиновности, закрепленная в статье 1.5, означает, что сомнения в корректности логов, временных меток или данных мониторинга трактуются в пользу оператора. Вина должна подтверждаться только законными и достоверными материалами.

Нормы закона № 126-ФЗ «О связи» устанавливают требования к работе операторов, что позволяет суду сопо-

ставлять представленные материалы с конкретными показателями функционирования сети. Недостаточно указать на недоступность ресурса — необходимо подтвердить отклонение от установленного норматива [3].

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации» устанавливает обязанности владельцев сайтов и организаторов распространения данных. Материалы проверки должны подтверждать нарушение конкретной нормы закона, а не только наличие технического факта, например, появления запрещенной информации [4].

Закон № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует правила обработки данных, поэтому логи доступа, электронные согласия и внутренние регламенты оцениваются через соответствие основным требованиям закона [5].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 5 от 24.03.2005 подчеркивает необходимость проверки доказательств с учетом статей 26.2 и 26.11 КоАП РФ и указывает, что нарушения порядка получения цифровой информации делают такие материалы непригодными для использования в деле.

Метаданные рассматриваются как обязательная часть цифрового материала, позволяющая установить происхождение и неизменность файла. Указание используемого программного обеспечения, настроек записи, хеша и других технических параметров делает возможной проверку того, что данные не были изменены после выгрузки.

Требования к фиксации времени включают контроль часового пояса, параметров синхронизации и привязку времени записи к внешнему или локальному эталону. Отсутствие таких сведений вызывает сомнения в точности временных меток и снижает доверие к цифровым данным.

При проверке цифровых материалов учитывается цепочка их передачи — от момента записи до поступления в дело. Неясность в маршруте файла, отсутствии данных о канале передачи или способе выгрузки снижает надежность материала и ставит под вопрос корректность его получения [10].

Допустимость цифровых данных зависит от технического статуса оборудования, с которого они получены. Если устройство не имеет подтвержденной конфигу-

рации, отсутствует описание его работы или порядок эксплуатации, материалы из такого источника не считаются надежными.

Допускается удаленная фиксация логов, однако требуется подтверждение защищенности среды, в которой работает сборщик данных. Если доступ к облаку или платформе, через которую ведется запись, не подтвержден и не контролируется, собранные таким образом данные воспринимаются как нестабильные и потенциально уязвимые.

Связь цифрового доказательства с событием правонарушения подтверждается, когда материал позволяет идентифицировать конкретное техническое действие, которое представляет собой нарушение, а не любое смежное явление. В сфере связи это особенно важно, потому что одно и то же последствие может возникать по несвязанным причинам. Доказательство считается относимым, если фиксируемое событие невозможно объяснить без того юридически значимого действия, которое инспекция приписывает оператору [9].

В делах о блокировке сайтов критичен факт связи между конкретным экземпляром контента и обязанностью владельца ресурса. Если зафиксирован только внешний вид страницы, но отсутствует техническое подтверждение того, что этот контент действительно был размещен на сервере проверяемого лица (нет данных о домене, хостинге, ID-материала), доказательство не формирует связи с нарушением. Об этом говорится в аналитике Центра правового сопровождения интернет-проектов, где подчеркивается, что цифровой фрагмент должен демонстрировать принадлежность информации к субъекту ответственности.

В административных делах по связи суды все чаще требуют подтверждения того, что цифровой материал фиксирует именно тот технологический процесс, который находится под контролем оператора. Если сбой произошел на внешней точке маршрутизации или в магистральном сегменте, находящемся вне юрисдикции провайдера, то даже идеально оформленный лог не связывает событие с обязанностями конкретного оператора. Относимость невозможна без установления зоны технического контроля субъекта.

Для подтверждения относимости цифровые доказательства должны отражать инвариантность технической среды. Если условие, в котором произведена фиксация, отличается от условия, в котором возникло возможное нарушение, цифровой материал утрачивает связь с правонарушением. Например, проверка доступности сайта должна проводиться в эквивалентных сетевых условиях, иначе недоступность может быть следствием иного сетевого состояния. С этим связана позиция, изложенная в методическом докладе ФГУП НИИ «Восход», где отмечено, что изменение конфигурации сети между событием и фиксацией разрушает связь данных с правовым фактом [8].

В ведущих обзорах отмечено, что однозначное соответствие системного времени сервера и времени пред-

ставленных логов значительно усиливает доказательственную силу. Часто именно расхождение в часовых зонах или неверная настройка NTP-сервера вызывает сомнения у судов.

Для телеком-дел это означает, что проверяющий должен представить не только логи, но и журнал синхронизации времени, конфигурацию NTP-клиента, отметку о часовом поясе.

Организация цепочки хранения цифровых доказательств становится самостоятельным элементом анализа корректности. Хранение логов на съемных носителях без журналирования операций извлечения, передачи и архивации рассматривается как слабое звено проверки достоверности. Для качества материалов требуется представление акта извлечения, спецификации носителя, идентификатора выгрузки и отчета об архивировании [14].

Метрики ошибок и потерь пакетов в сетевых журналах рассматриваются как показатель возможного вмешательства или неисправности. Если лог фиксирует полное отсутствие ошибок и выглядит слишком идеально, у эксперта возникают сомнения в его достоверности. Такие показатели становятся поводом для углубленной проверки. В судебной практике уже встречались ситуации, когда логи с нулевой нагрузкой воспринимались как формально подготовленные.

Развитие технологии хранения логов в облаке создает новые требования к оценке корректности. Когда логи размещены в облачной инфраструктуре, проверяющий или суд должен запросить сведения о защите платформы, времени доступа, владельце облачного хранилища, и данные из audit-журнала облака.

В отрасли связи лог-журнал должен сопровождаться актом проверки облачного хранилища, если выгрузка выполнялась через облако, иначе возможность внесения изменений остается не устраненной.

Оценка достаточности совокупности доказательств в делах о нарушениях в сфере связи и информации сводится к тому, способен ли массив материалов воссоздать технологическую картину события без пробелов, логических провалов и недоказанных элементов.

Когда анализируется достаточность, решающим становится совпадение разных типов данных в единый причинно-следственный контур. Если лог фиксирует сбой в работе узла связи, но в материалах отсутствует подтверждение конфигурации оборудования в момент инцидента, — такая конструкция считается неполной, поскольку суд не может установить, действительно ли нарушение произошло в заявленных условиях. Отсутствие сведений о параметрах среды снижает убедительность доказательств ввиду невозможности воспроизвести контекст фиксации [13].

Совокупность считается достаточной только тогда, когда данные разных видов подтверждают друг друга по параметрам времени, техническим характеристикам и зоне ответственности. Выгрузка логов, акт мониторинга и объяснение инженера должны показывать совпа-

дение временных интервалов, идентичность IP-адресов, единый набор параметров маршрутизации. Если один из документов демонстрирует иное время или другие конфигурационные параметры, а объяснения этому нет, суд трактует такое расхождение как отсутствие единого доказательственного блока. Несогласованность цифровых данных с актом проверки исключает возможность признания их достаточной совокупностью [6].

Экспертное исследование в делах о правонарушениях в сфере связи и информации выполняет задачу, которую обычный правоприменитель решить не может. Оно переводит сложные технические процессы в проверяемые юридические факты. В отличие от акта проверки или лога, которые фиксируют набор данных, заключение эксперта показывает, насколько эти данные отражают реальное функционирование сети. При проверке логов маршрутизатора эксперт анализирует контекст — параметры канала, активные сессии, последовательность маршрутов. На практике это выявляет несоответствия, которые невозможно увидеть без специализированных знаний. Примерно 40 % представляемых электронных материалов за 2022 год содержат технические ошибки, влияющие на их пригодность [12].

Эксперт помогает суду понять, соответствует ли цифровая фиксация реальному событию. Если оператор представил журнал недоступности сайта, эксперт сопоставляет его с временными характеристиками сервера и проверяет, совпадают ли параметры сетевого ответа с типичными признаками отказа. В каждом третьем исследовании обнаруживаются ошибки синхронизации времени между устройствами, которые создают иллюзию нарушения, хотя сбой произошел на другой стороне соединения.

Процессуальные ошибки в делах о правонарушениях в сфере связи и информации имеют прямой и измеримый эффект. Они разрушают весь механизм доказывания, потому что суд теряет возможность установить происхождение, подлинность и контекст электронных сведений.

Процессуальный сбой в самом начале разбирательства нередко делает невозможным использование даже технически безупречных цифровых материалов. В 41 % дел с электронными доказательствами первичная ошибка

оформления протокола приводила к исключению всего массива сведений, включая технические выгрузки. Электронный документ зависит от корректности процессуального оформления, и нарушение этой основы автоматически лишает его юридической силы.

Значимое влияние оказывает нарушение правил фиксации цифрового следа. Если должностное лицо зафиксировало нарушение на сайте без указания технических параметров (IP-адреса, времени соединения, используемого ПО), суды расценивают такой документ как непроверяемый. Московский городской суд в обзоре дел за I квартал 2024 года указал, что в 19 % отмененных постановлений причиной стало отсутствие технического описания процесса фиксации, что лишило суд возможности оценить сведения объективно [11].

Сильное процессуальное воздействие оказывает и нарушение цепочки хранения цифрового материала. Если орган не может подтвердить, что файл с логами проходит ту же цепочку носителей и не подвергался изменению, весь блок доказательств исключается. 34 % экспертиз выявляли следы изменения цифрового файла после его первоначального формирования, а основная причина — отсутствие актов передачи и журналов копирования.

Процессуальные сбои проявляются в форме неправильной передачи цифровых носителей. Если логи передаются на личных флеш-носителях инспекторов или пересылаются по нестандартным каналам (например, через мессенджеры), суды расценивают это как нарушение порядка обращения с доказательствами. В 31 % проверенных дел сотрудники использовали несогласованные каналы передачи, что делало источник цифровых данных юридически недостоверным [7].

Современные дела о нарушениях в сфере связи и информации показывают, что цифровые материалы становятся убедительными только тогда, когда они оформлены безупречно и подтверждены техническим анализом. Надежность доказательств определяется прозрачностью, проверяемостью и точной привязкой к событию. Корректная процедура и профессиональная экспертиза делают цифровой след юридически значимым, а любое нарушение превращает его в бесполезный фрагмент данных.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» // «Собрание законодательства РФ», 14.07.2003, N 28, ст. 2895.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. Антипов Д. В., Горохова Д. А., Артюхов А. В., Клентак А. С. Совершенствование требований системы менеджмента качества к производственным процессам // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2022. С. 137–147.
7. Ассоциация информационной безопасности. Официальный сайт. URL: <https://infosec-association.ru/research/adm2023> (дата обращения: 26.11.2025).
8. Восход. Аналитика. Оценка цифровых фактов. Официальный сайт. URL: <https://voshod.ru/analytics/> (дата обращения: 26.11.2025).
9. Зубарев Д. С. Представление и истребование электронных доказательств // Образование и право. 2024. С. 245–250.
10. Куликова Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. DOI: 10.7256/24540595.2024.6.71563 EDN: QABNER URL: https://nbpublish.com/library_read_article.ptp?id=71563.
11. Мосгорсуд. Пресс-центр. Аналитика. URL: <https://mos-gorsud.ru/press/analytics/2024-q1-itcases> (дата обращения: 26.11.2025).
12. Центр правовой помощи. Официальный сайт. URL: <http://justice-center.ru/> (дата обращения: 26.11.2025).
13. Шеколенко А. П. Проблемные вопросы оценки достоверности доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 232–236.
14. Щекина Д. С. Электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях // E-Scio. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-proizvodstve-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah>

Механизмы идентификации и привлечения к ответственности юридических лиц за нарушения законодательства в области связи и информации

Рудник Валерия Андреевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья раскрывает, как правовые и технические инструменты формируют систему регулирования, способную оперативно реагировать на изменения в цифровой инфраструктуре страны. Рассматриваются особенности надзорных механизмов и юридических процедур, влияющих на устойчивость отрасли и уровень доверия к телекоммуникационным сервисам. Материал подчёркивает, что современная правовая модель становится ключевым фактором стабильного развития электронной среды.

Ключевые слова: связь, информационная безопасность, надзор, административная ответственность, цифровое регулирование, юридические лица.

Mechanisms for identifying and holding legal entities accountable for violations of communications and information legislation

The article examines how legal and technological instruments together shape an adaptive regulatory framework for the rapidly evolving digital communications sector. It highlights supervisory mechanisms and procedural safeguards that influence the resilience of telecommunications services and public trust in digital platforms. The analysis shows that a robust legal architecture has become a decisive element in the sustainable development of the modern information environment.

Keywords: telecommunications, information security, oversight, administrative liability, digital regulation, corporate entities.

Нормативная база, на которой строится ответственность юридических лиц за нарушения в области связи и информации, базируется на ряде федеральных законов и положениях административного права.

Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» устанавливает правила работы операторов и сетей связи,

определяет виды услуг и круг лиц, которые могут их предоставлять, а также формирует перечень обязательных требований к операторам. Одним из таких требований является обеспечение тайны связи — сохранность переписки, телефонных переговоров и любых иных сообщений, передаваемых по сетям. Закон прямо запрещает

операторам раскрывать содержание сообщений и сведения о факте их передачи, за исключением ситуаций, когда такое раскрытие предусмотрено законодательством. Нарушение этих правил влечёт ответственность, которая применяется в административном порядке [5].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует, как организации могут распространять, хранить и обрабатывать информационные материалы, какие требования предъявляются к владельцам сайтов, информационных ресурсов, организаторам распространения информации. Этот закон вводит обязанности по удалению запрещённой информации, ограничению доступа к материалам, нарушающим закон, и устанавливает, что такое контент подлежит блокировке или удалению. Закон задаёт, кто считается владельцем ресурса, как должны действовать хостеры, провайдеры и администраторы ресурсов [6].

Обязанности, установленные законом об информации, получают развитие в нормах административного законодательства. Для юридических лиц предусмотрены штрафы за неисполнение требований по удалению или ограничению доступа к запрещённым материалам. Размер санкций варьируется от 800 тысяч до 4 миллионов рублей. Если на ресурсе размещена запрещённая информация и доступ к ней не ограничен, ответственность повышается. Штраф составляет от 3 до 8 миллионов рублей. При повторном нарушении наказание может рассчитываться как доля годовой выручки организации, но не менее установленного минимального размера.

Организация может быть привлечена к административной ответственности только тогда, когда её нарушение прямо описано в действующих нормах. КоАП РФ устанавливает этот принцип в общей части: ответственность наступает не по усмотрению проверяющих, а лишь при наличии конкретного состава правонарушения, предусмотренного законом. Поэтому в сфере связи и информации санкции применяются только тогда, когда компания нарушает установленные требования, а не в любом случае, который формально выглядит неблагоприятным [2].

Для информационной безопасности, защиты личных данных и регулирования контента на сайтах законодательство обязывает организации соблюдать требования к обработке персональных данных, защищать информацию, ограничивать доступ к запрещённому контенту и действовать при требованиях органов надзора. Невыполнение этих обязанностей может влечь как административную ответственность, так и иные меры.

Система государственного контроля в сфере связи и информации основана на чётком разделении функций между несколькими ведомствами. Роскомнадзор осуществляет постоянное наблюдение за технической и организационной деятельностью операторов связи. Эта служба получает от операторов ежегодные отчёты, содержащие сведения о конфигурации сети, используемом оборудовании, объёмах предоставленных услуг и параметрах тра-

фика. Регулярная передача отчётности даёт возможность выявлять несоответствия между заявленными возможностями сети, реальными параметрами и контролировать корректность идентификации абонентов и технических средств [8].

При анализе цифровых ресурсов Роскомнадзор использует централизованную систему, которая аккумулирует технические сведения, полученные от операторов. Эта система позволяет выявлять нарушение порядка маршрутизации трафика, идентифицировать площадки, где размещена запрещённая информация, и фиксировать факты отказа владельцев ресурсов от исполнения законных требований. При поступлении информации от уполномоченных органов, в частности от Генеральной прокуратуры, служба передаёт операторам обязательное к исполнению уведомление о необходимости ограничения доступа к определённым сетевым ресурсам. После подтверждения устранения нарушения служба направляет операторам указание восстановить доступ [10].

Минцифры формирует правила, по которым работают и операторы связи, и владельцы информационных систем. Министерство разрабатывает нормативные требования к инфраструктуре, к обработке данных, к деятельности цифровых платформ. Эти правила затем ложатся в основу проверок, проводимых Роскомнадзором. Министр обладает полномочиями утверждать подзаконные акты, определяющие порядок хранения данных, классификацию технических средств, критерии устойчивости сетей и перечни обязательных мероприятий, которые должны осуществлять операторы и владельцы информационных ресурсов.

Прокурорский надзор обеспечивает соблюдение законности в процессе контрольных мероприятий. Прокурор обладает полномочиями истребовать материалы у Роскомнадзора, проверять обоснованность выданных предписаний и, при выявлении нарушений, опротестовывать акты или инициировать проверку действий контролирующего органа. Прокурор также вправе возбуждать административные дела в отношении юридических лиц, если нарушение относится к сфере связи и информации [9].

Органы оперативно-разыскной деятельности следят за тем, чтобы операторы связи выполняли установленные требования по обеспечению возможности проведения оперативных мероприятий. Операторы обязаны содержать техническую инфраструктуру таким образом, чтобы уполномоченные подразделения могли получить доступ к необходимым сведениям только в порядке, установленном законодательством. Эти требования охватывают создание технических условий для получения данных о маршрутизации сообщений, времени их передачи и характеристиках абонентского оборудования.

Суды рассматривают административные дела в случаях, когда санкцию может назначить только судья. Это относится к большинству нарушений в сфере связи и информации, поскольку санкции для юридических лиц зна-

чительны. Суд проверяет юридическую корректность действий контролирующих органов и оценивает доказательства, предоставленные при проведении проверок. Решение суда определяет окончательный объём ответственности для юридического лица.

Многие операторы, обрабатывающие персональные данные граждан РФ, обязаны обеспечивать, чтобы вся обработка велась в базах, расположенных на территории России. Это требование закреплено в части пятой статьи 18 закона № 152-ФЗ «О персональных данных», с недавними изменениями, уточняющими, что сбор и первичная запись, систематизация, хранение и извлечение данных должны вестись исключительно в российских информационных системах [7].

Невыполнение этого требования можно отследить через межведомственный обмен. При уведомлении о намерении обрабатывать ПД и регистрации операторов, контролирующие органы получают данные о месте физического хранения баз, о серверах, о владельцах инфраструктуры и об оборудовании. Если база физически за рубежом — это юридическое основание для претензии, фиксации несоответствия и последующего привлечения к ответственности.

Приём/передача персональных данных оператором подразумевает, что он организует журнализацию доступа, разграничение прав, учет носителей, контроль физических помещений и др. Это требует введения внутреннего регламента, назначения ответственных за безопасность и применение сертифицированных средств защиты [11].

В рамках надзорных процедур служба, контролирующая обработку личных данных, вправе истребовать у оператора схемы расположения серверов, планы защиты, журналы доступа, политику информационной безопасности. Несоответствие реальных условий заявленным (отсутствие шифрования, открытый доступ, дефицит аудиторских записей) фиксируется как нарушение.

Для сетевых операторов действует требование хранить метаданные об услугах связи и сообщениях — временные метки, номера, маршруты, данные абонентов. Такие данные хранятся в специальных системах. При проверке эти журналы, базы и архивы становятся критическим источником информации для анализа. Они позволяют показать, когда, кто, на каком оборудовании отправил или получил сообщение.

Для идентификации конкретного юридического лица контролирующие органы используют не только доменные и регистрационные данные, но и несколько менее очевидных источников, которые прямо «привязывают» цифровую активность к компании в правовом смысле.

Онлайн-чек по закону № 54-ФЗ становится полноценным юридическим идентификатором продавца. Кассовая техника печатает чек с установленными реквизитами и одновременно отправляет сведения о расчёте оператору фискальных данных, откуда они поступают в налоговый орган. В числе обязательных реквизитов указываются наименование организации или ФИО индивидуального предпринимателя в точном соответствии

с регистрационными данными и адрес места расчёта. Покупатель получает чек любым доступным способом и может проверить его подлинность в приложении ФНС по QR-коду и фискальному признаку. Если такой чек прикладывается к жалобе, орган контроля сразу получает полный набор идентификационных данных продавца — юридическое наименование, ИНН, адрес, сайт и регистрационный номер кассы [4].

Операторы фискальных данных (ОФД) усиливают этот механизм. ОФД — это организация, уполномоченная принимать от контрольно-кассовой техники фискальные данные (чеки, отчёты об открытиях и закрытиях смен, сведения о коррекции расчётов) и передавать их в ФНС, с обязательством хранить информацию не менее пяти лет. Сама налоговая служба в своих разъяснениях подчёркивает, что договор с оператором фискальных данных — обязательное условие регистрации онлайн-кассы. По одному спорному чеку контролирующий орган может запросить у ОФД полную историю расчётов по кассе, увидеть пользователя ККТ (организацию), её идентификаторы и место установки оборудования. Таким образом идентифицируется не только владелец интернет-магазина, но и юридическое лицо, которое фактически принимает оплату за услуги связи или информационные сервисы.

Эффективное применение законодательства в сфере связи и информации невозможно без чёткого понимания того, как на практике устроен сам процесс привлечения юридического лица к ответственности.

Производство начинается с появления повода. Им служат результаты контрольного мероприятия, жалобы, материалы других органов, а также данные технических систем фиксации. Для нарушений в сфере связи и информации возбуждение дела возможно только после официального оформления результата проверки.

Если выявленные факты требуют более глубокого анализа, принимается решение о проведении административного расследования. Такое решение оформляется отдельным определением и позволяет инспекторам запрашивать документы, журналы, технические сведения, заключения экспертов и информацию от операторов связи или финансовых организаций. Срок расследования ограничен одним месяцем, с возможностью продления на условиях, описанных в частях 5 и 6 статьи 28.7 КоАП РФ [2].

После сбора необходимых данных составляется протокол. В него включают описание события, ссылку на правовую норму, сведения о юридическом лице и объяснения его представителя. Копию обязаны направить компании в течение трёх дней.

Материалы передаются органу или судье, который уполномочен рассматривать дело. Статья 29.1 КоАП РФ обязывает проверить полномочия должностного лица, комплектность документов и соблюдение процессуальных сроков. Статья 29.6 устанавливает пятнадцатидневный срок для рассмотрения дела, а для судов — увеличенный срок с возможностью продления, если нужны дополнительные сведения.

Завершается стадия вынесением постановления. В нём фиксируются мотивы, выводы и санкция. Копия направляется компании не позднее трёх дней после вынесения.

Юридическое лицо имеет право обжаловать постановление в течение десяти дней с момента его получения. При уважительных причинах пропущенный срок может быть восстановлен. Постановление вступает в силу после истечения десятидневного срока либо после решения по жалобе.

Исполнение наказания регулируется главой 32 КоАП РФ. Штраф необходимо уплатить в течение шестидесяти дней со дня вступления постановления в силу. Неуплата приводит к ответственности, где предусмотрен новый, более крупный штраф.

Если нарушение подпадает под статью 17 закона № 149-ФЗ «Об информации», к административной ответ-

ственности могут дополнительно возникать гражданские, дисциплинарные или уголовные последствия. Гражданские иски опираются на статьи 1064 и 152 ГК РФ. Уголовные нормы применяются к должностным лицам, если нарушение содержит признаки преступления, и уже не связаны с КоАП [3].

Сфера связи и информации развивается быстрее, чем любые традиционные отрасли, поэтому значение правовой дисциплины в ней постоянно растёт. Компании вынуждены учитывать, что устойчивость их работы теперь зависит не только от инфраструктуры, но и от точного соблюдения нормативных требований. Чёткие механизмы контроля и ответственность за их нарушение формируют правовую среду, в которой прозрачность процессов становится обязательным условием конкурентоспособности и доверия пользователей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
4. Федеральный закон от 22.05.2003 N 54-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 26.05.2003, N 21, ст. 1957.
5. Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи» // «Собрание законодательства РФ», 14.07.2003, N 28, ст. 2895.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
8. Роскомнадзор. Официальный сайт. URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 26.11.2025).
9. Спиридонова А. А. Прокурорский надзор: понятие, актуальные проблемы реализации прокурорского надзора // Вестник науки. 2024. С. 873–877.
10. Черномор А. Д. Участие Роскомнадзора в конституционно-правовом механизме обеспечения правопорядка // Академическая мысль. 2023. С. 121–124.
11. Яковлева-Чернышева А. Ю., Яковлев-Чернышев В. А. Проблемы правовой защиты персональных данных при трансграничной передаче в цифровом пространстве // Образование и право. 2024. С. 483–488.

Проблемы квалификации преступлений, связанных с причинением смерти посягающим при превышении необходимой обороны

Соколов Артём Юрьевич, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предусматривается такая уголовно-правовая норма, как необходимая оборона, которая гарантирует соблюдение данного права и является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Однако из-за отсутствия конкретики большого количества оценочных понятий и категорий возникают проблемы при квалификации деяний: в каких случаях следует квалифицировать деяние как обстоятельство, исключающее преступность деяния (ст. 37 УК РФ), а в каких по ст. 108 и даже ч.1 ст. 105 УК РФ? Более того на практике распространена квалификация «механического» подхода и по принципу так называемого «запаса прочности», при которой значительное количество приговоров по отношению к обороняющемуся выносятся с квалификацией по ч.1 ст. 105 УК РФ. Для анализа проблемы нужно определить, действовал ли человек в состоянии необходимой обороны, защищая законные интересы общества или государства. Важно соблюдать условия правомерности, иначе действия будут считаться превышением пределов необходимой обороны.

Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч.2 ст.37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть». Напротив, в доктрине уголовного права существует иное мнение относительно причинения смерти посягавшему. Так, Е. М. Берлин даже предлагает в зависимости от конкретных обстоятельств дела считать правомерным «добивание» нападающего, т. е. причинение ему таких повреждений, которые гарантированно лишают его возможности продолжить посягательство, в том случае, если обороняющийся не может с полной уверенностью констатировать, что посягательство завершилось [2]. Что, конечно же, является весьма спорным.

Более того, даже в судебной практике существуют случаи, когда причинение смерти нападавшему лицу было признано в состоянии необходимой обороны. Так, в деле *Кештовой* (2002 год) судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала, что Кештова дей-

ствовала в состоянии необходимой обороны, когда нанесла множественные удары кухонным ножом сожителю Гороеву, который в состоянии алкогольного опьянения избил её, угрожал ножом, приставляя его к горлу [3]. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025) приведено уголовное дело, в котором суд пришел к обоснованному выводу о том, что количество нападавших, их агрессивное поведение, обстоятельства и характер примененного физического насилия в присутствии малолетних детей <...> в вечернее время, а также внезапность нападения и применение нападавшими предметов, используемых в качестве оружия, дают право принимать адекватные меры защиты себя, своей семьи, в том числе малолетнего ребенка, и иных лиц [4].

Однако спорными остаются критерии квалификации необходимой обороны и превышения ее пределов при использовании обороняющимся оружия, предметов, используемых в качестве оружия или легальных спецсредств для самозащиты (травматического, газового оружия, газовых баллончиков и т. д.) [5]. В юридической доктрине доминируют два подхода к определению пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне:

1. Пределы устанавливаются посредством соотношения категорий «интенсивность посягательства» и «интенсивность средств защиты» с учетом принципов соразмерности и необходимости (Т. Г. Шавгулидзе, И. С. Тишкевич, В. А. Блинников и др.). Данный подход чрезмерно оценочен и сложен в применении.

2. Учитывается только один фактор: было ли у обороняющегося право на необходимую оборону (Н. И. Коржанский, Г. Колмакова, В. И. Ткаченко). Исходя из чего, причиненный вред правомерен вне зависимости от степени его тяжести.

На наш взгляд, при определении пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне целесообразным представляется первый подход. Да, как указывалось ранее, несмотря на его сложность, данный метод в наибольшей степени соответствует принципам справедливости и гуманизма уголовного права. В подтверждение позиции рассмотрим следующий пример: удар кулаком, если попасть в висок или шею, как минимум, может повлечь за собой невозможность защищаться, а в худшем привести к летальному исходу. Также следует подчеркнуть, что для того, чтобы отразить нападение, необходимо иметь какое-либо преимущество, например, оружие.

В подтверждение нашей позиции стоит обратить внимание и на сложности в определении минимального

вреда. Зачастую в той или иной ситуации определить его крайне трудно (или невозможно) из-за, например, особенности психики преступника, наличия у него плана (если такой вообще имеется). Более того, распространено мнение, что потерпевшему необходимо причинить минимальный, очень ограниченный временными рамками вред, но в этом случае злоумышленник будет продолжать свое нападение.

Интересным в данном аспекте будет рассмотрение причинение смерти разнообразными охранительными устройствами (охранные системы с электрическим напряжением, капканы, замаскированные ловушки и т. д.). Как считают И. И. Слуцкий и М. И. Якубович: причинение смерти в данном случае стоит квалифицировать как причинение смерти по неосторожности. Мы согласны с тем, что в данном случае, деяние нельзя квалифицировать по ст. 108, поскольку существует риск причинения вреда невиновным, к тому же установка подобных устройств осуществляется до начала преступного посягательства. Судебная практика подтверждает это, отрицая состояние необходимой обороны при применении охранных устройств.

Важно отметить, что несмотря на большую схожесть составов (ч.1 ст. 105 и ст. 108 УК РФ), существуют и серьезные отличия. Основным из них будет являться цель: для того, чтобы квалифицировать деяние по ч.1 ст. 108 УК РФ, необходимо наличие специальной цели (ст. 37 УК РФ) — защиты от общественно опасного посягательства. Особую сложность вызывает квалификация содеянного в драке. Основопологающим обстоятельством, на основании которого производится квалификация убийства, совершенного в драке, является мотив. Так, характерным мотивом для убийства в драке являются хулиганские побуждения, соответственно, в данном случае квалифицировать действия виновного надлежит по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в то время как убийство при эксцессе обороны такого мотива иметь не может, поскольку это противоречило бы цели данного преступления (цель защиты от общественно опасного посягательства не может соотноситься с преступным мотивом) [6].

Интересно обратить внимание на особенности регулирования и реализации данного института в зарубежных странах. Просматривается некоторая тенденция: в ряде государств мира (Австралии, Афганистана, Индии, Мальты, Западного Самоа, штатов США и других стран английского общего права, а также Мадагаскара) в случае нападения разрешается все, вплоть до убийства нападающего. И в указанных странах такие преступления как грабеж или разбой составляют существенно меньшую долю совершаемых преступлений, нежели в России, где действует правило о недопущении пределов необходимой обороны [7]. Рассмотрим законодательство США, которое характеризуется высокой проработанностью положений, касающихся необходимой обороны. Например, пределы необходимой обороны рассмотрены в форме «применения смертельной силы» в ч. 2 разд. 3–4 УК штата Нью-Джерси [8]. Такой вариант возможен, если обороняющийся допускает возможность причинения ему смерти либо тяжкого увечья. Исключение: провокация со стороны обороняющегося. Применение «смертельной силы» будет считаться незаконным, если обороняющийся понимал, что мог бы полностью обезопасить себя, спрятавшись в безопасном месте или отказавшись от имущества, на которое было совершено посягательство. Более того, человек имеет право не предпринимать активных действий для самозащиты, так как это не является его обязанностью, если закон не предписывает иное.

Таким образом, для повышения эффективности применения норм о необходимой обороне необходимо дальнейшее уточнение критериев отграничения и более детальная проработка законодательных положений. Это позволит не только защитить права граждан, но и обеспечить соблюдение принципа справедливости в уголовном судопроизводстве, что является важной задачей для современного общества. Нормативно необходимо четко определить критерии и рекомендации для судов: о пределах и возможностях обороняющегося либо, как представлено в примере, дать гражданам право защищаться любыми способами, в соответствии с их усмотрением.

Литература:

1. Алексеева, И. С. Особенности уголовно-правовой оценки убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны / И. С. Алексеева // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — № 2 (32). — С.94.
2. Афендинов В. С. Актуализация вопросов превышения пределов необходимой обороны в новом Постановлении Пленума ВС РФ // Terra Economicus, 2012. vol. 10, №. 4–2 С. 167–170.
3. Официальный сайт Верховного суда РФ URL: <https://www.vsrfr.ru/files/10398/>
4. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025)
5. Матвеева Е. В. Актуальные проблемы разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны с составом простого убийства по УК РФ // Символ науки. 2019, №. 9. С. 72–74
6. Матвеева Е. В. Актуальные проблемы разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны с составом простого убийства по УК РФ // Символ науки, 2019. №. 9. С. 72–74
7. Шаяхметов Т. Р. Некоторые аспекты развития и применения института необходимой обороны в Соединенных штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2016, №. 1 (56). С. 46–52.
8. New Jersey Revised Statutes Title 2C (2025), URL: <https://law.justia.com/codes/new-jersey/title-2c/> (дата обращения: 14.04.2026)

Невменяемость: анализ критериев и проблемы отграничения от вменяемости в российском уголовном праве

Соловьёва Оксана Владимировна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье исследуется институт невменяемости в российском уголовном праве. Анализируется законодательная формула невменяемости, закрепленная в статье 21 УК РФ, и доктринальные подходы к её критериям. Выявляются проблемы, связанные с отсутствием легального определения ключевого понятия «психическое расстройство», разграничением невменяемости и ограниченной вменяемости, а также риски злоупотребления институтом невменяемости в правоприменительной практике.

Ключевые слова: невменяемость, медицинский критерий, юридический критерий, психическое расстройство, ограниченная вменяемость, принудительные меры медицинского характера.

Институт невменяемости является краеугольным камнем современного уголовного права, обеспечивая реализацию постулата субъективного вменения. Его суть в том, что человек, утративший интеллектуально-волевой контроль над своим поведением, не может рассматриваться как полноценный субъект правонарушения. Базовая норма, ст. 21 УК РФ, постулирует: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики» [1].

В уголовно-правовой науке природу невменяемости принято раскрывать через два неразрывно связанных основания: медицинское (биологическое) и юридическое (психологическое или психопатологическое). Первое из них обрисовывает спектр психических патологий, которые потенциально способны привести к невменяемости, а второе — фиксирует деструктивное воздействие этих патологий на сознание и волю индивида, определяя тем самым глубинную суть невменяемого состояния. Исследователи единодушны во мнении, что оба эти критерия описывают одно и то же душевное расстройство, но в разных аспектах, они взаимодополняемы и служат друг для друга системой сдержек и противовесов [2, с. 57]. Юридическая констатация невменяемости требует сочетания любого из проявлений медицинского критерия и как минимум одного из признаков психологического — либо когнитивной неспособности постигать смысл и противоправность своих действий, либо волевого бессилия управлять ими. Использование законодателем соединительного союза «или» подчеркивает альтернативность этих двух слагаемых.

При исследовании данного вопроса становится очевидным, что классическая двухкритериальная модель невменяемости часто ставится под сомнение. Так, Г. А. Есаков выдвигает идею о существовании третьего,

хронологического элемента — он называет его темпоральным или временным. Его смысл в том, что и медицинская, и психологическая составляющие непременно должны наличествовать у гражданина строго во временных границах совершения им общественно опасного поступка [3, с. 40]. Сходной позиции придерживается С. В. Шевелева в своей монографической работе [4, с. 112]. Подобный подход получает одобрение многих правоведов, ведь его фундаментом служит сама идея законодателя. Действительно, если психическое расстройство возникло после совершения деяния, применяется иной институт — статья 81 УК РФ, регулирующая освобождение от наказания в связи с болезнью.

Смешение этих двух ситуаций недопустимо, и выделение темпорального критерия позволяет провести чёткую грань между невменяемостью и последующим заболеванием. О. Е. Чиняков О. Е. и В. В. Данилов указывают, что невменяемость находится в неразрывной связке с реальным, а не абстрактным преступлением и временем его совершения — вне этих обстоятельств о невменяемости не может быть и речи [5, с. 41].

Таким образом, несмотря на поддержку идеи выделения темпорального критерия, он не заменяет медицинский и юридический критерии, а лишь дополняет их, фиксируя момент их существования.

Принципиально значимым для уяснения института невменяемости является взаимодействие медицинской и психологической составляющих. В диспозиции нормы употреблен оборот «вследствие», чье семантическое наполнение требует, чтобы юридический критерий был производным именно от медицинского. Простое наличие у человека психиатрического диагноза, даже весьма тяжелого, автоматически не делает его невменяемым. Д. Ю. Кузнецов отмечает, что теоретически допустима ситуация, когда субъект с психической аномалией, допустим, с длительной ремиссией заболевания или неосложненной формой умственной отсталости, вполне может нести уголовную ответственность [6, с. 37]. С другой стороны, отсутствие патологии, зафиксированной в медицинском критерии, ставит ограничения для любого обсу-

ждения невменяемости, каким бы странным ни казалось поведение лица во время содеянного.

Важной практической трудностью является отсутствие в российской нормативной базе законодательной дефиниции «психическое расстройство». Как верно подмечает О. А. Елисеева, указанное понятие служит смысловой основой всего института невменяемости, ведь именно с ним выстраивается причинная связь к способности лица осознавать характер своих действий [7, с. 230]. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» [8] оперирует термином «психическое расстройство», но его дефиниции не содержит. Данная проблема отмечается и другими учеными, например, А. Р. Голубевой и Г. М. Хамитовой, которые указывают, что сложившаяся неопределенность вынуждает как врачей, так и правоприменителей самостоятельно, на свой страх и риск, решать вопрос о том, болен ли человек психически [9, с. 50]. Обзор судебных актов также не позволяет найти данную дефиницию: высшие суды упоминают о необходимости устанавливать наличие тяжелого душевного недуга, но не разъясняют его содержательных признаков, как это видно на примере Определения 5-КАД20–21-К2 из Обзора практики ВС РФ № 1 за 2021 год [10].

В теоретической среде предпринимаются попытки восполнить данный нормативный пробел.

Так, Б. А. Спасенников определяет психическое расстройство как дисфункцию головного мозга, вследствие которой мыслительные процессы и поведение индивида утрачивают адекватность, вплоть до возникновения опасности для него самого или социума [11, с. 37]. Однако данное определение, будучи скорее медицинским, не в полной мере учитывает юридическую специфику. Представляется, что понятие «психическое расстройство» применительно к статье 21 УК РФ должно быть именно правовым, ориентированным на установление юридически значимых последствий — неспособности лица осознавать свои действия и руководить ими. Отсутствие легальной дефиниции создаёт риски как необоснованного признания лица невменяемым, так и, напротив, привлечения к уголовной ответственности лица, объективно не способного осознавать характер своего поведения.

С институтом невменяемости органично связана и конструкция уменьшенной (ограниченной) вменяемости, нашедшая закрепление в ст. 22 УК РФ. Указанная норма, по сути, занимает срединное положение: индивид с душевной аномалией, не исключающей способности быть субъектом преступления, привлекается к уголовной ответственности, но суд правомочен учесть эту аномалию при выборе меры воздействия. Вместе с тем реализация данной концепции на практике вызывает затруднения. О. А. Елисеева справедливо отмечает отсутствие чёткого понимания того, какие именно психические расстройства ограничивают вменяемость, не исключая её полностью, а также какова продолжительность и степень такого ограничения [7, с. 231].

Л. Г. Литвяк и С. К. Абрамян, исследуя этот вопрос, указывают на некоторые пробелы ст. 22 УК РФ: во-первых, ее

действие распространяется и на тех лиц, чье расстройство никак не повлияло на механизм конкретного преступления; во-вторых, в ней отсутствует прямое предписание об обязательности смягчения наказания для лиц с психическими аномалиями [12, с. 149]. Ученые выступают за законодательное введение обязательного участия адвоката, если у подозреваемого или обвиняемого имеется психическое расстройство, не аннулирующее вменяемость. Цель такой новеллы — обеспечить соблюдение прав лица и создать условия для действительно объективного разбирательства. С такой постановкой вопроса трудно спорить: человек, чьи когнитивные или волевые ресурсы существенно снижены, объективно находится в более слабой процессуальной позиции и особенно нуждается в компетентной правовой поддержке.

Г. В. Назаренко акцентирует внимание на существовании ошибочных дефиниций невменяемости, неправильную трактовку её критериев и другие заблуждения, которые, несмотря на объективное опровержение, продолжают воспроизводиться [13, с. 43]. Д. Ю. Кузнецов приводит конкретные примеры таких неточностей: в одних дефинициях отсутствует упоминание слабоумия, в других неверно говорится о невменяемости «на момент совершения преступления» (тогда как содеянное невменяемым преступлением в правовом смысле не считается), в-третьих, содержание невменяемости не соотносится с периодом начала и завершения деяния [6, с. 36]. Встречаются также предложения о конструировании психологического критерия невменяемости. Д. Ю. Кузнецов расценивает данные нововведения как спорные, поскольку они ведут к размыванию устоявшейся двухкритериальной модели и создают почву для отождествления психологического критерия с юридическим, что методологически некорректно [6, с. 37].

Особые риски несет в себе укоренившийся на практике подход к пониманию невменяемости, который можно назвать упрощенным. Юридический компонент в нем подавляется медицинским. В правоприменительной практике нередко встречаются случаи, когда заключения судебных психиатров содержат прямые выводы о том, могло ли лицо осознавать свои действия и управлять ими, то есть выводы сугубо юридического толка, которые впоследствии практически без изменений мигрируют в приговоры и постановления. Установление вменяемости фактически низводится до поиска врачом определенного психического статуса, в результате чего грань между двумя названными критериями, по сути, стирается. Такая практика, ведёт к опасности появления концепций невменяемости с одним критерием — медицинским, что противоречит законодательству.

Нельзя не отметить также и проблему недобросовестного использования института невменяемости.

Л. Г. Литвяк и С. К. Абрамян прямо указывают, что заинтересованное лицо может путем подкупа эксперта способствовать признанию подсудимого невменяемым. Подобные махинации приводят к тому, что опасный

преступник избегает уголовной ответственности, тогда как применение принудительных мер медицинского характера, возможное по решению суда, далеко не всегда адекватно компенсирует общественную опасность содеянного [12, с.150]. Данный риск особенно актуален в условиях, когда экспертное заключение по существу предопределяет исход дела, а судьи, не обладая специальными познаниями в психиатрии, склонны некритически воспринимать выводы специалистов.

Сравнительно-правовой анализ, проведенный О. А. Елисеевой, показывает, что российский подход к невменяемости при всех его недостатках обладает определёнными преимуществами перед зарубежными аналогами. Законодательство Японии признаёт невменяемым психически ненормального субъекта, который во время совершения преступления не осознавал характер своих поступков и не мог руководить ими. В КНР уголовное наказание исключается, если вредные последствия причинены лицом, страдающим психическим заболеванием, вследствие которого оно неспособно отвечать за свои поступки. В США для признания лица невменяемым необходимо наличие трёх критериев: неполноценное развитие, наличие психической болезни и, как результат, неспособность осознавать своё преступное поведение и его последствия [7, с. 232]. Как видно, при всех национальных особенностях общим для рассмотренных правовых порядков остаётся сочетание медицинского и юридического критериев, а также темпоральная привязка к моменту совершения деяния.

Завершая анализ, представляется необходимым сформулировать конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Подводя итог исследованию, мы полагаем необходимым предложить ряд шагов по модернизации отечественного уголовного законодательства.

1. Назрела объективная потребность легального закрепления понятия «психическое расстройство» для целей института невменяемости. Видится продуктивным внести в ст. 21 УК РФ примечание в такой редакции: «Под психическим расстройством в контексте настоящей статьи понимается психическое расстройство, обуславливающее нарушение психической деятельности, при котором лицо из-за болезненного состояния психики оказывается неспособным осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Появление такой нормативной дефиниции даст возможность, с одной стороны, отделить уголовно-значимые патологии от всех прочих, на вменяемость не влияющих, а с другой — сформирует правовую основу для формулирования экспертных заключений и их последующей оценки судом.

2. Ст. 22 УК РФ нуждается в законодательной конкретизации. Представляется оправданным прямо прописать в ее тексте, что диагностированное у лица психическое расстройство, не аннулирующее вменяемости, рассматривается судом как основание, влекущее обязательное смягчение назначаемой меры. Кроме того, следует нормативно закрепить обязательное участие адвоката по всем делам, где фигурируют сведения о наличии у подозреваемого или обвиняемого подобного рода расстройства.

3. Для минимизации рисков злоупотребления институтом невменяемости целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить правило, согласно которому суд при оценке заключения судебно-психиатрической экспертизы не вправе ограничиваться простой ссылкой на выводы эксперта относительно вменяемости или невменяемости, а обязан самостоятельно проанализировать и отразить в решении как медицинский, так и юридический критерии невменяемости применительно к обстоятельствам конкретного дела.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Морозов В. И., Галкин В. В. О соотношении медицинского, патопсихологического и юридического критериев невменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2 (52). С. 56–68.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 9-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2021. 848 с.
4. Шевелева С. В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
5. Чиняков О. Е., Данилов В. В. Критерии невменяемости лица, совершившего преступление // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2023. № 3 (22). С. 39–49.
6. Кузнецов Д. Ю. Основные направления изучения доктрины невменяемости // Современная наука. 2023. № 1. С. 35–38.
7. Елисеева О. А. Теоретические основы невменяемости // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 229–231.
8. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
9. Голубева А. Р., Хамитова Г. М. Проблемы законодательства Российской Федерации о психиатрической помощи // Социальное и пенсионное право. 2019. № 2. С. 49–51.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. июль, 2021.
11. Спасенников Б. А., Смирнов А. М., Тихомиров А. Н. Преступное поведение и психические расстройства. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. — 200 с.
12. Литвяк Л. Г., Абрамян С. К. Уголовно-правовое значение невменяемости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 148–150.
13. Назаренко Г. В. Доктрина невменяемости: эрратологический аспект // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1. С. 42–45.

Совершение родственных сделок с несовершеннолетними (подопечными): от теории к практике

Терехова Анна Алексеевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются положения действующего законодательства, ограничивающие распоряжение имуществом несовершеннолетних и подопечных граждан, вопросы соответствия нотариальной и судебной практики указанным ограничениям, предложены изменения в текст закона.

Ключевые слова: сделки, отчуждение, имущество, несовершеннолетние, подопечные, близкие родственники, законные представители, выгода.

Сделки, совершаемые с движимым и недвижимым имуществом физических лиц, неизменно являлись частью повседневной жизни капиталистического общества.

Несовершеннолетние дети, ограниченно дееспособные и недееспособные граждане становятся собственниками имущества по различным основаниям: договорам, судебным актам, наследству и т. д.

До 1 января 2007 года было распространено приобретение имущества вышеуказанными категориями граждан по договорам бесплатной передачи государственных (муниципальных) жилых помещений в собственность, а также по наследству, реже — по договорам купли-продажи, мены, дарения. С введением в действие Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» у семей, в которых рождались (были усыновлены) второй и последующие дети, появилось право на улучшение жилищных условий путем направления средств по государственному сертификату на материнский (семейный) капитал на покупку (строительство) жилого помещения [4]. В соответствии с нормами вышеуказанного закона приобретенное таким способом жилое помещение должно быть оформлено в общую долевую собственность всех членов семьи. Уже несколько лет договоры, связанные с приобретением жилья в том числе за счет средств материнского капитала, — крайне распространенное явление на рынке недвижимости.

Достаточно часто встречаются и случаи получения несовершеннолетними (подопечными) наследства в виде паев в инвестиционных фондах, ценных бумаг, долей в уставных капиталах юридических лиц, транспортных средств.

Изложенное позволяет обозначить актуальность темы настоящего исследования: она обусловлена значительным ростом случаев вовлеченности несовершеннолетних (подопечных) в гражданско-правовые отношения, что, в свою очередь, требует проведения анализа существующей нормативной базы государства и актуальной практики ее применения с целью дальнейшего совершенствования.

Поскольку обстоятельства жизни семей с детьми, подопечных лиц и их опекунов (попечителей) меняются ежедневно, возникает необходимость в отчуждении нажитого имущества. Здесь законодательство Российской Федерации устанавливает определенные ограничения по распоряжению вещами несовершеннолетних и подопечных. Во-первых, согласно пункту 2 статьи 37 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) опекуну (попечителю) следует получить предварительное разрешение органа опеки и попечительства на совершение сделки по отчуждению имущества подопечного, а также на совершение других действий, влекущих уменьшение имущества [2]. Указанные положения в силу пункта 3 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации распространяются и на случаи управления имуществом детей их родителями [3].

Во-вторых, на основании части 2 статьи 54 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» сделки с недвижимым имуществом, совершаемые по разрешению органа опеки и попечительства, необходимо удостоверить в нотариальной форме [6].

Основами законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 закреплены обязанности нотариуса при совершении любого нотари-

ального действия, в том числе по отказу в его совершении при несоответствии законодательству Российской Федерации или международным договорам [1].

Ключевыми для настоящей статьи являются положения о родственных сделках с несовершеннолетними (подопечными) в их взаимосвязи с вышеприведенными статьями законов. Так, пунктом 3 статьи 37 ГК РФ установлено, что «опекун, попечитель, их супруги и близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным, за исключением передачи имущества подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна или попечителя и их близкими родственниками». Ранее уже было отмечено, что данная норма права действует и в отношении родителей.

Целью введения законодательного запрета на совершение родственных сделок с детьми и опекаемыми, как представляется, послужила необходимость охраны интересов наиболее уязвимой категории граждан от различного рода злоупотреблений со стороны законных представителей, их супругов и близких родственников, упреждения случаев использования правового статуса законного представителя в своих корыстных намерениях. Невзгодина Е. Л. справедливо отмечает, что такое запрещение должно распространяться и на случаи, когда представитель совершает сделку по отношению к третьим лицам, при этом его интересы и интересы представляемого являются встречными, совпадающими, например, когда родитель и ребенок — наследники одного и того же лица [8].

Вопреки запрету на совершение родственных сделок с несовершеннолетними (опекаемыми) в практике повсеместно встречаются договоры купли-продажи жилых помещений, в том числе удостоверенные нотариусами, заключенные между бабушками, дедушками, тетями и дядями несовершеннолетних в качестве продавцов и членами семьи с детьми в роли покупателей, по которым расчет производится с привлечением средств материнского капитала. Обстоятельства, побуждающие стороны к совершению таких договоров, бывают разными, вместе с тем нередко владельцы сертификатов на семейный капитал не скрывают, что целью сделки было не создание реальных правовых последствий (приобретение жилья, вселение в него), а лишь вывод денежных средств в натуре без изменения фактического положения сторон. Такой подход, по мнению Юдиной М.-Е. А., создает порочную практику, когда имущественные права несовершеннолетнего лица могут быть нарушены путем злоупотребления правом со стороны его законных представителей [10].

Важным аспектом для толкования нормы пункта 3 статьи 37 ГК РФ является сфера действия Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — Закон об опеке) [5]. Так, в соответствии с частью 1 статьи 1 Закона об опеке последний распространяется на отношения, связанные с опекой

и попечительством над недееспособными или не полностью дееспособными гражданами. Однако не все буквально толкуют приведенное положение, проецируя нормы Закона об опеке и на отношения между родителями и их несовершеннолетними детьми. В частности, такой подход можно встретить в Методических рекомендациях по вопросам выдачи органами опеки и попечительства предварительных разрешений на осуществление имущественных прав ребенка, утвержденных Министерством просвещения Российской Федерации 23 декабря 2021 года [7]. Существование различных точек зрения по данному предмету обсуждения необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о легализации определенных категорий родственных сделок.

Например, Невзгодина Е. Л. полагает, что интересам ребенка, недееспособного и ограниченного в дееспособности гражданина могут соответствовать и иные родственные сделки, помимо разрешенных дарения или передачи имущества в безвозмездное пользование. Это касается, в частности, обмена жилыми помещениями [8].

Чефранова Е. А. придерживается такого мнения: «Если в отношении опекуна (попечителя) применение абсолютного запрета оправданно, то для родителей такое средство правового регулирования неприемлемо» [9].

Определяющим критерием при выдаче, к примеру, предварительного разрешения органом опеки и попечительства на отчуждение имущества, а также при рассмотрении судебных споров является наличие выгоды несовершеннолетнего (подопечного) в итоге совершения сделки. Вместе с тем прямо о наличии материальной пользы по сделке указано лишь в Законе об опеке: частью 1 статьи 20 установлено, что недвижимость подопечного можно отчуждать по договорам ренты или мены, если такие договоры совершаются к выгоде опекаемого. Следует признать, что в данном случае распространение норм специального закона на отношения между родителями и детьми целесообразно.

Практика показывает, что в ситуациях выбора главенствующей нормы права между недопущением родственных сделок с детьми (подопечными) и возможностью отчуждения имущества подопечных к выгоде последних решающим аргументом становится все же наличие итогового материального преимущества уязвимой категории лиц, несмотря на родственный договор. Так, апелляционным определением Кемеровского областного суда от 08 апреля 2026 года № 33а-3931/2026 было отменено отрицательное решение нижестоящего суда о признании незаконным отказа органа опеки и попечительства на мену между матерью и детьми [11]. Судебная коллегия признала отказ уполномоченного органа формальным, не учитывающим интересы несовершеннолетних, так как вследствие предложенного родителем договора мены долей квартир увеличивается как общая площадь принадлежащего несовершеннолетним на праве долевой собственности жилого помещения, так и стоимость их долей.

Поскольку правоприменители зачастую сходятся во мнении, что получение выгоды несовершеннолетним, недееспособным или ограниченно дееспособным по итогам сделки важнее факта заключения договора с за-

конным представителем, его супругом или близким родственником, полагаем необходимым внести соответствующую оговорку и в общий закон — в пункт 3 статьи 37 ГК РФ.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1; ред. от 20.02.2026 // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357. — Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: редакция от 31.07.2025: с изменениями, вступившими в силу с 01.08.2025 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: сайт. — Москва, 1997-. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 31.05.2026). — Текст: электронный.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: редакция от 23.03.2026 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: сайт. — Москва, 1997-. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 31.05.2026). — Текст: электронный.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ: редакция от 31.07.2025: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2026 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: сайт. — Москва, 1997-. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 31.05.2026). — Текст: электронный.
5. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ: редакция от 29.09.2025 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: сайт. — Москва, 1997-. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 31.05.2026). — Текст: электронный.
6. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон № 218-ФЗ: [принят Государственной думой 3 июля 2015 года: одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года: редакция от 28.12.2025: с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 01.03.2026]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
7. О направлении методических рекомендаций по вопросам выдачи органами опеки и попечительства предварительных разрешений на осуществление имущественных прав ребенка: письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. № 07-2436. — Текст: электронный // Гарант.ру: информационно-правовой портал. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400647212/> (дата обращения: 31.05.2026).
8. Невзгодина, Е. Л. Юридические последствия превышения пределов, установленных для осуществления полномочия представителя по гражданскому праву России/ Е. Л. Невзгодина. — Текст: электронный // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2010. — № 1 (22). — С. 60–67. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-posledstviya-prevysheniya-predelov-ustanovlennyyh-dlya-osuschestvleniya-polnomochiya-predstavatelya-po-grazhdanskomu> (дата обращения: 31.05.2026).
9. Чефранова, Е. А. Правовое регулирование имущественных отношений с участием несовершеннолетних членов семьи // Защита прав ребенка в современной России: материалы научно-практической конференции. — М., 2004. — С. 67–79.
10. Юдина, М.-Е. А. Некоторые особенности участия несовершеннолетних в сделках в сфере оборота недвижимости / М.-Е. А. Юдина. — Текст: электронный // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 11 (87). — С. 200–204. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-uchastiya-nesovershennoletnih-v-sdelkakh-v-sfere-oborota-nedvizhimosti> (дата обращения: 31.05.2026).
11. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 08 апреля 2026 г. по делу № 33а-3931/2026. — Текст: электронный // СудебныеРешения.рф: интернет-портал судебных актов. — URL: <https://судебныерешения.рф/96088582> (дата обращения: 31.05.2026).

Ипотека зданий и сооружений в российском гражданском праве: особенности правового регулирования и проблемы правоприменения

Тимергалеева Марина Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Файзрахманова Лейсан Миннуровна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует правовую регламентацию ипотеки зданий и сооружений. В данной работе автор рассматривает понятие здания как объекта недвижимости, его отличие от сооружения, а также особенности залога земельного участка или права на него при ипотеке здания. Особое внимание уделяется проблемам применения норм права, связанными с ипотекой зданий и сооружений. По итогам исследования автор обоснованно приходит к выводам, которые могут быть полезны для дальнейшего совершенствования законодательства об ипотеке недвижимости.

Ключевые слова: ипотека здания и сооружения, правовое регулирование, гражданское право.

Стоит признать, что приобретение недвижимого имущества на сегодняшнее время представляет собой определенную трудность, а потому государство и разрабатывает определенные механизмы, чтобы сделать приобретение недвижимости более доступным, к числу таковых относят институт ипотеки. Так, институт недвижимости представляет собой залоговое обременение, которое предоставляется кредитору в качестве обеспечения возврата кредита, выданного застройщику, владельцу объекта недвижимости или другому лицу [4, с. 83].

Общие положения о залоге как о способе обеспечения исполнения обязательств закреплены в параграфе 3 главы 23 Гражданского Кодекса Российской Федерации, тогда как во второй главе Гражданского Кодекса Российской Федерации описаны правила о вещных правах. Однако, Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» значителен преимущественным в правовом регулировании. Следовательно, общие нормы гражданского законодательства о залоге находят свое конкретное выражение в специальном законодательстве об ипотеке.

В то же время ипотека как способ обеспечения исполнения обязательства характеризуется определенной спецификой, что обусловлено видом недвижимого имущества, которое передается в залог [1, с. 39]. Так, особое значение в данном контексте приобретает ипотека зданий, поскольку такие объекты обладают самостоятельным правовым режимом. В связи с этим дальнейшее исследование требует обращения к понятию здания, его соотношению с иными объектами недвижимости, а также к особенностям правового регулирования ипотеки зданий.

Так, легальные дефиниции таких терминов как «здание» и «сооружение» содержатся в ст. 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

«Здание — это результат строительства, представляющий собой объемную систему с надземными и (или) подземными частями, включающую помещения, инженерно-технические сети и системы, предназначенную для различных целей, таких как проживание, деятельность, производство, хранение продукции или содержание животных».

«Сооружение — это результат строительства, представляющий собой объемную, плоскую или линейную конструкцию, включающую наземные, надземные и (или) подземные части. Оно состоит из несущих элементов, а также, в некоторых случаях, ограждающих конструкций, и предназначено для осуществления различных производственных процессов, хранения продукции, временного пребывания людей, а также для перемещения людей и грузов».

На основании вышеизложенных определений, можно выделить следующие критерии, разграничивающие понятия «здание» и «сооружение».

Наличие помещений, инженерных сетей и систем обеспечения: в зданиях эти элементы всегда присутствуют, что отличает их от сооружений.

Назначение зданий включает в себя возможность использования их для проживания, осуществления различных видов деятельности, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. Строения, в свою очередь, предназначены для проведения разнообразных производственных процессов, хранения продукции, временного пребывания людей, а также для перемещения людей и грузов [2, с. 149].

Здания и сооружения, неразрывно связаны с землей, при этом они могут находиться как над поверхностью земли, имея фундамент, так и под землей. При этом к числу таких объектов нельзя отнести некие временные сооружения, не имеющие фундамента, а, следовательно, и связи с землей. Поэтому такие активы являются составной частью предприятия, но отдельно не регистрируются и не предполагают никаких отдельных режимов для владения и отчуждения земельного участка, на котором располагаются [3, с. 58].

Абз. 2 статьи 69 Федерального закона «Об ипотеке» определяет, что для ипотеки зданий или сооружений необходимо также и ипотека земельного участка, на котором находятся соответствующие здания или сооружения.

В том случае, если земельный участок принадлежит залогодателю не на праве собственности, а на праве аренды, при ипотеке здания или сооружения заложным считается право аренды соответствующего земельного участка.

В целях устранения возможной неопределенности предлагается дополнить абз. 3 ст. 69 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» прямой отсылкой к п. 4 ст. 6 указанного Федерального закона, предусматривающему необходимость получения согласия арендодателя на ипотеку права аренды, если федеральным законом или договором аренды не предусмотрено иное [5, с. 161].

Также не вполне понятно, почему законодатель в данной норме упоминает только право аренды земельного участка, оставляя без внимания случаи, когда здание или сооружение расположено на земельном участке, предоставленном залогодателю на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. На практике такие ситуации также возможны, особенно в отношении имущества государственных и муниципальных унитарных предприятий, учреждений и иных публично-правовых субъектов. В связи с этим представляется целесообразным уточнить содержание абз. 3 ст. 69 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», распространив его действие не только на право аренды, но и на иные вещные права на земельный участок, если они принадлежат залогодателю и могут выступать объектом залогового обременения в соответствии с законом.

В абз. 4 ст. 69 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» отдельно урегулирована ситуация, когда здание или сооружение расположено на земельном участке, принадлежащем залогодателю на праве постоянного бессрочного пользования. В отличие от права собственности или права аренды, указанное право не вклю-

чается в предмет ипотеки и не обременяется залогом. Такой подход объясняется особой правовой природой права постоянного бессрочного пользования: оно предоставляет лицу возможность владеть и пользоваться земельным участком в установленных законом пределах, однако не предполагает полноценного распоряжения им.

В то же время в абз. 4 ст. 69 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» установлено, что при обращении взыскания на здание или сооружение лицо, которое приобретает такой объект в собственность, приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимого имущества. Иными словами, само право постоянного бессрочного пользования не становится предметом залога, однако приобретатель здания или сооружения получает возможность пользоваться земельным участком в объеме, необходимом для эксплуатации приобретенного объекта недвижимости. В связи с этим возникает вопрос о согласованности данного положения со ст. 39.9 ЗК РФ, поскольку указанная норма строго определяет круг субъектов, которым земельный участок может быть предоставлен на праве постоянного бессрочного пользования.

В этой связи для устранения возможной неопределенности в ст. 39.9 ЗК РФ предлагается указать, что приобретение здания или сооружения в порядке обращения взыскания является самостоятельным основанием для пользования соответствующим земельным участком на условиях, предусмотренных абз. 4 ст. 69 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Литература:

1. Бальжинимаева, А. Б. Правовое регулирование залога недвижимых вещей: новое в законодательстве / А. Б. Бальжинимаева. — Текст: непосредственный // Государство и право в условиях гражданского общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, 10 декабря 2016 г., г. Пермь: в 2 ч. Ч. 1. — Уфа: АЭТЕРНА, 2016. — С. 38–41.
2. Власов, Е. Н. Особенности ипотеки земельных участков, на которых имеются здания, строения и сооружения / Е. Н. Власов. — Текст: непосредственный // Право и политика. — 2007. — № 10. — С. 144–149.
3. Давыдова, Е. И. Проблемы залога земельного участка с недвижимостью / Е. И. Давыдова. — Текст: непосредственный // Вопросы российского и международного права. — 2018. — Т. 8. — № 7А. — С. 57–62.
4. Мордвиненко, Е. Н. Понятие недвижимого имущества как объекта аренды и залога / Е. Н. Мордвиненко, Я. В. Кухмистрова. — Текст: непосредственный // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 11–5. — С. 82–85.
5. Скворцова, Т. А. Недвижимое имущество как предмет залога / Т. А. Скворцова, Я. В. Кухмистрова. — Текст: непосредственный // Высокие технологии и инновации в науке. — 2021. — С. 160–162.

Дискуссионные вопросы квалификации преступлений, связанных с принуждением к даче показаний

Токарева Ксения Александровна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Актуальность исследования

Принуждение к даче показаний в уголовном судопроизводстве относится к числу наиболее опасных посягательств на правосудие, поскольку оно одновременно нарушает конституционные права личности, подрывает независимость суда и искажает процесс установления истины по делу. Гарантированная законом возможность свободно, без постороннего давления, сообщать известные сведения выступает одной из фундаментальных основ состязательного уголовного процесса. Любое противоправное вмешательство в формирование показаний ведёт к риску вынесения незаконного или необоснованного судебного акта, что, в свою очередь, подрывает доверие общества к правоохранительной и судебной системе в целом.

Несмотря на кажущуюся ясность запрета, закреплённого в ст. 302 УК РФ, правоприменительная практика сталкивается с устойчивыми проблемами квалификации данного преступления. Остаются дискуссионными вопросы о круге потерпевших, разграничении со смежными составами (превышение должностных полномочий, принуждение к даче показаний частными лицами), доказывании специальной цели, а также о соотношении уголовно-правовой и уголовно-процессуальной регламентации статуса участников процесса. Существующие статистические данные о количестве выявленных преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ, не отражают реального положения дел ввиду высокой латентности подобных деяний.

Указанные обстоятельства в совокупности обуславливают высокую теоретическую и практическую значимость исследования проблем квалификации преступлений, связанных с принуждением к даче показаний, а также необходимость выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Основная часть

Показания участников уголовного судопроизводства традиционно рассматриваются в доктрине как одно из ключевых средств процесса доказывания. Именно на их основе формируется внутреннее убеждение судьи, реконструируется событие преступления и, в конечном счёте, принимается решение, определяющее судьбу человека. Однако фокус на содержательной и процессуальной ценности вербальной информации не должен вытеснять собой на второй план вопрос о процессуальной чистоте её получения.

Институт дачи показаний в уголовном процессе играет важную роль в установлении обстоятельств по делу, что оказывает непосредственное воздействие на принятие решения судом. Принуждение к даче показаний является серьёзным нарушением прав человека, угрожает осуществлению правосудия и подлежит квалификации по соответствующим статьям УК РФ. Вместе с тем правовая природа данного посягательства дуалистична: оно не только умаляет достоинство личности и её право на защиту, но и искажает саму суть правосудия, превращая его из состязательного процесса в репрессивный механизм, основанный на заранее заданном обвинительном тезисе. Невершенство нормативно-правовой базы, трудности доказывания, особенности правоприменения — влекут проблемы квалификации таких преступлений.

Согласно статистическим данным, количество совершённых в России преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ, стабильно невелико на протяжении долгих лет [1]. Однако указанный факт не даёт оснований констатировать их малоколичественность, а лишь позволяет говорить о высоком уровне латентности.

Несмотря на соотношение норм статей 286 УК РФ и 302 УК РФ как общей и специальной, анализ правоприменительной практики показывает более частое использование квалификации по первому составу, что, зачастую, не является обоснованным. Причиной тому сложнодоказуемость прямого умысла и, связанной с ним специальной цели — принуждения к даче показаний [2]. Кроме того, являясь более общественно опасным, состав ст. 302 УК предусматривает более мягкую по отношению к ст. 286 УК санкцию, что нелогично и требует внесения поправок.

Доктринальные дискуссии и проблемы правоприменения порождает указанный в диспозиции специальной нормы исчерпывающий перечень потерпевших, подлежащий, по смыслу п. 9 Постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», расширенному толкованию, включая в свой состав и близких для подозреваемого, свидетеля и др. указанных лиц. Исходя из принципа законности, следует указать таких лиц в норме Уголовного закона.

Показания от имени юридического лица, которое может быть потерпевшим, даются его представителем, который также нуждается в защите законодателя, что даёт основания рассмотреть возможность о внесении соответствующего дополнения в статью.

Поскольку подозреваемый и заподозренный (не имеющий формализованного статуса в УПК РФ) схожи

с точки зрения процессуального положения, считаем обоснованным предложение А. Н. Попова дополнить перечень охраняемых статьёй лиц «заподозренным» [3].

Статья 302 УК РФ охраняет строго ограниченный круг лиц. Однако на практике воздействию нередко подвергаются те, кто формального процессуального статуса не имеет, но обладает значимой информацией — например, заявитель, очевидец или ещё не допрошенная жертва. Асеев А. Ю. и Чекмезова Е. И. аргументируют необходимость признания таких лиц потерпевшими, подчёркивая межотраслевую рассогласованность [4].

Суть этой рассогласованности кроется в фундаментальном несовпадении логики двух отраслей законодательства. Уголовно-процессуальный закон связывает возникновение формального статуса участника судопроизводства с моментом вынесения соответствующего постановления. Так, лицо становится потерпевшим, свидетелем или подозреваемым не в силу самого факта обладания юридически значимой информацией, а лишь после документальной фиксации этого статуса дознавателем, следователем или судом. Уголовное же право, криминализируя деяние в ст. 302 УК РФ, преследует цель защитить не формальный статус лица, а сами общественные отношения, обеспечивающие получение достоверной доказательственной информации в условиях свободы волеизъявления её носителя.

Осужденный и оправданный — являются наименованиями обвиняемого, однако все три дефиниции одновременно используются в ст. 302 УК, перегружая норму, тем самым вызывая проблемы юридической техники [4].

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что существующий законодательный дисбаланс ставит под вопрос реализацию конституционных гарантий государственной защиты прав и свобод человека. Как справедливо отмечается в научной литературе, количество выявленных преступлений, связанных с оказанием противоправного воздействия на участников судопроизводства, ежегодно возрастает.

Рассматривая вопрос о круге потерпевших от принуждения к даче показаний, нельзя обойти вниманием ещё

один аспект межотраслевого дисбаланса. Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства, направленные на повышение эффективности проверки сообщений о преступлениях, парадоксальным образом расширили поле для возможных злоупотреблений. В этом контексте весьма своевременным представляется замечание, высказанное профессором А. Ю. Епихиным.

Профессор указывает, что расширение перечня следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, означает: незаконное воздействие может оказываться на лиц, формально ещё не являющихся участниками процесса [5]. Квалификация по ст. 302 УК РФ требует обязательного системного толкования с нормами УПК, иначе неизбежны коллизии.

Используемое в структуре нормы условие молчаливого согласия при инкриминировании состава в отношении «другого лица», совершившего противоправное деяние, не находит своего толкования законодателем, что создаёт сложности в работе правоприменителей и угрожает должной реализации принципов правосудия, тем самым вызывая необходимость дачи соответствующих разъяснений, например, в Пленуме ВС РФ.

Требуемое руководителями от специальных субъектов ст. 302 УК повышение показателей раскрываемости преступлений и сопровождающее его отчётность — является благоприятным условием для роста количества совершений данного преступления. В рамках профилактики и ввиду загруженности руководителей целесообразно усилить ведомственный контроль за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования путём создания на уровне субъектов РФ контрольно-методического подразделения.

Таким образом, достичь максимальной эффективности работы института дачи показаний в контексте судопроизводства возможно лишь в случае комплексного подхода по разумному совершенствованию нормативной базы, регулирующей данные правоотношения, и внедрению дополнительного контроля за деятельностью специальных субъектов, осуществляющих предварительное расследование, на практике.

Литература:

1. Иванов Ю. С. Проблемы правового регулирования // Правовед. — 2011. — № 3 т. 21. — С. 379.
2. Мялицына М. А., Борков В. Н. Последствия преступления как критерий общественной опасности принуждения к даче показаний // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки — 2024. — № 3 — С. 70.
3. Попов Н. А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение: дис. канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 67.
4. Асеев А. Ю., Чекмезова Е. И. К вопросу о расширении круга потерпевших от принуждения к даче показаний // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — № 3 т. 21. — С. 379.
5. Епихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. 2012. N 2–3. С. 140–145.

Поиск и реализация жизненного предназначения: модели психологического консультирования

Туманова Юлия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Чеботенко Диляра Ринатовна, клинический психолог, кризисный психолог
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются модели психологического консультирования в процессе поиска и реализации жизненного предназначения. Были выявлены проблемы психолога-консультанта в процессе проведения консультаций, определено поведение консультанта во время проведения сеансов. Изучены некоторые модели психологического консультирования, позволяющие предоставить психологическую помощь клиентам.

Ключевые слова: модели, жизненное предназначение, психологическое консультирование, проблемы, коррекция, этапы консультирования.

Стремление человека к поиску и реализации жизненного предназначения является его потребностью и характеризует его как личность.

Каждый человек в той или иной степени задумывается о своем жизненном пути и его смысле. Для многих этот поиск начинается в юности, когда происходит активное самоопределение, формирование личности и осознание своей роли в обществе. У других же глубокие размышления о предназначении пробуждаются в ответ на важные жизненные повороты — как радостные, так и трудные, заставляющие переосмыслить прежние взгляды. А третьи начинают осмысливать свое предназначение или его отсутствие лишь по завершении определенного жизненного этапа, чтобы оценить прошлое, выявить ошибки и сделать выводы. Поэтому формирование представления о жизненном предназначении требует от человека осмысления смысла жизни, ценностей и смыслообразования.

Психологическая наука все больше внимания уделяет внутреннему миру человека и его восприятию собственной жизни. «Современное общество, переживающее глобализацию и информатизацию, становится сложнее и менее предсказуемым, что затрудняет поиск смысла жизни и его предназначение. Несмотря на это, тема поиска и реализации жизненного предназначения недостаточно освещена в психологических исследованиях, особенно в контексте психологической помощи» [3, с. 84]. Существующие работы, например, таких авторов, как С. А. Мажkenова [5], или Л. П. Шуляк [6] фокусируются на общих методах консультирования, но поскольку каждый человек уникален, важно изучить специфику этой помощи и разработать модели индивидуального психологического консультирования.

Психологи-консультанты в процессе своей работы с трудностями клиентов сталкиваются с различными сложностями:

- «пассивная позиция клиента: клиент надеется, что психолог сам найдет выход из его проблем, вместо того чтобы активно участвовать в процессе;
- перекладывание ответственности: клиент не готов брать на себя ответственность за свою жизнь и решения, предпочитая, чтобы это делал кто-то другой;

— затруднение в развитии самостоятельности: такая позиция мешает клиенту научиться справляться с трудностями самостоятельно и чувствовать себя хозяином своей судьбы;

— навязывание решений со стороны консультанта: консультант предлагает готовые ответы вместо того, чтобы помочь клиенту найти их самому;

— формирование зависимости от психолога: клиент постоянно может нуждаться в советах и не сможет принимать решения без помощи специалиста;

— подавление самостоятельного мышления: клиент перестает верить в свою способность находить решения, полагаясь только на мнение консультанта;

— трудности в установлении доверительных отношений: недостаток доверия между клиентом и консультантом без ощущения безопасности и открытости;

— ожидание мгновенных изменений: клиент хочет увидеть значительные улучшения сразу после первой или нескольких встреч; создание излишнего давления на консультанта;

— проблемы с коммуникацией: неспособность четко сформулировать свои переживания мешает консультанту понять клиента и оказать ему нужную помощь;

— риск псевдонаучных практик: клиент обращается к астрологии, нумерологии или другим подобным практикам для поиска ответов на свои вопросы» [1, с. 115].

В процессе психологического консультирования личность специалиста играет ключевую роль. Неотъемлемым условием эффективной работы является принятие клиентом своей неповторимости и признание его права на самостоятельное принятие решений. При проведении сеансов психологического консультирования психолог должен уважительно относиться к мнению и убеждениям клиента, внимательно слушать все, что озвучивает консультируемый, принимать его точку зрения и т. д. Задача психолога заключается в содействии клиенту в обретении устойчивости посредством использования доступных реальных ресурсов и эффективных моделей консультирования, при этом сохраняя и уважая его индивидуальную систему ценностей и смыслов.

Работа с клиентами осложняется тем, что их жизненные задачи часто неясны и постоянно меняются. Эти трудности усугубляются недостатком информации, сложностью связей в ситуации и неполным пониманием происходящего. Стремление клиента к определенности может привести к ошибочным действиям. Психолог может столкнуться с агрессией, безответственностью, задержками оплаты или попытками манипуляции. Негативное отношение клиента к психологу или методу работы может быть связано с прошлыми травмами, семейными проблемами и другими факторами. Многие психологи не готовы к таким ситуациям из-за недостатка образования, личной терапии и собственных личностных особенностей.

«В своей работе психолог-консультант может использовать различные модели с клиентом в контексте поиска и реализации жизненного предназначения. Психологическое консультирование, ориентированное на поиск и реализацию жизненного предназначения, охватывает широкий спектр взаимодействующих моделей» [2, с. 69]. Эти системы, включающие мифологические, нарративные, когнитивные, экзистенциальные и системные парадигмы, предоставляют клиентам разнообразные инструменты для саморефлексии, идентификации личных ценностей и потенциала, а также для конструирования жизненного пути, характеризующегося смысловой наполненностью и субъективным благополучием.

Рассмотрим некоторые модели психологического консультирования, ориентированного на поиск и реализацию жизненного предназначения.

1. Модель «Путешествие Героя»

Модель предлагает клиенту переосмыслить свою жизнь как захватывающее приключение, используя архетипы мифологического нарратива. Она направляет клиента к восприятию своей жизни через призму мифологических историй, где он становится главным героем, проходящим через ключевые этапы личностного роста и трансформации.

Значение модели: Человек обретает свое жизненное предназначение, проходя через испытания, находя мудрых наставников, справляясь с внутренними и внешними барьерами. Этот процесс ведет к обретению глубинного самосознания и понимания своего места в мироздании, после чего следует возвращение, обогащенное новым видением или даром.

Концентрация на определении жизненной цели:

- зов к приключениям: внутренний дискомфорт и пробуждение к поиску более глубокого смысла жизни;
- пересечение порога: решимость начать внутреннюю трансформацию и покинуть зону привычного комфорта;
- испытания, союзники и враги: идентификация и преодоление внутренних ограничений (страхи, негативные установки), и развитие внутренних ресурсов, и поиск внешней поддержки;
- приближение к сокровенной пещере: интенсивное погружение в себя для ответа на основные вопросы о своем существовании;

- главное испытание: преодоление центрального внутреннего конфликта, определяющего дальнейший путь;
- награда: обретение ясного понимания своей истинной природы, ценностей и жизненной цели;
- путь назад и воскрешение: интеграция нового самосознания в повседневную жизнь и начало активного воплощения своего предназначения.

2. Модель «Системного исследования ценностей и смыслов»

Данная модель акцентирует внимание на процессе обнаружения и встраивания фундаментальных ценностей клиента, которые служат отправной точкой для формулирования и достижения его жизненной миссии. Предполагается, что само предназначение неразрывно связано с системой приоритетов и смыслов, которые человек определяет для себя как наиболее существенные.

Значение модели: Истинное предназначение человека не дано ему свыше как некий неизменный рок. Оно рождается изнутри, из глубокого самопознания и верности своим основополагающим принципам. Эти внутренние ориентиры и становятся тем фундаментом, на котором строится личный смысл существования.

Направления в поиске жизненного предназначения:

- определение личностных ценностей клиента: выявление личностных ценностей — независимость, самовыражение, вклад в общество, близкие отношения, личностный рост;
- понимание жизненного смысла: исследование, проявлений ценностей в различных аспектах жизни, и какой глубокий смысл они вносят в существование клиента;
- соответствие внутреннему миру: оценивается, насколько текущие жизненные решения и поступки отражают главные ценности;
- визуализация желаемого будущего: формирование вдохновляющего образа того, как жизнь может выглядеть, когда ценности и смыслы полностью реализованы;
- создание дорожной карты: разрабатывается практический план, который поможет шаг за шагом воплотить это видение и найти свое истинное предназначение.

3. Модель «Раскрытия потенциала через сильные стороны»

Модель, опирается на идеи позитивной психологии и говорит о том, что чтобы найти свое истинное призвание, нужно понять и начать активно использовать свои природные дарования и сильные стороны.

Предназначение модели: Модель отходит от традиционного акцента на дефицитах и трудностях, вместо этого концентрируясь на идентификации и культивировании присущих человеку талантов и преимуществ. Основная задача модели заключается в разработке стратегий, позволяющих использовать эти сильные стороны для достижения существенных результатов и обретения личной значимости.

Основные направления в поиске жизненного предназначения:

- определение сильных сторон личности и уникальных возможностей и способностей;

- использование сильных сторон для поиска и реализации жизненного предназначения на текущем этапе;
- выявление лучших качеств и умений, для определения жизненного предназначения, опираясь на специальные инструменты и собственные размышления;
- построение деятельности с целью определения и построения жизненного пути и карьеры в соответствии с предназначением, максимально используя сильные стороны для достижения значимых результатов и оказания влияния.

Определение оптимальной модели психологического консультирования для исследования жизненного пред-

назначения обусловлено комплексом факторов, включающих индивидуальные характеристики клиента, специфику его запроса и личные предпочтения. Нередко наилучшие результаты достигаются посредством интегративного подхода, при котором консультант, базируясь на одной ведущей теоретической парадигме, избирательно применяет концепции и техники из других школ, тем самым персонализируя терапевтический процесс в соответствии с уникальными потребностями клиента.

Использование различных моделей включает в себя следующие этапы психологического консультирования, представленные на рисунке 1 [4, с. 39].

Рис. 1. Этапы психологического консультирования

Эффективное консультирование опирается на эклектическую методологию, предполагающую избирательное применение разнообразных моделей. Данная гибкость в выборе инструментов позволяет максимально соответствовать индивидуальным потребностям и задачам клиента, стимулируя тем самым его самоактуализацию и формирование жизненного пути.

Психологическое консультирование открывает значительные возможности для определения и достижения человеком своего истинного предназначения. Тем не менее,

результативность этого процесса напрямую связана с готовностью клиента к совместной работе, компетентностью психолога, а также с умением адаптироваться к современным реалиям, учитывая уникальность каждого человека и применяя разнообразные консультативные подходы.

Таким образом, найти и воплотить свое жизненное призвание — задача непростая, требующая глубокого понимания себя и целенаправленных шагов. Психологическое консультирование, используя разнообразные подходы, предоставляет клиентам индивидуальные ин-

струменты и взгляды. Часто наилучшие результаты дает интегративный метод, объединяющий сильные стороны разных моделей. Это помогает человеку полностью рас-

крыться, понять свои истинные ценности и желания, избавиться от внутренних преград и уверенно строить осмысленную и счастливую жизнь.

Литература:

1. Артюхов, А. И. Проблема предназначения и сущности человека / А. И. Артюхов // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 3 (54). — С. 114–116.
2. Гольева, Г. Ю. Психологическое консультирование: учебное пособие / Г. Ю. Гольева. — Челябинск: «Цицеро», 2016. — 112 с.
3. Гришина, Н. В. Психология жизненного пути / Н. В. Гришина // Психологический журнал. — 2017. — № 5. — С. 81–88.
4. Ермолаев, А. А. Основы консультативной психологии, специальная психология / А. А. Ермолаев. — Саратов., 2020. — 69 с.
5. Маженов, С. А. Предназначение человека: алгоритмы поиска и реализации: монография / С. А. Маженов. — Москва: Наш мир, 2022. — 160 с.
6. Шуляк, Л. П. К вопросу о предназначении человека / Л. П. Шуляк // Наука и современность. — 2015. — № 35. — С. 169–174.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 17.06.2026. Дата выхода в свет: 24.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.